

В.И.КОЗЛОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ:

СТАНОВЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
И ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

В.И.КОЗЛОВ

**ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ:
СТАНОВЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ И ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМ**

Москва, 1994

Ответственные редакторы: Ю. В. Силченю, В. А. Тишков

Редакторская группа: Брунов И. А., Кримова С. С., Квашнин Ю. Н.,
Ноосова Г. А., Павлова Н. В.

© 1994

Координационно-методический центр
Прикладной этнографии,
Институт этнологии и антропологии РАН

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Введение	3
Глава 1. Общество и природа (к развитию методологии исследования)	16
Глава 2. Экология человека и этническая экология	42
Глава 3. Экологическая адаптация и жизнеобеспечение этноса	70
Глава 4. Этноэкологические школы и концепции	97
Глава 5. Связи этнической экологии с медицинской географией и другими дисциплинами	120
Глава 6. Исторические аспекты этнической экологии	146
Глава 7. Этноэкологические исследования в Закавказье	181
Заключение: Этноэкологическая ситуация и этнические конфликты	210

ВВЕДЕНИЕ

Человек — по определению, данному еще Аристотелем, — является общественным существом, что отражается в его происхождении, сущности и бытии. Современные люди биологического вида, именуемого "Homo sapiens" (человек мыслящий), — с развитой речью, второй сигнальной системой и другими признаками, отличающими их от животных, возникли исторически в ходе коллективной жизни, эволюционировавшей от стад человекообразных обезьян к ордам обезьяно-людей и от них — к родоплеменным общностям, что произошло 40–50 тыс. лет тому назад. "Социализация" каждого нового поколения людей возможна лишь в социальной среде; известно, что дети, которые были в раннем возрасте похищены дикими животными или находились в заточении, будучи возвращены позже в социальную среду, так и не могли уже полностью "очеловечиться".

Люди с давних пор и до настоящего времени объединяются в самые различные группы или общности, отличающиеся друг от друга характером внутренних связей и своим назначением, структурой, размерами и другими признаками. Отдельная семья и группа родственных семей, производственный коллектив и воинская часть, религиозная община и профсоюзная организация, землячество и государство, а также многие другие объединения — все это различные виды или формы социальной жизни людей и вместе с тем различные группы или общности, к которым они могут принадлежать в течение всей жизни или в течение какого-то определенного периода. Изучение общих и частных закономерностей возникновения, функционирования и развития таких групп или общностей людей занимается главным образом социология; особо важные из них изучаются отдельными науками и научными дисциплинами.

Если разделить все общности людей на те из них, которые созданы с определенной целью и в которые люди вступают более или менее по их желанию, и на те, которые возникли как-бы естественно-историческим путем и в которые люди включаются с раннего детства, в ходе их социализации, то к числу вторых следует отнести прежде всего, с одной стороны, семейно-родственные группы, а с другой стороны - этнические общности или этносы (от греч. - народ), варьирующиеся от первобытных племен до современных наций. Уместно отметить, что термин "этнос", уже давно отраженный в названии специальной науки - "этнография" (народописание) или "этнология" (народоведение) в последние десятилетия стал все более вытеснять в русско-язычной научной литературе применявшийся до того термин "народ" из-за многозначности последнего (например, в выражениях типа "правящие классы угнетали народ", "на улице много народа" и пр.). То же самое наблюдается в западной науке; так в англоязычной литературе термин "people" все чаще заменяется терминами "ethnos", "ethnicity" и др.

Устойчивость этнических общностей, существование которых нередко измеряется столетиями, а иногда и тысячами летиями (например у армянского и китайского этносов), а также видная роль, которую они играют в жизни людей и во всем историческом процессе развития человеческого общества, потребовали разработки теории этноса. Задачи, решаемые этой теорией можно разделить на две основные группы. Во-первых, она должна показать сущность этноса, как особого социального явления, как особого исторически сложившегося и развивающегося вида общности людей, выявить наиболее существенные особенности его по сравнению с другими общностями, особенно, - с близкими к этносу по тем или иным параметрам и могущими сочетаться с ним (религиозной, государственной и

др.). Одним из важнейших результатов такого исследования должно явиться развернутое научное определение понятия "этнос". Во-вторых, теория этноса должна вскрыть основные пути формирования и эволюции этнических общностей в ходе этнических процессов, в различных исторических (социально-экономических, политических и др.) и природных условиях, установить основные факторы, которые определяют этнические процессы. Важным результатом этой части теории этноса должна явиться типология этнических общностей и этнических процессов.

Теория этноса образует методологическую основу этнологической (этнографической) науки, основным объектом исследования которой являются этносы всего земного шара; определяя этот объект, теория этноса способствует уточнению главных задач этнографии и ее соотношения с другими науками. Велико значение теории этноса и для смежных с этнологией наук, прежде всего для истории, в которой этносы выступают в качестве одного из основных объектов и субъектов исторического процесса. Само содержание этого процесса во многом определяется историей различных этносов мира и их взаимоотношений друг с другом; правда, по своему влиянию на общественное развитие, согласно историческому материализму, этнические факторы в классовом обществе отходят на второй план перед факторами классово-политическими, но зато они возникают раньше их, а нивелируются медленнее. Значение теории этноса для социологии определяется важностью этнических (национальных) общностей среди других социальных образований и группировок и их устойчивостью, обусловленной стойкостью этнического самосознания, языка, традиционных форм культуры и быта. Эта стойкость особенно заметна в настоящее время, когда под влиянием научно-технической революции и ускоряющихся темпов развития наблюдается изменение многих других компонент социальной структуры общества, например, классово-профессно-

нальных групп. Этнические факторы и в изменившихся условиях способны оказывать существенное влияние на различные формы социальных контактов, на социальную и территориальную мобильность и т.д.

Теория этноса помогает разработке и решению так называемого национального вопроса, хотя это ее значение не следует преувеличивать. Уместно заметить, что существует две более или менее самостоятельных теории: теория национального вопроса и теория нации. Первая из них относится к области политических теорий и определяет место и роль национальных (этнических) проблем во всей общественной жизни. Советские ученые придерживались теории национального вопроса, основные части которой (приоритет интернационализма над национализмом, право на самоопределение и др.) были разработаны классиками марксизма-ленинизма, особенно В.И. Лениным, и использовались в национальной политике коммунистической партии и советского правительства. Что же касается теории нации, то она относится к области историко-социологических теорий и входит в общую теорию этноса; предпринимаемые в последнее время некоторыми авторами попытки как то противопоставить "национальное" - "этническому" не выдерживают критики. Национальный вопрос понимался В.И. Лениным как вопрос, относящийся по существу ко всем народам мира, за исключением остальных племенных общностей, вроде готтентотов и бушменов ¹; центральный тезис национальной программы РСДРП о праве наций на самоопределение толковался как тезис о праве "народов" на самоопределение ². Связь между этими двумя теориями - не прямая, а косвенная. В принципе можно не иметь разработанной теории нации, пользоваться термином "нация" довольно свободно и в целом правильно решать национальный вопрос; при предоставлении в Советском Союзе национальной государственности туркменам

или, скажем, мордве никто, очевидно, не проверял отвечают ли эти этносы определению научного понятия "нация". И, напротив, можно иметь научное определение понятия "нации" (или - этноса) и все же допускать ошибки в национальном вопросе, например, преувеличивать роль национальных (этнических) факторов в жизни, поддерживать национализм, национальное неравноправие и т.п.

Разработка теории этноса в советской науке шла довольно медленно и развернулась главным образом с середины 1960-х гг. Она затруднялась из-за отставания нашей социологии, вследствие консервации сталинского определения нации и по некоторым другим причинам. Важную роль среди них играло то обстоятельство, что известные в истории и существующие ныне этносы представляют собой обычно очень сложные образования с массой индивидуальных особенностей, которые создают серьезные препятствия для понятийных обобщений. Задача усложнялась и тем, что люди, как уже отмечалось, образуют не только этнические, но и множество других общностей или коллективов. При этом, одна и та же группа людей может одновременно входить, например, в производственный коллектив, класс, политическую партию, религиозную организацию, этнос и государство; эта группа людей определенным образом связана со всеми другими группами, входящими в те же общности, и вместе с ними отделяет себя от общностей другого вида; в одной ситуации она может выступать преимущественно как часть одной из таких общностей, а при изменившейся ситуации - как часть другой. Выделить из этого сплетения этнические связи, этнические признаки - не так то легко.

Научное познание, в том числе разработка научной теории этноса не представляет собой пусть трудную, но все же прямую дорогу к цели. Именно конечная-то цель для исследователя обычно и не видна; чаще всего это напоминает путь через трудное и сложное, где далекая цель не сразу

удаётся найти нужное направление. Вспоминается, что известный физик академик А.Б.Мигдал, рассматривая общие проблемы развития науки и ее борьбы с "лженаукой", привел слова из речи А.Камю при получении им Нобелевской премии о том, что искусство шагает по узкой тропинке между двух бездн: с одной стороны - пустота, с другой - тенденциозность; в науке же, по мнению Мигдала, такими безднами являются верхоглядство и догматизм. Предложенный образ - яркое, но к трудностям, испытываемым обществоведами, я бы добавил нередко проступающую и здесь тенденциозность. Поэтому и отдельные элементы "лженауки", о которой пишет Мигдал, или, скажем, мягче, "псевдонауки", здесь могут проявляться чаще, чем в естественных науках. Здесь можно чаще встретить случаи, когда "смутная идея объявляется достоверной истиной; то, что противоречит ей, замалчивается, а то, что подтверждает, громко рекламируется" ³; здесь "смутной идее" легче оснаститься удобным понятийно-терминологическим аппаратом и т.п. И только способность науки к самоочищению позволяет в конце-концов восторжествовать истине.

К концу 1970-х гг. в результате проведенных к тому времени разработок и обсуждений основные положения теории этноса вырисовывались уже достаточно четко. Под этносом или этнической общностью понималась исторически сложившаяся устойчивая группировка людей в форме "племени", "народности" и "нации". Основными условиями возникновения этнической общности являются общность территории и языка, которые выступают затем и в качестве ее главных признаков. Нередко этносы складываются и из разноязычных компонентов (например, многие нации Америки). Дополнительными условиями сложения этноса могут служить общность религии, близость его компонент в расовом отношении или наличие значительных метисных (переходных) групп. В ходе этногенеза, под влиянием особенностей хозяйственной деятельности в определенных

природных условиях и других факторов, формируются характерные для этнической общности черты материальной и духовной культуры, быта, групповых психологических характеристик. У членов этноса проявляется общее самосознание, видное место в котором занимает представление об общности их происхождения; внешним проявлением этого самосознания является общее самоназвание — этноним. Сформировавшийся этнос выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путем преимущественно этнически однородных браков и передачи новому поколению языка, культуры, традиций, этнических ориентаций и т.д. Этноты подвержены изменениям в ходе этнических процессов — консолидации, ассимиляции и др. Для более устойчивого существования этноты стремятся к созданию своей социально-территориальной организации (в классовом обществе — государства) ⁴.

Однако разработка теории этноса к этому времени еще не была завершена. Она продолжалась и в последующие годы, к сожалению, не во всем успешно. Много сил израсходовано например на попытки уточнить содержание основных исторических форм или типов этноса, особенно тех из них, которые обозначались термином "народность"; однако позитивные результаты проведенных по этому вопросу дискуссий оказались в целом довольно скромны ⁵. Немалое замечательство вызвала концепция этноса и этнической истории, предложенная Л.Н.Гумилевым; по этой концепции этноты считаются не социальными, а биологическими категориями с определенными сроками продолжительности их жизни; происхождение этносов, по Гумилеву, обусловлено деятельностью особых людей — "пассажариев", появляющихся вследствие мутаций под воздействием космических лучей в определенных районах Земли и т.д. ⁶

Разработкой теории этноса занимаются главным образом этнологи (этнографы), что имеет как свои плюсы, ибо они лучше других обществоведов знают фактический материал,

так и своя минусы, ибо они в силу своей специализации склонны обращать основное внимание на культурологические аспекты теории этноса, нередко упуская из вида другие аспекты. Представляется желательным большее участие в такой работе философов-обществоведов, социологов, историков, языковедов. Вместе с тем, в обширной и многосторонней теории этноса имеются и такие аспекты, которые должны привлечь внимание и специалистов естественных наук или научных дисциплин, в том числе и аспект, который может быть назван "экологическим", т.е. связанным с особенностями жизни этносов в определенной природной среде.

За последние десятилетия в мировой науке экологические исследования и прежде всего исследования по экологии человека приобрели огромный размах, и можно предполагать, что в обозримом будущем их значимость еще более возрастет. Это обусловлено как продолжающимся объективным ухудшением экологической ситуации в большинстве стран мира (в том числе во многих регионах России), так и растущей озабоченностью широких кругов общественности перспективами дальнейшей жизни людей на Земле. В капиталистических странах это отразилось, например, в быстром росте различных экологических обществ и увеличении числа сторонников партий так называемых "зеленых", имеющих в ФРГ и некоторых других странах своих представителей в парламентах. В СССР важность разработки экологической проблематики отмечалась в основных партийных материалах и государственных решениях. Хотя делалось в этом отношении мало.

В настоящее время в нашей стране, как и за рубежом, уже достаточно сильно проявился процесс экологизации почти всех естественных наук, наблюдается своего рода экологизация мышления и у специалистов некоторых общественных наук. В зарубежной этнологии это отчетли-

во проявилось как на теоретическом, так и на практическом уровне. Первое выразилось особенно четко в развитии примерно с середины 1950-х гг. различных экологических направлений в американской этнографии ("культурной антропологии"). Второе - главным образом среди этнологов ряда развивающихся стран, все чаще высказывающихся в пользу хотя бы частичного возвращения к традиционным, экологически сбалансированным системам жизнеобеспечения бытовавшим среди коренных народов до экспансии европейских колонизаторов и разрушенных в результате внедрения товарных монокультур и т.п. При этом, однако, они вынуждены искать опору в теоретических разработках американских этно-экологов, методологически отнюдь не совершенных и требующих критической переработки.

Внимание зарубежных (прежде всего - американских) этнологов к экологической проблематике, конечно, не случайно и кроме важности и актуальности самой экологии человека обусловлено рядом других обстоятельств. Первое из них заключается в том, что этнос является устойчивой самовоспроизводящейся общностью, требующей налаженной в той или иной степени традиционной системы жизнеобеспечения. Второе - в том, что этнос является общностью, возникающей на определенной территории, в конкретных природных условиях, которые создают естественную базу для жизнеобеспечения этноса и во многом определяют специфику этого жизнеобеспечения. Третье - тем, что культура и особенно материальная культура, являющаяся основным средством небиологической адаптации людей к среде обитания по своему начальному генезису во многом связана с этносом и выступает в виде этнической культуры; этнология, ставящая одной из главных своих задач изучение традиционной культуры и быта народов мира, неизбежно подходит и к необходимости изучения

особенностей их жизнеобеспечения, т.е. к решению экологических задач.

Отмеченные обстоятельства, способствующие сближению этнологии с экологией человека, должны были проявиться, конечно, и в советской науке, однако это произошло, как будет показано далее в главах данной монографии, в основном лишь с конца 1970-х гг. Одной из причин такой задержки было сравнительно медленное развитие у нас экологии человека, другой - новизна такой тематики для этнологов и шире - обществоведов, да, вероятно, и опасения при разработке ее как-то преувеличить значение "биологических" факторов в социальной жизни. Своего рода подтверждением таких описаний явилась уже упомянутая методологически неверная биолого-географическая концепция этноса, выдвинутая Л.Н.Гумилевым. Поэтому среди части даже тех этнологов, которые приступили непосредственно к тематике жизнеобеспечения этноса, долгое время преобладал культурологически-типологический, а не экологический подход.

Развернувшееся в середине 1970-х гг. обсуждение вопросов экологии человека и умножение числа экологических работ показали, что при методологически правильном подходе обществоведам не следует бояться жупела "биологизаторства". Подобно тому, как в общей экологии основными объектами исследования являются не отдельные особи, а их совокупности в виде популяций, так и экология человека в действительности представляет собой экологию каких-то групп или общностей людей, первостепенное место среди которых занимает этнос. Определяя место этноса в экологии человека, С.Н.Артемовский писал: "В отличие от экологии других живых существ в экологии человека основными единицами выступают не популяции, зависящие от условий местобитания, а этнические сообщества, взаимодействие которых с окружающей средой в ходе истории приобретает все более активный и выгодный

для человека смысл" ⁷. Это утверждение представляется неточным, так как оно сводит всю экологию человека к этнической экологии; кроме того, крупные этносы вообще не подходят на роль экологических таксонов; внутри них целесообразно выделять экологические подразделения, названные В.П.Алексеевым "антропогеоценозами" ⁸, о чем речь пойдет далее. Тем не менее, значение этноса здесь действительно велико.

В конце 1970-х гг. в СССР началось формирование на стыке этнографии с экологией человека новой научной дисциплины — этнической экологии. Основными задачами ее является изучение традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и их позитивного опыта природопользования, а также исследование способов адаптации этнических групп к природным и социально-культурным условиям среды их жизни, оценка успешности этой адаптации по физическому и психическому здоровью, долгожительству и другим показателям ⁹. Дальнейшая разработка этой дисциплины отразилась в книге "Этническая экология" ¹⁰ и других работах.

Значение этнической экологии обусловлено тем, что она призвана разрабатывать сложные, диалектически противоречивые проблемы взаимоотношения общества и природы в их конкретных проявлениях, т.е. во взаимоотношениях конкретных этнических групп с определенной средой их жизни. Тем самым этническая экология может играть роль связующего звена между обществоведческими и естественными науками, взаимодействию которых в настоящее время придается все более существенное значение. Экологический опыт каждого народа представляется столь же оригинальным и значимым, как и вся его этническая культура, поэтому в такой многонациональной стране, как Россия, эта дисциплина может сыграть важную роль в экологическом воспитании и образовании грядущих поколений. Это относится как к традиционному рациональному

природопользованию, так, например, и к достижению активного долголетия с учетом конкретных природных и социально-культурных факторов.

В связи с изложенным выше, предлагаемая читателям монография посвящена рассмотрению основных проблем и разделов этой новой научной дисциплины. В некоторых случаях, сталкиваясь с неразработанными проблемами и с дискуссионными вопросами, мне пришлось ограничиться по возможности более четкой формулировкой их. Я надеялся, что четкая и правильная постановка вопросов может существенно облегчить их разработку другими исследователями, которых привлечет интересная, актуальная, важная в научном и практическом отношении дисциплина — этническая экология.

И в завершение этого "Введения" — еще об одном обстоятельстве. Развернутый со второй половины 1980-х гг. критический анализ неудачной и даже порочной практики строительства социалистического общества в Советском Союзе и некоторых других странах мира, оказавшихся под его влиянием, был перенесен и на основных теоретиков "научного коммунизма" — К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина. В результате этого по-существу все работы этих классиков марксизма-ленинизма, составлявшие более 70 лет методологическую основу советских обществоведческих наук, были поставлены под сомнение, а то и отвергнуты; ссылки на них, ранее почти обязательные, стали считаться чуть ли не признаком дурного тона. Согласиться с этим я не могу. К.Маркс, Ф.Энгельс, а в известной степени и В.И.Ленин, были не только политическими вождями, но и крупными учеными-обществоведами. Так к ним относятся многие зарубежные ученые, отнюдь не считающиеся марксистами, так предпочитаю относиться к ним и я, приводя в данной работе соответствующие цитаты из их сочинений по существу дела и в историографических целях.

1. См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.38. С.159.
2. См. Старушенко Г.Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике советского государства. М., 1960. С.41.
3. Мигдал А. Отличима ли истина от лжи? Наука и жизнь. 1981. № 1.
4. См. Козлов В.И. Этническая общность. Этнос. БСЭ, 3-е изд., т.30. М., 1978.
5. Последняя из таких дискуссий была в 1986 г. - См.: Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Сов. этнография, 1986, № 3; Першиц А.И. Этнические общности и формационный процесс // Там же; Козлов В.И. От племени до наций // Там же, 1986, № 5 и др.
6. Гумилев Л.И. Этногенез и биосфера Земли, ЛГУ, 1989; см. также Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности (о концепции этноса и этнической истории предложенной Л.Н.Гумилевым) // Сов.этнография, № 4. М., 1990.
7. Артановский С.Н. Общественно-культурные аспекты экологии человека. ВФ, 1975, № 3.
8. Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика. Природа, 1975, № 7.
9. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии. СЭ, 1983, № 1.
10. Этническая экология: теория и практика. М., 1991.

Глава I. ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА (К РАЗВИТИЮ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Под "обществом" или "человеческим обществом" в самом широком смысле этого термина понимается вся совокупность людей, живших и живущих на земном шаре, т.е. человечество; в несколько более узком смысле в соответствии с терминологией исторического материализма, под "обществом" понимается совокупность людей, объединенных на определенной стадии исторического развития теми или другими производственными отношениями, обуславливающими все другие отношения между людьми, например "рабовладельческое общество", "капиталистическое общество" и т.п. Под "природой" в наиболее широком смысле понимается весь объективно существующий мир во всем его многообразии — от крохотной песчинки до галактических звездных скоплений и от мельчайшего микроба до различных видов млекопитающих; в философско-материалистическом понимании — это материя, воплотившаяся в различные формы и виды движения; человеческое общество в этом отношении является лишь небольшой частью природы. В более узком смысле под "природой" понимается географическая среда жизни человека, который тем самым как бы отделяется от "природы" и даже противопоставляется ей; отсюда ведут свое начало выражения типа "человек и природа", "общество и природа" и т.п., а также различные идеи о сути взаимоотношений этих "оппонентов", например, принесший немало вреда известный тезис селекционера И.В.Мичурина о том, что "мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!". Таким узким понятием "природы" мне придется пользоваться в следующей главе при рассмотрении экологии человека; здесь же целесообразно рассмотреть методологию исследования проблемы взаимоотношений "общества" и "природы" как

части и целого.

По вопросу о том, как возникла жизнь на Земле до сих пор идут научные дискуссии, в которых не отвергается и возможность занесения ее из космоса в виде каких-то спор. Что же касается человека, то он, несомненно, является одним из итогов длительной эволюции живых существ на Земле — от низших биологических форм или видов к более высоким; в условиях действия законов наследственности новые биологические виды возникали главным образом благодаря тем или иным мутационным изменениям генового механизма и утверждались в ходе естественного отбора, в процессе борьбы за существование. В последнее время считается, что первый вид гоминид — "австралопитек" — отделился от остальных приматов несколько миллионов лет назад и дал начало двум линиям эволюции, одна из которых привела к виду неандертальцев, вымершему 50-100 тыс. лет назад, а вторая — к виду "Homo sapiens" (человек разумный), известному также под названием "кроманьонца", который появился 40-50 тыс. лет назад; некоторые антропологи прослеживают, впрочем, прямую связь между неандертальскими и сапиенскими формами. По моноцентрической гипотезе происхождения гомо сапиено появился в регионе Ближнего Востока, примыкавшем к Средиземному морю, и оттуда расселился по всей обитаемой ныне суше; по полицентрической гипотезе он возник в нескольких отдаленных друг от друга областях мира, где произошло и формирование основных рас — европеоидной, негроидной и монголоидной; последняя гипотеза представляется мне менее доказанной, но это — тема для специальной дискуссии.

Споры между сторонниками моноцентрической и полицентрической гипотез происхождения современного человека не нарушают того общего для них вывода, что человек представляет собой один из видов живых существ, возникшем в каком-то регионе (или регионах) земного шара,

т.е. в определенных географических условиях, и связанный, как и другие живые существа с этими условиями. В этом исходном отношении человек или точнее — человеческие коллективы (так как человек по своему происхождению и существованию есть существо коллективное), а также все человечество или человеческое общество является, конечно, частью природы. Это так или иначе издавна понималось и многими людьми, что нашло свое отражение, кстати сказать, в первобытных религиях, особенно в анимизме и тотемизме. Анимисты, как известно, одухотворяют, т.е. наделяют особой душой не только всех живых существ, но и флору, а также явления природы (ветер, дождь и др.), космические и географические объекты (солнце, луна, реки, горы и др.); тотемизм основан на представлении о прямом родстве между группами людей (обычно — родовыми коллективами) с определенными видами животных или растений (например, род Орла, род Медведя и т.п.), реже — с явлениями природы и географическими объектами. Некоторые элементы первобытных религий (главным образом из анимизма) и идеи о естественном единстве людей и природы перешли в религии раннеклассового общества, как местные ("национальные"), так и мировые. Такие идеи четко выступают, например, в религии древних греков с ее богами и духами земли и моря, рек и лесов, с многочисленными мифами о превращении людей в животных и растения и т.п.; очень четко выступают они и в такой широко распространенной религии, как буддизм, центральное место в котором занимает учение о перевоплощениях души в различные телесные оболочки живых существ, будь то, скажем, мышь, собака или человек. Это определенным образом сказывалось и на экологическом поведении различных народов, о чем речь пойдет далее.

Сущностное противопоставление людей остальной природе особенно характерно для христианства с его учением

о "божественной" природе "души", а распространение его связано с постепенным освобождением людей от влияния природы по мере развития производительных сил. Однако "освобождение" человека от природы никогда не было и вряд ли когда-нибудь будет полным; материальное, да и духовное жизнеобеспечение людей, которому в дальнейшем будет посвящена специальная глава, пока не мыслится вне природы, и даже в тех случаях, когда создаются искусственные условия жизни, например на космических кораблях, это делается с использованием природы и законов взаимодействия природных явлений. Но это — во многом, как говорится, дело техники, а в мою задачу входит анализ соотношения человеческого общества с природой в историческом развитии относящихся к этой проблеме концепций.

Античные ученые, заложившие основы исторической и географической науки и давшие обширные описания известных им стран и народов, — от "отца истории" Геродота (5 в. до н.э.) до Страбона (I в. н.э.) с его 17-томной "Географией", нередко отмечали связь особенностей жизни тех или иных народов с природными условиями их обитания. О существенном влиянии таких условий на те или иные психические качества людей писал Гиппократ (4 в. до н.э.), беглые замечания о важной роли географических факторов, особенно климата, встречаются в работах таких крупных философов как Платон и Аристотель (4 в. до н.э.). Однако эти идеи не были изложены логически и представлены в виде концепции хотя бы на таком примитивном научном уровне как озарившая Демокрита идея о том, что все предметы или тела состоят из "атомов". Такие концепции стали появляться только с XVIII в., что было обусловлено необходимостью анализа огромного географического материала, накопленного в эпоху великих географических открытий и дальнейшим творческим освоением идей античных ученых, что привело к постепенному превраще-

нию истории из историко-географической фактографии в науку, пытавшуюся установить связи и закономерности появляющихся, хронологически развивающихся и сменяющихся друг-друга общественно-культурных явлений.

Суть первой из таких концепций, получившей позже название "географического детерминизма", сводилась к признанию сильного, зачастую определяющего влияние природной среды на историческое развитие стран и народов мира. Начало ее обычно ведется от французского философа Ш.Л.Монтескье, который в своих работах и главным образом в трактате "О духе законов" (1748 г.) показал очень большое, по его мнению, влияние природных условий, прежде всего климата и почвы на общественное развитие; достаточно показательны в этом отношении сами названия включенных в этот трактат "книг" (глав): "О законах в их отношении к свойствам климата", "Об отношении законов гражданского рабства к природе климата", "О законах в их отношении к природе почвы" и др.¹ Следует отметить, что Монтескье не считал природные условия единственным определяющим фактором общественного развития; "Многие вещи управляют людьми, — отмечает он, — климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа"². Тем не менее, он выделял именно природные условия, как наиболее объективные и постоянно действующие на жизнь людей факторы. Так, широкое распространение рабства и возникновение рабовладельческих государств он связывал прежде всего с жарким поясом, где климат расслабляет человека. Отмечая влияние особенностей почвы, он писал, например: "Бесплодие почвы делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне: ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва. Плодородие страны приносит им вместе с довольствием изнеженность и неко-

торое нежелание рисковать жизнью" ³. В главе "О странах, созданных трудолюбием людей", в которой высказаны идеи изменения природы человеком, в частности Монтескье отмечал: "Посредством труда и хороших законов люди сделали землю более удобной для обитания. Реки протекают там, где прежде были лишь озера да болота. Это благо, которое не было создано природой, но ею поддерживается... Подобно тому, как есть народы - разрушители, причиняющие зло, которое переживает их самих, есть и народы трудолюбивые, творящие добрые дела, которые не погибают вместе с ними" ⁴.

Изложенная в работах Ш.Л.Монтескье концепция, которую можно рассматривать как начало разработки "географо-исторического материализма", была для своего времени прогрессивной, так как в отличие от господствовавших тогда религиозно-идеалистических концепций объясняла историю человеческого общества во всем ее разнообразии по странам и народам мира не действием "божественного Провидения", развитием "духа" или деятельностью отдельных "героев", а влиянием вполне объективных условий и факторов, несколько изменяющихся во времени, но не теряющих при этом своей объективности и "материалистичности".

Концепция Ш. Монтескье почти сразу же вызвала критические замечания со стороны некоторых французских философов, в частности Вольтера и Гельвеция, главный аргумент которых, повторяемый, кстати сказать, критиками историко-географического материализма до сих пор, состоял в том, что природа той или иной страны с древности изменилась сравнительно мало, а общественный строй и вся жизнь людей - очень сильна, а потому, дескать, природа не может определять исторического развития стран и народов. Но этот аргумент, взывающий к необходимости учета роли каких-то других объективных,

но более динамичных факторов, сам по себе не опровергает действительно важную, иногда важнейшую роль географических факторов. Поэтому большинство крупных философов, историков и географов после Монтескье так или иначе отмечали или просто учитывали важную роль географических факторов в историческом развитии человеческого общества. Это относится, например, к философу Гегелю, который при ближайшем, так сказать, рассмотрении оказывается не столь уж идеалистичным, как было принято его изображать в советской философской литературе; В его "Лекциях по философии истории" есть специальная глава "Географическая основа всемирной истории"; в другой работе он писал: "Если человек не хочет погибнуть, то он должен признать, что мир существует оамостоятельно и в основном закончен. Он должен принять условия, поставленные ему этим миром и от их неподатливости отвоевать то, что он хочет иметь для себя самого. Но человек обыкновенно считает, что только нужда заставляет его приспособливаться к этому миру. В действительности же это единство с миром должно быть познано не как вынужденное, но как отношение разумное" ⁶.

Из числа ученых середины XIX в., отметивших существенное влияние природных условий на жизнь и историческое развитие народов следует упомянуть знаменитого естествоиспытателя и путешественника А. Гумбольда и особенно географа-теоретика К. Риттера, который при анализе пространственных отношений изучаемых объектов и явлений следовать также принципам историзма, учитывать их изменчивость под влиянием человеческой деятельности. "В ходе истории... - отметил он, - дикие, прежде разрушительные силы природы всякого рода, между прочим и механические, были укрощены или сделаны безвредными, климатическое влияние побеждено культурными способами.... Недостатки искусства и возделывания в весьма многих местностях сменились их изобилием,

цивилизация везде научила побеждать природу. А о этом вместе большая часть наполненных пространств земного шара не получила ли совершенно другого значения сравнительно с прежним временем". Не изменилось ли от этого совершенно их взаимное положение?"⁶. Большой методологический резонанс имело исследование английского историка и социолога Г.Т.Бокля "История цивилизации в Англии", в котором он отметил, что законы развития общества столь же универсальны, как и законы природы, указал на видную роль в истории народных масс и экономического фактора, но уделил особое внимание роли таких факторов в истории страны как климат, ландшафт, плодородие почвы и традиционные рационы питания⁷.

К.Маркс и Ф.Энгельс, создавшие исторический материализм как науку об общих законах развития человеческого общества, исходили из естественноисторического характера процесса этого развития. При этом Маркс, как известно, выделил из всех областей общественной жизни область экономическую, из всех общественных отношений -- отношения производственные, как основные и определяющие все другие отношения. Взяв за исходный пункт основной для всякого общества факт -- добывание средств к жизни, марксизм поставил в связь с ним те отношения, в которые люди вступают в процессе производства жизни, и представил систему этих производственных отношений в качестве "базиса", на котором возникает политико-юридическая надстройка и различные формы общественной мысли. Каждая система производственных отношений, возникающая на определенной ступени развития производительных сил и образующая вместе с ними общественно-экономическую форму, подчинена законам, как общим для всех формаций, так и особым, свойственным лишь этой формации.

Следует сказать, однако, что концепция "базиса" и "надстройки" представляет собой лишь основу исторического материализма, его центральную часть, могущую быть

названной "экономико-историческим материализмом". Попытки некоторых последователей Маркса выдать эту часть за весь исторический материализм привели, как известно, к его вульгаризации. Ф.Энгельс должен был специально указать, что "согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто-бы единственным определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу" ⁸. Изложенные Марксом и Энгельсом законы развития человеческого общества от одной общественно-экономической формации к другой имели, как уже отмечалось, самый общий характер; на основании таких законов было трудно понять, почему одни народы или страны проходили, например, путь формационного развития быстрее, чем другие; еще труднее было понять причины различий стран и народов, находящихся в рамках одной и той же формации, скажем отличия рабовладельческого Египта от рабовладельческого Афинского полиса. Для такого конкретного анализа они сами и их разумные последователи учитывали кроме экономического фактора и многие другие факторы, немаловажное место среди которых занимал географический фактор, особенности природных условий, о чем следует сказать подробнее.

Развивая идею естественноисторического процесса развития человеческого общества, К.Маркс и Ф.Энгельс основывались на представлении об органической связи природы и общества, а отсюда и допускали существенное, иногда определяющее влияние природных факторов, о чем писали сторонники географо-материалистической концепции. В сущности исторический материализм не отменил эту кон-

цепцию, а включил ее в себя как частный случай, примерно также как геометрия Лобачевского не отменила геометрию Эвклида. Показательно, что Маркс и Энгельс, подвергнув критике многие философские, экономические и историко-социологические концепции (например, концепцию Т.Мальтуса об ограниченности природных ресурсов и возможности кризисов перенаселения, в чем они, кстати, сказать, оказались не вполне правы), ни в одной из своих работ, насколько мне удалось установить, не делали этого по отношению к географо-материалистической концепции. Энгельс, говоря о географических детерминантах, упрекал их лишь в односторонности подхода к проблеме связи между обществом и природной средой, в результате чего их точка зрения, предполагающая, "что только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие, страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет её, создает себе новые условия существования"⁹. Однако такого одностороннего географического детерминизма не было, как отмечалось выше, почти ни у кого из видных сторонников концепции географо-исторического материализма. Нетрудно установить, что Маркс и Энгельс нередко разделяли некоторые положения этой концепции, о чем в советской науке говорить было не принято. Чтобы не быть голословным, приведу их относящиеся к данной тематике высказывания по возможности полнее, расположив их в более или менее логической последовательности и с минимальными комментариями.

"Первая предпосылка всякой человеческой истории, - указывали К.Маркс и Ф.Энгельс, - это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, - телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе... Всякая историогра-

фия должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которыми они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории" ¹⁰. "Человек - продукт природы, развивавшийся в определенной среде и вместе с ней" ¹¹.

На этих высказываниях, характеризующих исходную естественно-биологическую основу бытия человека, возникшего в природе и составляющего часть природы, как бы базируются историко-материалистические положения, касающиеся взаимодействия общества и природы и влияния географических факторов на историческое развитие отдельных стран и народов мира. "Историю, - отмечал К.Маркс, - можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга" ¹². "Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой... Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы". И в другом месте: "Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т.п. и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т.п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т.д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях - второй род естественного

богатства" 13.

Заслуживают внимания высказывания К.Маркса и Ф.Энгельса о влиянии природных условий на возникновение тех или иных общественных форм. "Из определенной формы материального производства, — отмечал К.Маркс, — вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно этим же определяется и характер их духовного производства" 14. В конкретных случаях роль природных факторов еще виднее:

"Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы... Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо центрального правительства" 15. Примерно о том же писал и Ф.Энгельс: "... Климатические условия и своеобразие поверхности... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов основой восточного земледелия... Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды... на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства" 16.

К некоторым высказываниям К.Маркса и Ф.Энгельса, имеющим отношение к исторической экологии, мне придется еще обращаться в соответствующей главе, поэтому здесь ограничусь только еще одним. Анализируя естественно-историческую базу капиталистического способа производства, Маркс писал: "Раз дано капиталистическое производст-

во, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда и в особенности от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа "ведет человека, как ребенка, на помочах". Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать или обуздать ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности" ¹⁷. Содержащийся в этой цитате вывод о прямой связи происхождения капитализма, как общественно-экономической формации с природными условиями умеренного пояса является весьма значимым для всей проблематики соотношения "общества" и "природы".

Необходимо отметить, что К.Маркс и Ф.Энгельс, показали на конкретных примерах истории стран и народов мира лишь некоторые случаи комплексного действия наиболее важных факторов общественного развития, в том числе и довольно сложного взаимосочетания экономических и географических факторов. Поэтому почти всем

тем, кого убедило их учение, при выполнении крупных исторических исследований пришлось делать такой сложный и трудоемкий многофакторный анализ самим, и неудивительно, что немало авторов, объявивших себя "марксистами", предпочитали ограничиваться вульгарными и однолинейными схемами, чаще всего склоняясь к концепции экономического материализма, но нередко прибегая и к географо-материалистической концепции. Последнее особенно заметно в работе оказавшегося на Западе русского революционера, историка и географа Л.И. Мечникова, близкого по историко-материалистическим взглядам к марксизму. В своей книге "Цивилизация и великие исторические реки" (1869 г.) Мечников заявил, что "мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды", что "Мы отнюдь не являемся защитниками теории "географического фатализма", провозглашающего наперекор фактам, что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменную роль" ¹⁸ и т.п. Однако он обращал большое внимание на роль в жизни народов изменений природы, вызванных деятельностью человека, полностью совпадая в таких положениях с высказываниями Маркса и Энгельса. Основная часть его труда построена так, что вся история человечества делится на три главных периода - "речной" (освоение людьми долин крупных рек тропического пояса), "морской" (речные цивилизации выходят к морю и как бы сливаются друг с другом) и "океанический" (ведущий к образованию всемирной цивилизации); таким образом на первый план выступила важная роль именно географических факторов. Наибольшее внимание Л.И. Мечников уделит развитию четырех древних "великих речных цивилизаций": Египетской (Нильской), Месопотамской (Тигро-Ефратской), Индийской (Индо-Гангской) и Китайской (долины Хуанхе и Янцзы), связав по-

явление в них рабовладельческого строя с необходимостью централизованных ирригационных работ по борьбе с периодическими разливами этих рек и упорядочению водоснабжения при поливном земледелии.

Сравнительно слабое распространение марксистских основ исторического материализма в капиталистических странах может быть объяснено не только слишком общим характером установленных ими законов, не дающих должного объяснения причин большого разнообразия в историческом развитии конкретных стран и народов, их сильных различий в традиционной культуре и быте, но и тем, что Маркс и Энгельс представили эти основы как научную базу теории "коммунизма", первым необходимым условием построения которого считалась пролетарская революция и разрушение основ капиталистического общества, с чем большинство ученых таких стран были несогласны, так сказать, в принципе. Но так или иначе географо-материалистическая концепция продолжала довольно широко использоваться во второй половине XIX в. и в начале XX в. как среди историков и социологов, так и особенно среди сильно активизировавшихся в то время географов и этнографов. Должен упомянуть в этой связи работы крупного немецкого географа и этнографа Ф. Ратцеля, заложившего в своих трудах, особенно в "Антропогеографии" (1891 г.) основы исследования закономерностей распространения явлений культуры по странам и природным зонам земного шара, а также французского географа и этнографа Э. Реклю, представившего в своем многотомном труде "Земля и люди" (1876-1894 гг.) сводную картину жизни народов по странам и континентам.

Особо следует сказать о появившейся в конце XIX в. и развиваемой там по крайней мере до середины XX в. концепции "поссибилизма" (от "*possibility*" - возможность, вероятность), обычно называемой ее критиками

"культурным релятивизмом". Создателем этой концепции и основателем преобладающей до сих пор в США школы "культурной антропологии" или "исторической школы и этнографии"¹⁹, оказавшей влияние и на возникшую там в середине 1950-х гг. школу "культурной экологии", был немецкий ученый Ф.Боас, переселившийся в 1886 г. в США. Изучая группы эскимосов Канады и США, а затем и индейские племена. Боас пришел к выводу, что общие историко-социологические схемы как географического детерминизма, так и экономического детерминизма не дают ответа о причинах разнообразия явлений культуры у народов, живущих в аналогичных природных условиях и занятых примерно теми же видами деятельности; насколько позже он отверг и попытки объяснить такие случаи расово-психическими факторами. Суть концепции POSSIBИЛИЗМА состоит в том, что географическая среда образует лишь своего рода "фундамент" социального и культурного развития и непосредственно влияет лишь на некоторые элементы материальной культуры, непосредственно связанные с особенностями хозяйства в данных природных условиях, все остальные элементы материальной, нормативной и особенно духовной культуры могут развиваться относительно самостоятельно, в том числе и в ходе межэтнических контактов. Так как рассуждения Ф.Боаса и его последователей были связаны главным образом с родоплеменными группами, основывались на полевом этнографическом материале, а возможно и по причине того, что европейские ученые смотрели в то время несколько свысока на только что начавшую развиваться американскую науку, концепция POSSIBИЛИЗМА в течение ряда десятилетий не привлекала существенного внимания этих ученых, особенно — историков и социологов. Однако для тематики данной главы она представляет существенный интерес и заслуживает хотя бы краткого рассмотрения.

Важный пункт рассуждений Ф.Боаса — это отказ от господствовавшей в европейской этнографии концепции эволюционного развития культуры в аналогичных формах от низших стадий к высшим. "... Самый общий обзор показывает, — писал Боас, — что сходные явления культуры часто возникают ... в силу разных причин... и пока не доказана общность причин... великая система эволюции общества вызывает сомнения" ²⁰. В отличие от европейских этнографов и социологов (Э.Тейлора, Г.Спенсера и др.), основывавших свои выводы преимущественно на широком сравнительном диахронном материале, Боас ставил в центр внимания историческое развитие культуры и конкретных этносов, "динамику культуры", которую представлял как комплекс отдельных ее элементов, обусловленных действием не только географических и экономических, но и других факторов. "Плодородие почвы, — отмечал, например, он, — само по себе нигде не создавало земледелия, но, когда оно существует, оно приспособливается к географическим условиям... К одной и той же географической среде приспособляются разные типы культуры". И далее: "История культуры показывает, что географические параметры сами по себе не имеют созидательной силы и конечно не являются определяющим фактором культуры... Наличие железной руды или угля не создает индустрию, но когда открыто их употребление, тогда географическая среда имеет большое значение... Географическая среда может влиять на культуру, но результаты этого влияния будут зависеть от культуры, на которую она воздействует" ²¹. В другой работе, касаясь экономических факторов, отражающихся в хозяйственной деятельности этнических групп, он писал: "Нет оснований называть все другие стороны культуры надстройкой на экономическом базисе, потому, что экономические условия всегда воздействуют на уже существующую культуру и сами зависят от других ее аспектов.

В рассуждениях Ф.Боаса и развивавших заложенную им концепцию "поссибилизма" американских ученых (Р.Неттинга, А.Кребера, К.Уислера и др.)²² много правильного, показывающего ограниченность как географической, так и экономической детерминации культурных явлений. При этом, и-статьи сказать, они не поколебали основ исторического материализма, с позиций которого также можно критиковать такие односторонние историко-социологические схемы. Поэтому некоторые их выводы могут быть продуктивно использованы до сих пор. Следует отметить лишь, что при анализе исторического соотношения "общество" - "культура" - "природа" поссибилисты акцентировали внимание на выявление лимитирующих факторов среды, объясняли почему те или иные явления культуры не встречаются в данных условиях, и не очень старались дать объяснения, почему те или иные элементы культуры встречаются, т.е. игнорировали стимулирующее и в чем-то активное влияние природной среды, о котором писал К.Маркс и Ф.Энгельс.

Обращаясь теперь уже к России конца XIX в., отмечу прежде всего, что исторический материализм в ней среди историков, социологов, этнографов и тем более географов распространялся очень медленно²³. Основы исторического материализма, в том числе и взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса о взаимодействии общества и природы, о существенном влиянии географических факторов на историческое развитие отдельных стран и народов мира были изложены Г.В.Плехановым в книге "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" (1895 г.) и в книге "Основные вопросы марксизма" (1907 г.). На этих и других книгах русских марксистов учились тысячи членов и сторонников РСДРП, но на русскую науку того времени влияние идей исторического материализма было, по правде говоря, невелико. Ученые, занимавшиеся исследованием

вопросов соотношения общества и природы в лучшем случае придерживались концепций географо-исторического материализма; к ним относятся создатели российской антропогеографической школы А.А.Крубер и Л.Д.Синицкий, продолжавшие свою деятельность и после 1917 г., когда влияние марксизма на развитие науки постепенно стало определяющим.

Особенного внимания при этом заслуживают работы А.А.Крубера, который вплотную приблизился к историческому материализму и вместе с тем к экологии человека, рассматриваемой в следующей главе. Он подчеркнул, что география (и прежде всего антропогеография) должна "... применять не только метод хронологический, но также и метод хронологический"²⁴, т.е. исторический подход к изучаемым явлениям. В отличие от зарубежных антропогеографов Крубер неоднократно отмечал двустороннее взаимодействие общества и природы, показывал на многочисленных примерах "культурных ландшафтов" сильное воздействие человека на окружающую среду. "Подобно всему живому на земле, - писал он, - человек подчинен тем же законам природы, с неотразимой неизбежностью определяющим как условия расселения, так и особенности образа жизни человека... Различие состоит лишь в том, что другие живые существа способны приспосабливаться к среде лишь телесно", а для человека существенное значение имеют также "приспособления в материальном и духовном быте". Такое приспособление, по Круберу, само по себе отнюдь не препятствует прогрессу культуры и развитию цивилизации, благодаря чему человек "... сделал свою жизнь менее зависимой от природных богатств данной страны и свое существование более устойчивым и обеспеченным. Не всего этого человек мог достичь, лишь используя по своему те дары, которые имеются в природе, и подчиняясь тем же "железным" законам природы, которым подвластны и все другие

живые существа. Поэтому вся обстановка, весь быт человека, начиная от одежды и жилища и кончая верованиями и убеждениями, несут на себе печать воздействия внешней среды" 25.

Показывая влияние природной среды на различные стороны жизни людей А.А.Крубер постоянно отмежевывался от прямолинейных схем географического детерминизма и в частности писал: "... в области духовной культуры и социально-политической жизни людей... вследствие сложности явлений, теллурическая (т.е. земная, в данном случае - природная - В.К.) их обусловленность часто бывает замаскирована привходящими фактами психического или исторического развития человечества... Вот почему лишь после выяснения видимых, так сказать осязаемых, сторон материальной культуры в их отношении с внешней средой, можно рискнуть, как от более простого к более сложному, перейти к исследованию социальной и политической географии. Ошибка прежних мыслителей и исследователей в области антропогеографии, начиная от Гиппократа, Монтескье и кончая Баклем и Тэнном, заключалась именно в том, что они брались сразу разрешить наиболее сложных проблем человеческой жизни и пытались их объяснить прямым или косвенным воздействием того или другого физико-географического фактора. Даже сделавшие эпоху работы Фридриха Ратцеля, которого мы должны признать творцом научной антропогеографии, ...не чужды этого увлечения отводить преимущественное место разъяснению наиболее сложных проблем социально-политической жизни, а потому местами лишены категорической убедительности". И далее: "Необходимо иметь в виду, что влияние природы или в широком смысле среды сказывается на фактах материальной и духовной культуры не прямо, а всегда преломляясь в человеческой психике. В кругу антропогеографических явлений результат не следует с не-

устранимой неизбежностью за причиной, как это наблюдается в области чисто физических явлений. В основе каждого возделанного поля, построенного жилища, разработанного рудника — лежит забота или расчет, т.е. психологический фактор... Население какой-либо страны, привыкшее к экстенсивному хозяйству и коллективному землепользованию, как у нас в Великороссии, может и при изменившихся социально-экономических условиях, как-то; при увеличении густоты населения и вовлечения страны в товарооборот с другими нациями, уже давно ведущими более рациональное хозяйство, упорно цепляться за эти отжившие свой век формы хозяйства, навлекая на себя бедность и приводя всю страну в экономическую разруху" 26.

В приведенных высказываниях А.А.Крубера есть некоторые неточности и погрешности, вроде того что философ Монтескье и историк Бокль отнесены им к числу антропогеографов. Однако многие его положения очень близки к историческому материализму; основные его высказывания об исторически развивавшемся соотношении природы и общества можно успешно конкретизировать или развивать. Это относится, например, и к его предостережению о необходимости "...устранить весьма распространенный, но в корне неверный взгляд, будто бы с развитием культуры уменьшается зависимость человека от среды. Напротив того, всякий прогресс вызывает более интенсивное использование человеком всех преимуществ, предоставляемых той или другой страной и теснее связывает его с землей. Число связей при этом возрастает, но если общая сумма их увеличивается, то каждая отдельная связь делается слабее и эластичнее". Таким образом, "...связи человека с природой с развитием культуры становятся все многочисленнее", а потому для человека "...зависимость... от среды не уменьшилась, она лишь стала мно-

гообразнее" 27.

К началу 1930-х гг. концепция географо-исторического материализма была по существу почти полностью вытеснена концепцией экономического материализма, представленной главным образом в работах "исторической школы" М.Н.Покровского. За свою ограниченность эта школа была подвергнута критике, но результаты этой критики для развития методологии исследований соотношения "общества" с "природой" оказались мало полезны, так как привели к еще большему расширению бреши между общественными и естественными науками. В середине 1930-х гг. академик В.И.Вернадский выдвинул идею о том, что человек по своему усилившемуся воздействию на природную среду, особенно на биосферу Земли становится "геологической силой", приводящей к возникновению не только "техносферы", но и "ноосферы" 28, но эта идея, ныне широко используемая многими советскими экологами (о чем речь пойдет далее) в то время была оставлена без внимания. В 1938 г. появился "Краткий курс истории ВКП(б)", в специальном разделе IV-й главы которого - "О диалектическом и историческом материализме", написанном, как стало известно, самим Сталиным, при характеристике "материальных условий жизни общества" был дан ответ на вопрос о роли географической среды в развитии общества. Так как все положения этого раздела "Краткого курса..." стали на многие годы своего рода катехизисом для советских ученых - обществоведов и естественников, - целесообразно привести это место полностью:

"Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, - она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является определяющим влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее,

чем изменения и развитие географической среды. На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы и СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились до того незначительно, что география отказывается даже говорить об этом. Оно и понятно. Для сколько-нибудь серьезных изменений географической среды требуются миллионы лет, тогда как даже для серьезнейших изменений общественного строя людей достаточно нескольких сотен или пары тысяч лет" ²⁹.

В приведенном и довольно характерном для "теоретических" работ Сталина упрощенном рассуждении за правильным в принципе выводом о том, что географическая среда не является определяющей причиной общественного развития имелось несколько ошибочных установок. Во-первых, географическая среда с самого начала была представлена как "условие материальной жизни общества"; тем самым намекалось на ненужность рассматривать ее в качестве фактора исторического развития общества, а это в корне отличалось от позиции в данном вопросе К.Маркса и Ф.Энгельса, на которых он ссылался. Во-первых, под "географической средой" здесь фактически понимались лишь климат и орография, которые действительно изменяются довольно медленно, однако гидрография и особенно флора и фауна той же Европы за несколько сот лет под воздействием людей претерпели не менее существенные изменения, чем общественный строй и стали оказывать качественно новое влияние на развитие общества; географам же делался прозрачный намек на то, чтобы они "отказывались даже говорить об этом". Так оно и произошло. Советские философы "истмагчики" стали игнорировать высказы-

ния классиков марксизма о существенной роли географических факторов в общественном развитии и осуждать, например, даже Г.В.Плеханова за "преувеличение" такой роли; попутно отмечу, что такое отношение к работам Плеханова проявляется до сих пор³⁰. Историки полностью исключили из своих работ учет роли географических факторов, а географы пошли даже на то, чтобы не заниматься географией населения, лишь бы не подвергаться обвинениям в "географическом детерминизме"; география, по замечанию известного экономгеографа Н.Н.Баранского, стала "бесчеловечной".

Положение начало изменяться главным образом с середины 1950-х гг., причем эти изменения проступали как в этнографии, где появилась концепция "хозяйственно-культурных типов", приуроченных к определенным природным условиям, так в географии, где стала развиваться география населения, и в истории, где развивалась "историческая география". Новый рывок в исследовании вопросов взаимодействия "общества" и "природы" произошел в 1980-х гг. в связи с утверждением и развитием в СССР "экологии человека" или "социальной экологии", о чем речь пойдет в следующей главе. В библиографии по этой тематике насчитывается уже не один десяток книг и сотни статей, но считаю необходимым особо отметить среди них два преимущественно историко-этнографических сборника - "Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия" (1981 г.) и "Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ" (1984 г.), к которым мне еще не раз придется обращаться. Вместе с тем должен сказать, что названные, да и почти все другие работы в методологическом историко-материалистическом отношении не содержат чего-то существенно нового по сравнению с тем, что было изложено мною выше. Новые большие теоретические работы - дело будущего и, наде-

ось, что этому в какой-то степени может помочь и данная монография.

1. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С.350-410.
2. Там же. С.412.
3. Там же. С.384.
4. Там же. С.395-396.
5. Гегель В. Энциклопедия философских наук, т.3. М., 1977. С.89.
6. Риттер К. Идеи о сравнительном земледелии // Магазин земледелия и путешествий. 1853, т.2. С.490-491.
7. См. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. М., 1864.
8. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.37. С.394.
9. Там же. Т.20. С.545-546.
10. Там же. Т.3. С.19.
11. Там же. Т.42. С.118.
12. Там же. Т.3. С.16.
13. Там же. Т.23. С.520-521.
14. Там же. Т.26, ч.1. С.279.
15. Там же. Т.28. С.221.
16. Там же. Т.9. С.132.
17. Там же. Т.23. С.522.
18. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924. С.69, 129.
19. См. Аверкьева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С.68-198.
20. Boas F. The limitation of the comparative method of anthropology. Race, Language and culture., N-Y. 1940
21. Boas F. Anthropology and modern life., N-Y., 1928, P.230.

22. См. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М., 1988.
23. О некоторых, обычно беглых взглядах русских ученых и публицистов предшествовавшего периода на соотношение общества и природы см., напр. Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. МГУ, 1970.
24. Крубер А.А. Общее землеведение. Часть I. История землеведения, океанография и геоморфология. М.-Пг., 1923. С.31.
25. Крубер А.А. Общее землеведение. Часть III. Био- и антропогеография. М., 1923. С.196.
26. Крубер А.А. Основы землеведения. Часть III. Указ. раб. С.201.
27. Там же. С.202-203.
28. Впервые эта мысль достаточно четко выражена в статье: Вернадский В.И. О пределах биосферы // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1937, № 4.
29. История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). Краткий курс. М., 1952. С.113.
30. См., например, Соломина С.Н. Взаимодействие общества и природы. М., 1983. С.25.

Примерно с середины 1970-х гг. термин "экология", известный ранее главным образом советским биологам, стал все более распространяться в других естественных и в некоторых обществоведческих науках, а также все более часто употребляться публицистами, входить в обиход. Это явление отражало повышение общественного значения экологии человека, о чем речь еще пойдет далее, но имело и некоторые издержки, в частности, как это бывает при "бытовизации" почти любой научной терминологии, привело к упрощенному и неточному употреблению слова "экология". Чаще всего под "экологией" понимают охрану природы, пишут и говорят об ухудшении "экологической ситуации", когда, например, какая-нибудь нефтебаза загрязнила реку или строительная организация вырубилась часть лесопарка. Нередко понимают "экологию" как вообще охрану чего-то самобытного; с середины 1980-х гг. с легкой руки академика Д.С.Лихачева получило распространение выражение "экология культуры", смысл которого сводится к необходимости заботы о сохранении традиционной народной культуры¹, что, конечно, очень важно, имеет прямое отношение к тематике данной монографии, но опять таки неточно отражает понятие "экологии". Поэтому и здесь придется начать с уточнения исходных терминов и понятий.

Экология (от греч. "эйко" — жилище, место обитания) — биологическая наука о взаимоотношениях различных видов растений и животных и образуемых ими сообществ между собой и с природной средой их обитания. Процесс биологической эволюции т.е. возникновения различных видов и их естественного отбора шел путем приспособления (адаптирования) биологических видов (популяций) к жизни в определенных природных зонах или ареалах, ланд-

шафтах или акваториях; известно, что верблюд при всей его выносливости не может обитать в тундре, а полярный олень — в полупустынях. Основными таксономическими единицами в экологии являются популяции и сообщества или биоценозы. Под популяцией принято понимать группу особей одного биологического вида, обитающую на определенной территории (или акватории) и в определенных условиях, воспроизводящую себя относительно независимо от других групп того же вида; численность популяции определяется состоянием среды, к которой особи этого вида адаптированы, количеством пищи, которую они потребляют, и наличием врагов, которые сокращают эту численность. Под биоценозом понимается сообщество организмов различных видов, обитающих совместно и чем-то взаимосвязанных друг с другом, в том числе и по принципу "хищник" — "жертва". Саму экологию в настоящее время принято разграничивать на три крупных раздела: факторальную, популяционную и биогеоценологию. Факторальная экология или аутоэкология изучает взаимоотношения особей какого-то вида с окружающей средой, прежде всего — действие на них различных факторов среды: абиотических (климат, свойства почвы, ортография и гидрография), биотических (бактерии, растения, животные) и антропогенных (искусственные или созданные человеком). Популяционная экология изучает условия формирования структуры и динамики популяций, биогеоценология — изучением биогеоценозов, в частности установлением границ экосистем, анализом существующих в ней пищевых цепей и т.д.

Вопросы взаимоотношений живых существ между собой и с окружающей средой с давних пор привлекали внимание ученых, поэтому стремление немецкого естествоиспытателя Э.Геккеля создать особую науку, как бы обобщающую результаты исследования отдельных биологических видов в их отношениях со средой обитания, назвал ее "экологией"

ей" (впервые этот термин был употреблен им в 1866 г.), оказалось весьма плодотворным. Уже примерно через десять лет оформилось учение о биоценозе, а в начале ХХ в. экология уже вполне официально стала подразделяться на экологию особей (аутоэкологию) и экологию сообществ (синэкологию), позже получившую название биогеоценологии. Популяционная экология оформилась позднее других — лишь в 1920-х гг.

Первое время экологи не включали в сферу своих исследований человека, предоставляя изучение взаимосвязей человеческих групп и их отношений с природой философам, географам, этнографам, социологам и историкам. Попытки какого-то соединения биологических наук с общественными развернулись по существу лишь в последней четверти XIX в., после того как Ч. Дарвин, создал теорию происхождения всех биологических видов, в том числе и человека, в ходе эволюции, разрушив тем самым прежнюю "божественную" грань между человеком и животными. Однако такие попытки оказались неудачными, так как сводились к "социал-дарвинизму", к объяснению общественных отношений и процессов биологическими законами конкурентной борьбы за существование и выживаемость. Довольно близкой к этому оказалась "органическая теория общества", предложенная английским философом и социологом Г. Спенсером; стараясь анализировать общественную жизнь в биологических понятиях он сравнил общество с живым существом, где правящие группы составляют "мозг", трудящиеся — "мускулы", а банкиры, например, "сосудодвигательные нервы". В начале XX в. экологические понятия и термины начинают проникать в антропогеографию, антропологию и даже социологию, но более или менее к успешным результатам это приводит лишь у тех ученых, которые осознают, что человек, несмотря на свое биологическое родство с миром животных, все же качественно отличается от них в организации своей жизни и во взаимоотношениях

со средой обитания, что "животное, - как заметил Ф.Энгельс, - только пользуется внешней средой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, господствует над ней" ². Именно к таким ученым относился советский антропогеограф А.А.Крубер, который в начале 1920-х гг. предложил концепцию "оикоэкологической географии", охватив ею и человека ³.

Основателем "экологии человека" принято считать американского географа Г.Берроуза, впервые предложившего это понятие ⁴ и особенно социолога Р.Парка, который использовал его при изучении адаптации людей к городской среде, путей формирования их "экологических сообществ" ⁵. Несколько позже в США появился термин "социальная экология", также относящийся к научной дисциплине или науке, призванной выявлять особенности и закономерности взаимоотношения людей со средой их обитания; там же постепенно сложилось мощное научное направление - "энвайронменталистики" (от англ. "environment" - окружающая среда), представители которого пытаются выявить общие принципы объединения различных наук и научных дисциплин в контексте экологии человека или социальной экологии. Они особенно активизировались в 1960-е гг. ⁶.

Школа советской экологии человека стала формироваться лишь в 1970-х гг., причем этот процесс сопровождался дискуссиями как о содержании этой науки, так и о соотношении "экологии человека" с "социальной экологией" и т.п. Первой содержательной работой в этом отношении, насколько мне удалось установить, была статья Г.С.Краснова и В.В.Орлова "Соотношение социального и биологического в труде (экологический аспект)", в которой были рассмотрены основные вопросы экологии человека от биологических параметров человека до его соци-

ально-экономических параметров. "Рассматривая человека под углом зрения биологии, — пишут авторы, — отвлекаясь при этом от собственно социальных свойств человека, мы обнаруживаем, что человек обладает всеми основными биологическими свойствами и функциями, представляет собой биологическую целостность (организм), занимающую высшее место среди биологических видов... Рассматривая человека как особое биологическое существо, обладающее всеми основными атрибутами биологического существования, мы в то же время не упускаем из виду того, что эта самостоятельность биологического существования является условием социального существования человека и в то же время сама возможна только в рамках этого социального существования".

По существу развивая изложенные в предыдущей главе взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса на сущность человека и его соотношение с природой, Краснов и Орлов разделяют понятие биологической среды, как "совокупности природных (биологических и абиотических и абиотических) явлений, которые прямо или опосредованно связаны с биологической жизнедеятельностью человеческого организма", и социальной среды, как "совокупности социальных явлений, определяющих роль в которой играет способ производства материальных благ". Двумя важнейшими особенностями экологии человека, по мнению авторов, является "наличие системы искусственных природных объектов" и то обстоятельство, что "отношение человека к окружающей его природной среде опосредовано системой искусственных природных объектов, благодаря чему это отношение становится качественно отличным от отношений других животных организмов". Уместно отметить также, что различия между биологией человека и биологией других млекопитающих не столь велики, как между экологией человека и экологией даже высшего отряда этих млекопитающих — приматов. Человек — существо социальное, поэтому в понятии

"экология человека" уже содержит смысл "социальной экологии"

К основным проблемам, которые призвана решать экология человека, Г.С.Краснов и В.В.Орлов отнесли: 1) Процесс обмена веществами и энергией в экосистемах, связанных с человеком, прежде всего экологию питания; 2) Климатическая адаптация человека; 3) Экологическая природа болезней, прежде всего патогенные факторы среды; 4) Популяционные отношения, в которых группа людей выступает по отношению к другой группе в качестве среднего фактора, влияет на различные стороны ее жизнедеятельности. Вместе с тем, авторы отметили возможность включения в круг проблем экологии человека и вопросы научно обоснованного использования ресурсов биосферы, охрану природной среды ⁷.

К сожалению, интересная работа пермских философов Г.С.Краснова и В.В.Орлова, появившаяся в местном издании, осталась, как это нередко бывает, незамеченной сотрудниками наших центральных научных учреждений, и обсужденные ими проблем экологии человека зачастую сводилось к изложению, так сказать, отраслевых взглядов. Так, географ Ю.В.Медведков, отметив, что "в ранних опытах по экологии человека много внимания уделялось медико-географическим аспектам и, в частности, биологической адаптации человека к окружающей среде", сделал вывод, что в экологии человека "нет основания учитывать биологическую адаптацию индивидуума" (ибо ее рассматривает, дескать, медицинская география). "Современный предмет экологии человека, — писал он, — это групповая и социально обусловленная адаптация населения к динамическому комплексу систем, возникающему при территориальной интеграции условий жизнедеятельности людей в им доступных пространственно-ресурсных рамках... Если в центр внимания ставится территориальная интеграция механизмов, определяющих условия жизни людей, то экологи-

гия человека выступает в качестве одного из направле-
ний географии" ⁸. Со своей стороны биоэколог С.С.Шварц,
игнорируя необходимость комплексного "межведомственно-
го" подхода к экологии человека, увидел главную задачу
ее в том, чтобы "разработать генеральную схему процве-
тающих биогеоценозов в урбанизированной среде" ⁹. Очень
привлекательной для экологии человека казалась предло-
женная антропологом В.П.Алексеевым концепция "антропо-
геоценоза" ¹⁰, о которой речь еще пойдет далее, но она
касалась только более или менее изолированных популя-
ций, находящихся на допромышленной стадии развития,
причем разработка ее не была доведена до операциональ-
ного, как говорится, уровня.

Появились и попытки сконструировать своего рода су-
пернауку под названием "социальной экологии". Особенно
четко такая тенденция видна у В.Д.Комарова, который
предложил считать "социальной экологией" интегрирующую
"науку о законах взаимодействия природы и общества, о
принципах и методах оптимизации этого взаимодействия"
и подразделил ее на три "теории" или части. "Первая
часть социальной экологии, - пишет он, - общая теория
природопользования. Она состоит из учения о биосфере и
об охране природы, о рациональном использовании природ-
ных ресурсов и теории экологической технологии. Вторая
часть - это глобальная (или общая) экология, куда вхо-
дит общее земледение, экономическое и технологическое
ресурсоведение, учение о преобразовании биосферы и кос-
монавтики. Поскольку в центре взаимодействия общества
и природы стоит человек, постольку ядром социальной эко-
логии является третья часть - экология человека, кото-
рая объединяет демографию, медицину, общую геронтологию,
антропогенетику, учение о защите и улучшении окружающей
среды" ¹¹. Нетрудно понять, что в предложенном содержа-
нии "социальной экологии" имеется много погрешностей,
вроде того, что включенное в третью часть "учение о за-

пите и улучшении окружающей среды" по-существу относятся к первой части - "теории природопользования" или что в экологию человека не включена биология человека. Однако самый существенный методологический изъян в рассуждениях Комарова - это попытка объединения многих естественных и даже технических по своей сущности наук в рамках "социальной" науки; следуя его логике, в такую науку можно было бы включить не только "антропогенетику", "экологическую технологию" и "космонавтику", но и ботанику, машиноведение и ряд других наук, возникновение которых отражало объективные потребности жизни общества в его взаимодействиях с природой. Неточным представляется, наконец, и разграничение "социальной экологии" и "экологии человека", так как социальное содержание заложено в самом понятии "человек" (а отсюда и в "экологии человека", о чем уже говорилось).

Не останавливаясь на других толкованиях сущности и структуры экологии человека, отмечу, что вопрос этот до сих пор, к сожалению, еще не получил общепризнанного разрешения. Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ) начал выпускать с 1987 г. реферативный журнал "Экология человека", с разделами преимущественно естественного профиля: 1) Общие вопросы экологии человека (в том числе история экологии человека, терминология и т.п.); 2) Теоретические и методологические проблемы экологии человека (в том числе системный подход и прогнозирование); 3) Экологические аспекты жизнедеятельности населения (демография, долгожительство, адаптация к условиям окружающей среды, инфекционные и иммунологические проблемы, проблемы образа жизни); 4) Экологические аспекты здоровья населения (показатели здоровья, методы изучения здоровья, заболеваемость); 5) Влияние природной среды на здоровье и социально-трудовой потенциал населения (социально-трудовой потенциал населения, космические и земные ритмы и их влияние,

экстремальные условия природной среды, природно-эндемические заболевания); 6) Воздействие антропогенного изменения окружающей среды на здоровье и социально-трудовой потенциал населения (воздействие хозяйственной деятельности, воздействие военных факторов, воздействие сельской и городской среды и пр.); 7) Отдаленные воздействия влияния изменений природной среды (генетические, канцерогенные и пр.); 8) Контроль и нормативы качества окружающей среды. Показательно, что чуть ли не половина содержательных разделов и подразделов журнала "Экология человека" совпадает с аналогичными разделами и подразделами реферативного журнала "Медицинская география". Согласиться с таким медико-биологическим подходом к экологии человека представители общественных наук, естественно, не могут, а потому некоторые из них продолжают отстаивать "социальную экологию", в которой медико-биологическим аспектам, напротив, уделяется очень мало внимания. Такая дискуссионная ситуация позволяет мне высказать свои соображения по данному вопросу, не претендуя, разумеется, на установление истины, так сказать, в последней инстанции.

Экологию человека можно определить как комплексную науку, в которой выделяются две части - биологическая и социально-культурная; последний термин представляется более точным, чем обычно употребляющийся "социальная", так как некоторые животные также ведут "социальный" (коллективно-популяционный или стадный) образ жизни, например, муравьи, пчелы и павианы. Без социально-культурной части экология человека превращается в экологию одного из видов млекопитающих и включается в общую экологию, без учета биологической части - растворяется главным образом в культурологию и социологию. В экологии человека могут быть использованы некоторые биологические термины и понятия, но они приобретают там специфическое содержание, так в термине "популяция" будет

подразумеваться не столько связь какой-то группы (общности) людей с особенностями природных условий их обитания ("экологической ниши"), сколько ее относительная самостоятельность среди других групп (общностей), что обеспечивается главным образом принципом эндгамности. В этом смысле подразделения человечества на популяции, строго говоря, оказывается всецело характерным лишь для первобытнообщинной (родоплеменной) стадии его исторического развития; для последующих стадий развития связь популяции со средой уменьшается, так как эндгамность все более определяется социальными границами: политико-государственными, религиозными, этническими, сословными и т.п.

Основной задачей экологии человека является изучение факторов жизнеобеспечения групп (общностей) людей в конкретных природных условиях их обитания и возникающих при этом взаимосвязей между обществом и природой. Жизнеобеспечение групп (общностей) людей достигается при этом путем их адаптации к условиям среды обитания, определяемым особенностями климата, орографии и другими абиотическими, биотическими и антропогенными факторами. При этом, опять таки, можно выделить биологическую адаптацию (главным образом физиологическую и антропологическую), обусловленную биологическими особенностями человека, и социально-культурную (в том числе психологическую) адаптацию, обусловленную в конечном счете исторически достигнутым уровнем развития хозяйственной деятельности, производственными отношениями. Важную роль в этом отношении играет и культура как в ее динамических формах, так и в виде более или менее консервативных традиций.

"Жизнеобеспечение" и "адаптация" - очень сложные понятия, по своему трактуемые учеными разных специальностей, поэтому содержание их будет подробно рассмотрено в следующей главе. Здесь же отмечу лишь, что цент-

ральное место в системе материального жизнеобеспечения занимает питание, рассматриваемое как по калорийности, так и по качественному составу пищи и другим показателям. Немаловажное значение имеет и обеспечение надлежащей терморегуляции организма, что обеспечивается главным образом соответствующими особенностями одежды и жилища. При изменении среды обитания то ли из-за сильного антропогенного воздействия, то ли в результате переселения групп людей в иную природную и социально-культурную среду неизбежно развиваются новые процессы их переадаптации. Эффективность адаптации и жизнеобеспечения, а также неблагоприятное влияние природной и антропогенной среды определяются показателями здоровья населения (заболеваемость, долгожительство и т.п.) и параметрами воспроизводства населения (рождаемость, смертность и др.), анализ которых в той или иной степени входит тем самым в задачи экологии человека.

Особая часть задач экологии человека связана с проблемами рационального природопользования как в региональном, так и в глобальном отношении, тем более что многие антропогенные изменения природной среды, например, негативное воздействие на атмосферу и гидросферу (загрязнение их вредными веществами и т.п.), будучи по своему происхождению локально-региональными, распространяются на огромные пространства, нередко на весь земной шар, угрожая самому существованию человечества; в несколько меньшей степени это относится к негативным изменениям флоры и фауны, но и в этой сфере некоторые изменения (например, активная вырубка тропических лесов) могут иметь далеко идущие по-существу глобальные последствия. Именно эта часть экологии человека в последние десятилетия вышла на передний край не только научного, но и общественного сознания, что отразилось, с одной стороны, в экологизации не только

естественных, но и ряда общественных наук, с другой - в растущей популярности возникших в различных странах мира политических партий "зеленых" и международном движении *Green Peace* ("зеленый мир"). В Советском Союзе такие проблемы экологии человека получили отражение в ряде решений центральных государственных и партийных органов; в Конституцию СССР 1977 г. была введена специальная статья об основных принципах социалистического природопользования (ст.18). К сожалению, по ряду причин, с которых речь пойдет в заключительной части данной монографии, претворение в жизнь рациональных установок природопользования осуществлялись далеко не всегда и не везде, с чем свидетельствует, например, тяжелая экологическая катастрофа в Средней Азии, связанная с усыханием Аральского моря. В последнее время экологические проблемы привлекают внимание и правительства России.

При решении своих основных задач экология человека взаимодействует с многими уже достаточно сформировавшимися ранее науками и научными дисциплинами, занимавшимися изучением различных аспектов взаимодействия общества и природы, образуя в ряде случаев значительные зоны перекрытия. К таким наукам и дисциплинам относятся прежде всего биология человека, включая физическую антропологию. Уместно отметить здесь работы Т.И.Алексеевой по изучению биологической адаптации человека к различным природным, прежде всего климатическим условиям СССР и других стран мира¹². Важное значение имеет связь экологии человека с географией, представленной в данном случае географией населения, которая изучает особенности территориального размещения людей в зависимости от природных условий и хозяйственной деятельности; выше уже не раз отмечалось, что в прошлом, особенно на начальных этапах научных исследований взаимоотношений общества и природы, именно географы часто играли ведущую

роль. Столь же важное значение имеет и связь экологии человека с медициной, состоящей, как и география, из многих относительно самостоятельных наук или научных дисциплин и представленной в данном случае главным образом медицинской географией (включая краевую патологию); в Советском Союзе такая связь в последнее время особенно активно исследуется в работах В.П.Казначеева¹³. Следует сказать также о связи экологии человека с демографией, особенно при изучении поло-возрастной структуры и режима естественного воспроизводства определенных групп (общностей) людей, о связи ее с психологией, социологией, культурологией и некоторыми другими науками¹⁴.

Особое место среди наук, с которыми взаимодействует экология человека, занимает этнология (этнография) и именно в зоне стыковки и частичного перекрытия этих наук возникла пограничная дисциплина — этническая экология, рассматриваемая в данной монографии. Большое значение связей между экологией человека и этнографией для каждой из этих наук обусловлено двумя основными причинами. Первая из них обусловлена тем обстоятельством, что наиболее естественными и устойчивыми группировками людей с самого начала их истории являются этнические общности или этносы. На начальных этапах становления экологии человека в СССР на это обстоятельство обратил внимание С.Н.Артамоновский, который отметил: "В отличие от экологии других живых существ в экологии человека основными единицами выступают не популяции, зависящие от условий местообитания, а этнические сообщества, взаимодействие которых с окружающей средой в ходе истории приобретает все более активный и выгодный для человека смысл"¹⁵. О "выгодности смысла" можно было бы поспорить, но основное утверждение С.Н.Артамоновского — в принципе правильно. К этому относится и вторая причина крепкой связи экологии человека с этнологи-

ей, которая состоит в том, что этносы возникают и существуют в определенной природной среде, адаптируясь к условиям этой среды как в биологическом, так и в социально-культурном отношении; таким образом культура, как основное средство небологической адаптации предстает чаще всего в виде традиционной этнически специфической культуры. Вместе с тем, мне представляется не вполне обоснованным развитие утверждения С.Н. Артановского в том направлении, что поскольку основными объектами исследований по экологии человека являются "этнические сообщества" (т.е. этносы), постольку она может считаться "этнической экологией". Этносы являются действительно очень важными, но не единственными объектами экологии человека, а этнические границы далеко не всегда, особенно у крупных этносов, разделенных на различные популяции, совпадают с границами тех культурных комплексов, которые обеспечивают адаптацию и жизнеобеспечение групп людей.

Начало формирования этнической экологии, как научной дисциплины, относится к середине 1950-х гг., когда она была впервые представлена в работах американского этнографа Дж. Стюарда в виде "культурной экологии" ¹⁶. Концепция "культурной экологии" разрабатывалась Дж. Стюардом как часть теории многолинейной эволюции культуры главным образом в племенных обществах; тем не менее выдвинутые им идеи оказались весьма плодотворными и стали активно развиваться в американской науке, что отразилось в нескольких появившихся там этноэкологических направлениях или школах, рассматриваемых далее в специальной главе данной монографии. Этническая (этнокультурная) экология получила развитие и в некоторых других странах мира, причем в последнее время в этом отношении выделилась многонациональная Индия, достаточно сказать, что на XII Международном конгрессе ан-

тропологических и этнологических наук (Загреб, 1988 г.) примерно половина довольно большого числа докладов по экологической тематике была представлена именно индийскими учеными.

В Советском Союзе начало становления этнической экологии можно также отнести к середине 1950-х гг., когда, как отмечалось в предыдущей главе, здесь возобновились исследования взаимосвязей общества и природы и когда в этнографической литературе была предложена концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ), под которыми понимаются исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся на одинаковом уровне исторического развития¹⁷. Учет влияния природной среды на культуры и быт народов мира стал почти непременной частью этнографических работ, однако многие авторы таких работ, узнав, что они касаются этноэкологической тематики, вероятно, удивились бы не меньше, чем удивился один из героев Мольера, узнав, что он говорит прозой; некоторые этнографы, возможно, даже обеспокоились бы этим, опасаясь упреков в "географическом детерминизме" или даже в "биологизации этнографии".

Однако для таких методологических упреков, как отчасти ясно и из предыдущей главы, нет достаточных оснований. К сказанному там следует добавить, что в течение длительного времени — с древности примерно до второй половины XIX в. — этнография была слита с географией в общей науке, которую можно назвать "страно-народо-описанием", но которая обычно называлась "географией"; уместно отметить, что в возникшем в середине XIX в. Русском географическом обществе было отделение "Этнография"¹⁸. Этнография (этнология) постепенно формировалась как самостоятельная наука, изучающая происхождение народов земного шара, их расселение, материальную,

духовную и нормативную культуру, традиционный быт и другие общие и особенные компоненты и стороны их жизни, которая рассматривалась на фоне природной среды их обитания и так или иначе связывалась с ней. Тот факт, что некоторые несовершенные попытки осмысления такой связи оказались близки к концепции "географического детерминизма" или - точнее - географического материализма, не могли, казалось, быть достаточной причиной для какого-то резкого размежевания этнографии с географией, как это произошло в СССР в 1930-х гг., когда этнография "административно" была включена в группу исторических и шире общественных наук, а география осталась в группе "естественных" наук.

Существенным этапом восстановления прежних крепких связей между этнографией и географией было возникновение в 1960-х гг. на их стыке новой дисциплины - "этнической географии"¹⁹, которая хотя и преследовала главным образом решение этнорасселенческих, а не этноэкологических проблем, но приблизила этнографию и к последним. Немаловажное значение для становления этнической экологии имели давние и тесные связи этнографии с антропологией, относящейся к системе биологических наук. Правда, возникшая в рамках антропологии, на стыке с этнографией, пограничная дисциплина - этническая антропология - занимается главным образом решением этногенетических проблем, но в ней имеется и экологическое содержание, которое в будущем, вероятно, будет развиваться; следует сказать и о том, уже упомянутом выше разделе "адаптационной" антропологии, который занимается изучением влияния природной среды на изменение некоторых морфологических и отчасти физиологических признаков в популяциях людей.

Третий и довольно успешный путь развития связей между этнографией и экологией человека шел через демографию, обычно включаемую в число экономических и

шире - общественных наук, но по основному предмету своего исследования - естественному воспроизводству населения - тесно связанную и со сферой биологических наук. Так как экология учитывает закономерности размножения организмов в определенных условиях окружающей среды, то некоторые авторы, например уже названный выше В.Д. Комаров, считали возможным включить демографию в экологию человека, но эта идея не получила, к сожалению, широкой поддержки. Уместно отметить, что обострение проблем экологии человека после второй мировой войны, появление первых симптомов региональных и глобального экологических кризисов было в немалой степени обусловлено усилившимся в этот период ростом численности населения в так называемых развивающихся странах. Давние и тесные связи этнографии с демографией, как и в случае с географией и антропологией, выразились в формировании на их стыке смежной дисциплины - этнической демографии, рассмотренной мною в специальной монографии ²⁰. Изучение в рамках этой дисциплины многих факторов, влияющих на такой важный параметр воспроизводства населения, как рождаемость, и почти всех факторов, влияющих на заболеваемость и смертность, прежде всего факторов природной среды, непосредственно (а также через медицинскую географию) относится к кругу исследований проблем экологии человека. Эта общая тематика этнической демографии и этнической экологии будет более детально рассмотрена далее в специальной главе.

Стимулирующее значение для становления этнической экологии в советской науке имело участие этнографов вместе с демографами, антропологами, географами, медиками, психологами и специалистами других наук в начавшейся с 1978 г. разработке советско-американской темы "Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических

групп с повышенной долей долгожителей". Это исследование было нацелено на познание причин возникновения среди некоторых народов (в СССР оно началось с изучения абхазов) феномена группового (популяционного) долгожительства, т.е. наличия сравнительно большого числа людей в возрасте 90 лет и старше. Задача этнографов заключалась в сборе и анализе материалов для проверки некоторых гипотез долгожительства, связанных с традиционным образом жизни изучаемых долгожительских групп людей: их хозяйственной деятельностью, материальной культурой и бытом в определенных природных условиях, к которым эти группы адаптировались. При этом, по существу впервые этнографам пришлось перестраивать свою работу таким образом, чтобы в центре внимания оказывались не те или иные классификационные признаки элементов материальной и духовной культуры, а их влияние на здоровье и продолжительность жизни людей; пришлось непосредственно связывать свои выводы с результатами работы представителей естественных наук ²¹. Об этом оригинальном и интересном исследовании речь пойдет более подробно в следующей главе; здесь же отмечу лишь, что в ходе обработки собранных материалов на первый план все более четко выступала его этноэкологическая направленность, возможность объяснить феномен группового (популяционного) долгожительства успешностью адаптации людей к природной среде, позитивными сторонами их традиционного жизнеобеспечения.

В конце 1970-х - начале 1980-х гг. становление этнической экологии как особой научной дисциплины нашло свое отражение и в некоторых теоретико-методологических статьях. Важное место среди них занимает очерк Ю.В.Бромлея "Этнические аспекты экологии человечества". Начиная его, он пишет: "Основные исследовательские объекты этнографии - этносы существуют, как известно, в определенной природной среде. И уже одно это требует выявляе-

ния в экологической проблематике этнических аспектов, иначе говоря, рассмотрения ее с позиций этнографической науки" ²². Далее Бромлей отметил большое значение культуры, как системы средств и механизмов небиологической адаптации человеческих общностей к среде обитания, о чем уже говорилось выше. При этом, — заметил Бромлей, — отдельные этносы далеко не одинаково используют возможности, "представленные одним и тем же географическим ландшафтом". Такое разнообразие определяется как различным уровнем социально-экономического развития, так и особенно — специфическими культурными традициями отдельных этнических общностей; этническая устойчивость производственных навыков обнаруживается как у народов, занятых собирательством и охотой, так и у более развитых народов. В качестве частного примера такой этнической специализации хозяйства Бромлей привел живущих в Забайкалье, нередко в территориальном смешении, русских, бурят и эвенков: у русских главной отраслью сельского хозяйства остается земледелие, у бурят ведущее значение сохраняет скотоводство, у эвенков — охота, оленеводство и рыболовство.

Устойчивая связь с этносом, — отметил Бромлей, — обнаруживается "в использовании не только средств жизни, но и средств труда" (т.е. в разнообразии орудий труда), а также "в потреблении самих естественных средств жизни", прежде всего в пище: "Различия между народами касаются и состава потребляемой пищи, и способов ее приготовления, и времени приема и т.д." ²³. Этнические традиции наглядно проявляются также в таких средствах небиологической адаптации к климатическим условиям среды обитания, как жилище и одежда, и "в такой специфической сфере культуры, ориентированной на защиту человека от неблагоприятных воздействий природной среды, как медицина. Известно, в частности, что находящиеся в одних и тех же природных условиях сосед-

ние народы нередко пользуются для лечения одинаковых болезней совершенно иными лечебными средствами, в том числе лекарственными растениями" ²⁴. Особо отмечу солидарность Бромлея с выдвинутым ранее С.А.Арутюновым положением о существовании экофильных и экофобных хозяйственно-культурных ориентаций, которые во многом определяют взаимоотношения этносов с природной средой ²⁵, а потому заслуживают существенного внимания.

Специфика взаимоотношений людей с природой объясняется, по Ю.В. Бромлею, "полиморфизмом" этнической культуры, обычно повышающим возможность ее адаптивных функций. "Такой полиморфизм позволяет всей совокупности этносов, обитающих в той или иной экологической нише, полнее использовать ее ресурсы. Но есть и другая весьма существенная сторона этого полиморфизма - различные этносы в силу особенностей своих традиций (при прочих равных условиях) далеко не одинаково воздействуют на одну и ту же природную среду". Все это "позволяет рассматривать этнос и среду его обитания как определенную целостность - этноэкологическую систему". На разных этапах всемирноисторического процесса, как отметил Бромлей, значимость таких систем для жизни общества была далеко не одинаковой, на ранних этапах она была выше и по мере технологического развития в целом снижалась, но до сих пор "исследование этих систем - одна из существенных функций этногеографии" ²⁶.

В кратко рассмотренном очерке Ю.В.Бромлея есть некоторые погрешности. Так приведенный пример различий в хозяйственной деятельности забайкальских русских, бурят и эвенков в части последних не работает, так как эвенки живут не "чересполосно" с русскими, а занимают те "экологические ниши" (районы таежных лесов, где успешно заниматься земледелием невозможно. Следует заметить также, что представление об этносе и природной среде его обитания как "о целостности" может логически привести

к биолого-географической концепции самого этноса, разработанной Л.Н.Гумилевым. Здесь же целесообразно ограничиться уточнением исходного высказывания Бромлея о том, что важность учета этнических факторов в экологии человека и "рассмотрения ее с позиций этнографической науки" мотивировано, якобы, уже одним тем, что этносы "существуют в определенной природной среде". Но религиозные или конфессиональные общности, например, также существуют в "определенной природной среде", однако это еще не обеспечивает важности взгляда на экологию со стороны религиоведения. Дело здесь в тех особенностях этноса, как особого вида общности людей, о которых уже подробно говорилось в введении к данной монографии и основываясь на которых можно действительно считать этносы очень важными (если не важнейшими, как полагает С.Н.Арутюновский) таксономическими единицами экологии человека.

Повторю в этой связи еще раз, что этносы, являющиеся основными объектами исследования этнографической науки, представляют собой одну из наиболее естественных и устойчивых форм социальной группировки людей. Каждый этнос складывается и обычно живет на определенной территории, т.е. в определенных природных условиях, к которым входящие в этнос люди так или иначе адаптируются и часть которых они могут в той или иной степени изменять по мере развития производительных сил и интенсификации хозяйственной деятельности. Адаптация людей к среде обитания осуществляется главным образом через их материальную и духовную культуру, накладывая тем самым отпечаток на эту культуру и быт, на их психологию; в части биологической адаптации могут изменяться и некоторые антропологические признаки, которые наряду с культурными могут приобретать этническую специфику, учитываться в определении самого понятия этноса; в свою очередь изменение природных условий приводит к возник-

новению своеобразных "культурных ландшафтов" с антропогенными компонентами (сельскохозяйственные угодья, селения, мосты и т.п.), совокупность которых также обычно имеет этнические черты. Устойчивость этносов, обеспечивающая длительность взаимодействия каждого из них с конкретными природными условиями, достигается, с одной стороны, путем рождения новых поколений, создания для них необходимых условий и средств жизни с использованием традиционных систем жизнеобеспечения и передачи им навыков такого жизнеобеспечения, с другой стороны, передачи им наряду с языком и этнических ориентаций. Важным условием воспроизводства этносов является их традиционная эндогамность, придающая небольшим этносам черты популяций. Короче говоря, в характеристику этноса, как особого вида общности людей, входит немало признаков и элементов, которые имеют экологические аспекты.

Необходимо сказать, конечно, и о некоторых обстоятельствах, которые не позволяют считать этническую общность главным объектом экологии человека. Ю.В.Бромлей исходил из того, что этносы существуют в "определенной природной среде", но за прилагательным "определенный" может стоять, ведь, как сравнительная однородность природных условий, так и их существенная неоднородность. Полностью однородные природные условия обычно не бывают даже у небольших этносов, место обитания отдельных частей которых могут различаться по характеру рельефа, элементам гидрографии, растительности и другим компонентам ландшафта; одно поселение может располагаться на северном склоне холма, открытом холодным ветрам, другое - с этнически одинаковыми жителями - на южном склоне и т.п. Что же касается крупных этносов, занимающих большую территорию с разнообразными климатическими и другими природными условиями, например, французов или примерно равных им по численности украинцев, то рассматривать каждый из них в целом, как таксономическую единицу

экологических исследований явно нецелесообразно. При экологическом анализе они распадаются на ряд популяционных, культурно-бытовых, региональных и других субэтнических групп.

И еще одно замечание. В очерке Ю.В.Бромляя, как и у упомянутых ранее авторов, не было понятия "этнической экологии" в качестве относительно самостоятельной научной дисциплины, и даже, говоря о существовании "этноэкологических систем", он призывал изучать их в рамках такой более сформировавшейся к тому времени дисциплины как этническая география, ранее на эту проблематику не претендовавшей. Не было такого понятия и у других советских ученых, отмечавших в то время необходимость изучения этноэкологической проблематики, например у авторов вводной статьи в сборник "Общество и природа" М.П.Кима и Л.В.Даниловой, которые пишут: "Весьма актуальной и значимой в теоретической и конкретно-историческом плане является проблема взаимосвязи этноса как социально-культурного феномена и конкретной естественно-географической среды, изменение экологических функций этнических культур с древности до современности. Полезно проанализировать этнокультурные традиции прошлых исторических эпох как способа сохранения экологически значимого опыта" ²⁷. Но теоретическая и практическая значимость этноэкологической проблематики и актуальность ее разработки все более толкали к тому, чтобы не разбрасывать ее по отдельным наукам и научным дисциплинам, а сконцентрировать в рамках одной дисциплины — этнической экологии. Первая попытка реализовать эту потребность и обобщить часть уже накопленного этноэкологического материала была предпринята мною в специальной статье, опубликованной в начале 1983 г. ²⁸

Выводы этой статьи в отношении определения этнической экологии (о некоторых уточнениях последующих размыш-

лений) состоят в следующем.

Этническая экология (или экология народов, этнокультурных групп и т.п.) — научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и имеющая зоны перекрытия или взаимодействия с этнической антропологией, этнической географией, этнической демографией, медицинской географией, этнической психологией и некоторыми другими общественными и естественными науками и научными дисциплинами. Ставя в центр своего внимания, как и вся экология, изучение взаимоотношений и взаимодействия особей или их сообществ (популяций) и среды, этническая экология, в соответствии с особенностями экологии человека, учитывает специфику человека, как социально-биологического существа, ведущую роль социально-экономических факторов в его развитии и возникновении различных групп (общностей) людей, важность культуры, являющейся основным средством небиологической адаптации к среде обитания, растущее влияние хозяйственной деятельности человеческих коллективов на преобразование природы. Будучи неразрывно связанной с этнографией, этническая экология учитывает важность этносов, как естественно-исторически возникших, устойчивых общностей людей, этническую специфику культуры и бытовых традиций в процессах адаптации и жизнеобеспечения популяционных и социальных групп. В основные задачи этнической экологии входит изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических коллективов в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияние сложившихся этноэкологических взаимосвязей на здоровье людей и естественное воспроизводство этнических групп, изучение этнокультурной специфики использования этносоциальной природной среды и специфики их воздействия на эту среду, закономерностей формирования и функционирования относительно независимых этноэкологических систем.

Основные из перечисленных задач этнической экологии и связанные с ними довольно сложные понятия, прежде всего понятие "жизнеобеспечения" этноса, а также связь этнической экологии с такими смежными дисциплинами, как "этническая демография" и "медицинская география", о которых недостаточно говорилось выше, будут рассмотрены в следующих главах монографии. Здесь же, в заключение данной главы целесообразно остановиться несколько подробнее на соотношении этнической экологии с понятием "экологии культуры".

Выше уже говорилось о том, что началом формирования этнической экологии можно считать работы американского этнографа Дж. Стюарда по "культурной экологии", которую он понимал как экологию этнокультурных групп и которая дала начало нескольким этноэкологическим школам, о чем речь пойдет далее в специальной главе.

В период становления экологии человека в советской науке проблема взаимоотношений или взаимодействия общества и природы нередко понималась как взаимодействие с природой "цивилизации" или "культуры", учитывая так или иначе, что за этими понятиями стоят значительные группы людей, находящиеся на определенной стадии своего исторического развития. В конце 1970-х гг. биолог Н. М. Реймерс, рассуждая об "экологической культуре", сформулировал, что "каждый понимает под этими словами что-то свое", например, "отношение общества к охране здоровья человека (физическая культура и здравоохранение), культуру отношений между полами (культура сексуальных отношений) и культуру отношений человека к окружающей его среде обитания (собственно экологическая культура)". Насколько можно понять, сам Реймерс был склонен понимать "экологическую культуру" как экологическую "культурность", выражающуюся в сознательно-рациональном или научном отношении людей к

среде их обитания, включая "культуру общения между народами", "культуру потребления" и другие "культуры"²⁹. Однако такое безмятежное отстранение от необходимой четкости понятийно-терминологического аппарата, служащего важным инструментарием научного познания, превращает серьезное обсуждение экологических проблем в более или менее интеллигентный разговор "обо всем".

Показательно также, что Ю.В.Бромлей и Р.Г.Подольный в написанной несколько позже статье "Экология и культура", казалось, разделив в самом названии эти две действительно разные категории — с одной стороны, биологическую науку, с другой стороны, очень широкое, по разному трактуемое понятие сущности "человека" и "общества" — в дальнейшем, солидизируясь с Д.С.Лихачевым, пишут о "культурной экологии (может быть, лучше сказать "экологии культуры"?)", как о "новой науке", которая нацелена на охрану архитектурных памятников (на чем особенно настаивает Лихачев), а также охрану других компонентов культурной среды: "среды языковой" и "культурной сферы"³⁰. Вполне разделяя обеспокоенность этих и других уважаемых мною авторов плохим состоянием памятников старины, упадком языковых и других этнокультурных традиций, хотелось бы пожелать им, если они действительно решили создать особую науку по их охране, быть более внимательными к понятийно-терминологическому аппарату и подыскать для создаваемой науки более подходящее название. Что же касается этнической экологии, то компоненты традиционной материальной и духовной культуры входят в понятие жизнеобеспечения этноса и рассматриваются мною в следующей главе.

1. Лихачев Д.С. Экология культуры. В кн.: Заметки о русском. М., 1984. С.54 и след.
2. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.20. С.495.

3. Крубер А.А. Общее землеведение. Часть III. Указ. раб. С.6-18, 107.
4. Вайтман Н.Н. Geography as Human Ecology // Annals Assoc. Amer. Geograph., 1923, vol.13, #1.
5. Park R. The city, Univ. of Chicago Press, 1926.
6. См. по этому вопросу Смит Р.Л. Наш дом планета Земля. Полемиические очерки об экологии человека. М., 1982. С.9-12.
7. Краснов Г.С., Орлов В.В. Соотношение социального и биологического в труде (экологический аспект) // Философия пограничных проблем. Вып.4. Пермь, 1970.
8. Медверков Ю.В. Среда обитания и экология человека // Человек и среда обитания (Сборник статей). Л., 1974. С.141-146.
9. Шварц С.С. Проблемы экологии человека // Вопросы философии. 1973, № 9.
10. Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа, 1975, № 7.
11. Комаров В.Д. Что такое социальная экология. Л., 1978. С.18-19.
12. Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М., 1977; ее же. Адаптивные процессы в популяциях человека. МГУ, 1986.
13. Казначеев В.П. Очерки теории и практики экологии человека. М., 1983.
14. См. Ткаченко А. Роль синтеза научного знания в изучении взаимоотношения населения и окружающей среды // Население и окружающая среда. М., 1975; см. также. Экология человека. Основные проблемы. М., 1988.
15. Артановский С.Н. Общественно-культурные аспекты экологии человека // Вопросы философии, 1975, № 3.
16. См.: Steward J.H. Theory of culture change: The Methodology of multilinear evolution, Urbana, 1955.

17. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография. М., 1955, № 4.
18. См.: Козлов В.И., Покшишевский В.В. Этнография и география // Сов. этнография. М., 1973, № 1.
19. См.: Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии // Сов. этнография. М., 1963, № 1; см. также: Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.
20. См. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
21. См. Козлов В.И. Долгожительство и долгожители // Природа, 1980, № 7; Феномен долгожительства. М., 1982; Абхазское долгожительство. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане. М., 1989, и др.
22. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.245.
23. Там же. С.252.
24. Там же. С.253.
25. Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР, 1970, № 12.
26. Бромлей Ю.В. Указ. раб. С.254.
27. См. Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С.16-17.
28. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. М., 1983, № 1.
29. Реймерс Н.Ф. Новая тенденция в развитии современной культуры // Вестник Академии Наук СССР. М., 1979, № 12.
30. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Т. Экология и культура // Наука и религия. М., 1983, № 8.

Глава 3. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭТНОСА

В предыдущей главе говорилось, что центральное место среди задач этнической экологии занимают вопросы экологической адаптации и жизнеобеспечения этнических групп. Адаптация — термин хорошо известный биологам и в первую очередь экологам; он означает процесс приспособления особи, популяции и всего вида к природной среде обитания путем изменения комплекса морфологических и поведенческих особенностей. Собственно и сама биологическая эволюция на Земле, происхождение различных биологических видов (вплоть до гоминид и человека) было обусловлено длительным естественным отбором особей и популяций, наиболее приспособленных к локальным условиям среды их обитания, что и было закреплено в генофоне. Вместе с тем, по существу все биологические виды обладают генетической "пластичностью", которая проявляется в большей или меньшей вариабельности фенотипов (особенностей особей) и определяет способность удовлетворять так сказать, требованиям, предъявляемым к ним несколько иными средовыми условиями. В некоторых случаях это может привести к изменению генофонда отдельных популяций, что не нарушает, однако, целостность биологического вида и пределов его адаптационных возможностей.

В биологической науке принято различать два основных вида адаптации: эволюционную адаптацию, закрепленную генетически в ходе естественного отбора на уровне популяции, вида или биотопноса, и аккомодацию, которая означает приспособление к среде обитания на уровне особи и популяции, не закрепленное генетически и могущее иметь обратимый характер¹. Та и другая имеют определенные рамки. Верблюд может аккомодироваться к ус-

ловиям степной зоны, но не может — к условиям лесной зоны; человек не может аккомодироваться и адаптироваться к жизни на высотах свыше 5 км (о кратковременном пребывании там альпинистов речь, разумеется, не идет). Самым важным видом адаптации является акклиматизация, т.е. приспособление к климатическим условиям места обитания; это приспособление может проявиться как в генетически закрепленных, так и во временных адаптивных формах.

В экологии человека, взаимоотношения которого со средой обитания основаны, как уже не раз отмечалось выше, главным образом на средствах небологической адаптации, проявляющихся в особенностях хозяйства и материальной культуры этнических групп или локальных популяций, вопросы биологической адаптации в целом отступают на второй план. Тем не менее, они имеют большое значение и им уделялось и продолжает уделяться существенное внимание. В советской научной литературе вопросы связей особенностей биологии человека с особенностями географической среды и адаптивные процессы в популяциях человека обстоятельно освещены в двух монографиях антрополога Т.И.Алексеевой, о которых уже говорилось в предыдущей главе и к материалам которых мне придется обратиться в дальнейшем. Ограничусь поэтому лишь некоторыми основными положениями.

В Советском Союзе проблемы адаптации человека стали разрабатываться еще в начале 1920-х гг. Автор первой, насколько можно установить, статьи на эту тему антрополог В.В.Бунак уделил основное внимание вопросам "акклиматизации", определив ее как "способность организма подвергаться незначительным морфологическим и функциональным изменениям, не нарушающим общий тип индивидуума и обеспечивающим способность жить и, главное, размножаться, в несвойственной индивидууму новой обстановке" ². Нетрудно понять, что Бунак употребляет

термин "акклиматизация" в смысле "аккомодации", как она толковалась выше. Тем не менее, целесообразно привести некоторые его выводы.

К основным "факторам" (точнее было бы говорить об аспектах или компонентах акклиматизации) В.В.Бунак отнес метеорологический, эргологический, общемолекулярный и расовый. Под "метеорологическим" фактором автор понимает собственно климатический, проявляющийся, например, при адаптации европейцев к условиям тропиков и, напротив, аборигенов тропического пояса - к умеренному климату; известно, что такая перемена климата неблагоприятно отражается на многих сторонах физиологии, в частности на процессах обмена веществ в организме, и на нервно-психической сфере; вместе с тем, Бунак отметил, что приспособление европейцев к более холодному климату проходит легче, чем к жаркому. Эргологический фактор или аспект акклиматизации заключается в изменении уклада жизни и гигиенического режима (быт, труд, питание) в новой среде; общемолекулярный - в приспособлении к биологическим условиям среды - ее растительному и животному миру, а также к микроорганизмам, возбудителям эндемических болезней. Необходимость учета обеих этих факторов или аспектов адаптации как в экологии человека, так и в этнической экологии представляется достаточно очевидной и в дальнейшем они будут рассмотрены более подробно, в том числе и в главе о медицинской географии. Четвертый "фактор" или аспект акклиматизации, по Бунаку, связан с положением, что каждая раса биологически приспособлена к основному ареалу своего обитания как в климатическом отношении, так и по полученным ею в результате длительного естественного отбора особым эндо- и экзопаразитическим характеристикам; сюда же автор включил и фактор этно-расовых отношений, относящийся в сущности к сфере со-

специальной адаптации.

Активная разработка в советской науке вопросов биологической адаптации человека, начатая В.В.Бунаком, развернулась, к сожалению, лишь в последние десятилетия, но уже достигла существенных успехов. Можно считать установленным, что некоторые расовые характеристики обусловлены давней и длительной адаптацией к природным условиям обитания. Так, Т.И.Алексеева пишет: "В условиях тропического пояса наряду с такими особенностями как темная кожа, курчавые волосы, толстые губы и долихоморфный тип сложения, происхождение которых могло быть связано с начальными периодами существования вида *Homo sapiens* отмечено в общей форме подчинение распределения размеров тела правилам Аллена и Бергмана относительно влияния температурного режима на морфологические особенности человека. Более массивные и коротконогие варианты сосредоточены на севере, более длинноногие, с меньшей массой тела - на юге"³. Большинство перечисленных здесь особенностей относятся к основным характеристикам сформировавшейся в тропиках негроидной большой расе и к ее подразделениям. Однако, начав с материалов, отражающих процесс биологической адаптации в характеристиках расовых типов и частично использованных еще В.В.Бунаком, Алексеева в дальнейшем расширила сферу своих исследований; она подробно рассмотрела материалы по адаптации человека не только в тропических широтах, но и в условиях высокогорья, в аридных областях и в экстремальных условиях полярной зоны, что привело ее к выводу о неполном совпадении и даже несовпадении расогенетических и адаптационных процессов, расовых и "адаптивных", как она называет, типов. На этом ее выводе, имеющем непосредственное отношение к тематике данной главы, остановилась более подробно.

Под адаптивным типом Т.И.Алексеева понимает "норму биологической реакции на комплекс условий окружающей среды, обеспечивающей состояние равновесия популяций с этой средой и находящей внешнее выражение в морфо-функциональных особенностях популяций" ⁴. В этом определении заметны некоторые небрежности ("тип" - это "норма" и т.п.), главное здесь не в удачности формулировки, а в следующем за ней выводе: "Адаптивный тип независим от расовой и этнической принадлежности. В одних и тех же геоклиматических условиях разные по происхождению группы имеют одно и то же направление приспособительных реакций, так же как в различных условиях обитания близкие в генетическом отношении группы демонстрируют морфофункциональные различия в соответствии с воздействием окружающей среды... Сходный комплекс приспособительных черт в тропической зоне находит у европеоидного населения Индии, австралийцев и аборигенов Африки; на Крайнем Севере единое направление приспособительных реакций показывают саамы, ненцы, чукчи и эскимосы. То же самое относится и к коренным жителям пустынь, различным в этническом и расовом отношении" ⁵. Наиболее древним Алексеева считает тропический адаптивный тип, по отношению к которому все другие "могут рассматриваться как дочерние"; каждый из этих "дочерних" типов подразделяется на адаптивные типы низшего порядка, связанные с географическими характеристиками экологических ниш, в том числе: "умеренный" тип - на "западный" и "восточный"; "арктический горный" тип - на собственно "арктический" с подразделением на "западный" и "восточный" и собственно "горный" с подразделением на "предгорный" и "горный"; "континентальный аридный" тип - на собственно "аридный" и "континентальный", с подразделением последнего на "горный", "степной" и "таежный" ⁶.

Предложенная схема "иерархии" адаптивных типов человека представляется не вполне совершенной; некоторые ее звенья ставятся под сомнение и дальнейшими рассуждениями самой Т.И.Алексеевой, так при введении понятия "активной" и "пассивной" адаптации субарктический тип резко отделяется от высокогорного. Да и заключение о независимости адаптивных типов от "расовой и этнической принадлежности" является слишком категорическим, относящимся по существу лишь к "большим" расам; при выделении малых рас и расовых типов могут быть использованы почти те же антропологические признаки, которые относятся и к адаптивным типам, и в ряде случаев они совпадают и с этнической принадлежностью (например, у бушменов и готтентотов, адаптированных к аридной зоне и обычно выделяемых в качестве малой расы). Тем не менее, основной вывод Т.И.Алексеевой, как и других ученых, о различных механизмах и проявлениях биологической адаптации групп людей или популяций к различным природным условиям, "экологическим нишам" — достаточно убедителен.

Биологическая адаптация к различным природным условиям "экологических ниш" наблюдается и у других видов живых существ: степной волк, например, заметно отличается от волков, живущих в тайге и лесотундре. Некоторые закономерности биологической адаптации человека и животных, как отмечает Т.И.Алексеева, по существу, аналогичны. Имеется, однако, и весьма существенное различие, о котором она пишет: "При определенном сходстве приспособительных реакций человека и наземных животных в характере биологической адаптации есть одно фундаментальное различие между ними: адаптация человека к географическим условиям не представляет собой экологической специализации, ограничивающей существование в других ландшафтно-климатических зонах. Этой

специализации препятствует, по-видимому, хозяйственно-культурная деятельность человека, многообразие его социальных связей с географической средой обитания" ⁷.

В сказанном, опять таки, есть погрешности: социальные связи существуют между людьми, а не между людьми и климатом или орографией; да и глагол "препятствует" здесь не вполне уместен, можно подумать, что если бы не хозяйственно-культурная деятельность, то у людей, переселившихся из тропиков или субтропиков в арктическую зону, возобновился бы, например, утраченный еще на "досапиевой" стадии шерстяной покров на теле. Полагаю, что при переселении в столь различные природные условия жизнь людей могла обеспечить только хозяйственная и культурная адаптация, о важности которой уже не раз говорилось выше. Применительно к этнической экологии можно утверждать, что биологическая и небиологическая (хозяйственная и культурная) виды адаптации составляют в совокупности основу жизнеобеспечения этнических групп. Кратко остановлюсь в связи с этим на самом понятии "жизнеобеспечение этноса".

Термин "жизнеобеспечение" не нашел своего должного оформления ни в экологии человека, ни в этнографии как в СССР, так и в других странах (ближе англ. 'maintenance' а также, 'subsistence'), хотя его содержание, казалось бы, отвечает тематике той и другой науки. По существу первая попытка ввести это понятие в советскую этнографическую науку была сделана в начале 1980-х гг. в моей уже упомянутой выше статье о проблемах этнической экологии и затем на конкретном материале авторами монографии посвященной "культуре жизнеобеспечения" сельских армян и сопутствующих статьях на ту же тему. Но между "экологическим" и "культурологическим" подходом к понятию "жизнеобеспечения" оказались довольно существенные расхождения, на кото-

рых следует остановиться более подробно.

Сторонники культурологического подхода к понятию "жизнеобеспечения", среди которых особенно выделяется С.А.Арутюнов, ограничивают его содержание основными компонентами материальной культуры. В монографии по "культуре жизнеобеспечения" (далее - КЖ) сельских армян говорится: "Непосредственный процесс экологической адаптации общества к природной среде происходит путем ее соответствующего социально-организованного территориального освоения, которое выражается в поселениях и образующих их жилищах, путем производства необходимых для поддержания жизни людей пищевых продуктов и одежды. Эти элементы культуры могут быть интегрированы благодаря общему понятию "культура жизнеобеспечения (КЖ)". Сочетание слов в понятии "культура жизнеобеспечения" представляется мне не вполне удачным, так как имеет оттенок "культурности" жизнеобеспечения (по аналогии с "культурой поведения"), но это можно отнести к стилистическому "вкусу". Главное же состоит в том, что "культура жизнеобеспечения" отождествляется в монографии только с частью материальной культуры и ограничивается ею: "... исследователя КЖ не должно, — как заявляют авторы, — смущать то обстоятельство, что поселения, жилища, одежда, пища выполняют определенные функции элементов духовной культуры" ⁸.

Далее, авторы монографии, касаясь возможных аспектов характеристики "культуры жизнеобеспечения", еще более ужесточают ее рамки, отмечая, что она больше касается сферы потребления, нежели сферы производства: "Грань между первичным производством материальных благ и завершающими этапами их производства на уровне КЖ следует проводить там, где блага (и?) начинают принимать форму окончательно направленную на удовлетворение биологических жизненных потребностей. Так, производство муки не входит в КЖ, а выпечка хлеба входит; рубка леса не вхо-

ходит, а заготовка балок для дома входит в КЖ и т.д." Авторы замечают, правда, что человеческие потребности являются "не только физиологическими, но и в огромной мере социально обусловленными. Поэтому, изучая жилище, поселения, одежду и пищу, мы даже порой (?) не столько концентрируем внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру"⁹. Однако такая "пора" для авторов монографии, видимо, еще не вполне пришла, и они ограничиваются типичным для этнографов описанием сельских поселений Армении, сельского жилища армян и "системы" их питания, дифференцируя фактический материал по трем природным зонам Армении. Авторы, разумеется, вольны рассуждать так, как им мыслится, но замечу, что должного анализа связи подобной "культуры жизнеобеспечения" с конкретными особенностями природных зон Армении при этом не дается и насколько эта культура удовлетворяет витальные и другие потребности населения остается по существу неизвестным.

В вышедшей несколько позже статье о механизмах жизнеобеспечения в этнической культуре С.А. Арутюнов и И.И. Мкртумян повторяют основные положения монографии, относящиеся к "культуре жизнеобеспечения", в том числе и пример об соялке на производство муки, что к "культуре жизнеобеспечения"; по их мнению, не относится, и выпечкой хлеба, которая к ней относится. При этом они, видимо, отдавая дань моде на распространившиеся к тому времени "системные" исследования, нередко заменяют термин "культура жизнеобеспечения" на "жизнеобеспечивающая система"¹⁰, но это не делает сами рассуждения более убедительными как в теоретико-методологическом, так и в практическом или "операцио-

нальном" отношении.

Несовершенство изложенных рассуждений о "культуре жизнеобеспечения" или "жизнеобеспечивающей системе" этноса проявляется в двух основных аспектах. Во-первых, в том, что обеспечение людей жилищем, пищей и одеждой, хотя и представляет собой, несомненно, биологически важную часть жизнеобеспечения, но всего лишь часть его, не вполне достаточную даже для нормального существования индивида (здесь уместно напомнить выражение - "не хлебом единым жив человек") и явно не способную поддерживать жизнь этнических групп. Во-вторых, в недостаточно обоснованном стремлении ограничить "жизнеобеспечивающие" компоненты материальной культуры сферой их непосредственного потребления. Ф.Энгельс указывал:

"Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять таки, бывает двоякого рода. С одной стороны - производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой - производство самого человека, продолжение рода" II. В связи с этим, относить к обеспечению жизни только выпечку хлеба и исключить из этого процесса все важные предшествующие стадии получения зерна и муки, а также отнести к жизнеобеспечению только затесывание ствола дерева, исключив из этого процесса рубку дерева и обрубку оучьев, значит искусственно разрывать органически связанные части одного и того же процесса.

К оказанному следует добавить, что среди этнографо-культурологов уже давно возобладала склонность к работам описательно-типологического характера. Очень трудно найти этнографическую книгу или статью, автор которой, описывая традиционное питание, обратил бы должное внимание, например, на калорийность пищи и на изменение

ее основных потребительских характеристик в результате того или иного способа ее приготовления (известно, в частности, что при жарении мяса на открытом огне, его калорийность и содержание витаминов уменьшается). Нередко отвергается даже возможность такого подхода; говорится, например, что "этнографов пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности (17), а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношение людей в обществе и нормы их поведения, формы поведения, традиции для данного общества" ¹⁸. При таком социологически-культурологическом подходе к пище составить хоть какое-то представление о реальных проблемах пищевого обеспечения тех или иных народов мира, конечно, невозможно. Разумеется, в принципе каждый автор вправе ставить перед собой те задачи, которые он считает целесообразными решать и которые он в состоянии решить, но мне представляется не вполне разумным отводить этнографическую науку от решения актуальных жизненных проблем. Так или иначе, в этом случае особенно возрастает значение этнической экологии, которая призвана включить в круг своих задач изучение всей системы материального обеспечения жизни, скажем, от обработки пашни до выпечки хлеба и оценки влияния его потребления на жизнь людей. Однако в сферу жизнеобеспечения, как уже отмечалось выше, входит не только пища, одежда и жилище.

Структуру жизнеобеспечения человека целесообразно рассмотреть через структуру потребностей, как основополагающего фактора активной деятельности людей. Общепринятой классификации потребностей пока не существует, и даже в психологии, где этому вопросу уделяется довольно много внимания, различные авторы подходят к нему по-

разному. Так, А.В.Петровский классифицировал потребности по происхождению, с выделением естественных (биологических) и культурных (социальных), и по предмету, с выделением материальных и духовных ¹³. К.Обуховский, концентрируя внимание на "общих" (преимущественно - биологических) потребностях человека, выделил среди них потребности самосохранения (физиологические и "ориентировочные" - по отношению к среде) и потребности размножения (сохранения вида) ¹⁴. К.К.Платонов разделил потребности на биологические (потребности в дыхании, питании, воде, отсутствии нарушения теплообмена, движении, общении, отсутствии сенсорного голода, самосохранении и сохранении рода) и социальные (потребности в труде, познании, красоте, а также "все социализированные биологические потребности, показанные К.Марксом на примере голода, а Ф.Энгельсом на примере половой потребности") ¹⁵. Нетрудно заметить, что ссылка Платонова на основоположников "научного коммунизма" не укрепляет, а ослабляет предложенную им классификацию, так как большинство других выделенных им "биологических" потребностей, в том числе и потребность в питании также является "социализированными", ибо регламентируются социально-культурными (в том числе этническими) параметрами и установками. Правоверный мусульманин, во избежание немилости Аллаха, скорее предпочтет голодную смерть, чем будет питаться свиной, а христианин решительно откажется от употребления в пищу конины. "Социализированность" общения понятия сама собой, то же относится, например, и к "сохранению рода".

Среди особенностей других наук заслуживает при выделении потребностей человека еще больше. Так, демограф Л.Е.Дарский отнес к числу "фундаментальных" или "версальных" потребностей также, как "материально-энер-

гетические, "информационно-исследовательские" и "социального взаимодействия", заявив, в частности, что особой потребности в детях не существует: детей, по его мнению, рожают, "чтобы удовлетворить какие-то другие потребности" ¹⁶. Последний тезис Дарский пытается доказать ссылкой на женщин, которые никогда не рожали, но сохранили физическое и психическое здоровье; однако аналогичным образом, ссылаясь на "пример" физически здоровых отшельников, можно отрицать, ведь и потребность в "социальном взаимодействии"; совершенно ясно, что если бы у людей не было потребности в детопроизводстве, то человечество могло бы давно вымереть. Этнограф-культуролог С.А.Арутюнов, с другой стороны, утверждал, что одной из важнейших потребностей является "заоевание престижа"; без этой потребности, якобы, не может существовать общество, а "человек... вообще не может быть человеком" ¹⁷. В данном случае перед нами пример того, как второстепенная в сущности потребность возводится в разряд первостепенных; подобным образом можно утверждать, например, что человек "не может быть человеком" без потребности в любви, без потребности в со-страдаии и т.п.

Представляет некоторый интерес и классификация потребностей в рамках "социально-экономической экологии", предпринятая биологом Н.Ф.Реймерсом. Эти потребности он, как и многие другие авторы, подразделяет на биологические и социальные. В свою очередь, среди биологических потребностей он выделял физиологические (питание, дыхание и др.), психолого-средовые и этнологические (поведенческие); последние дифференцированы в половозрастном отношении и содержат этавистические элементы, так как "люди, вне зависимости от своих желаний, все еще охотники и собиратели, скотоводы и земледельцы". К числу социальных потребностей Н.Ф.Реймерс отнес тру-

довне (часть из них, впрочем, он связывает с инстинктами), этнические (их содержание не поясняется), социального статуса и комфорта (гражданские свободы и их охрана, общение со своей эталонной группой, пользование культурными ценностями и социальными услугами и др.), экономического статуса, позволяющего удовлетворить другие потребности или заменять их ¹⁸. Приведенная классификация потребностей человека также не свободна от недостатков: среди биологических потребностей не названы такие важные как половые, среди социальных потребностей по-существу нет духовных и т.д.

Наличие существенных расхождений и неточностей в определении круга жизненно важных потребностей человека призывает к тому, чтобы данный вопрос был рассмотрен более основательно.

Начинать здесь приходится, конечно, с той стороны жизнеобеспечения, которая сводится к удовлетворению того минимума базисных биологических условий, без которых индивид или группа не может выжить; сюда относятся потребности в пище, в защите от неблагоприятного действия среды и шире - в поддержании здоровья, а для существования группы - и потребность в производстве потомства. К базисным потребностям следует отнести и эмоциональные потребности, которые не необходимы для физического выживания организма, но которые должны быть удовлетворены, если индивид стремится к развитию и поддержанию духовного здоровья; одной из очень важных среди них является потребность в кожной стимуляции, тактильных ощущениях; известный английский антрополог Э.Монтгомери отмечает решающее значение тактильных ощущений в социализации человека, например в форме материнского чувства, ласки, любви и др. ¹⁹ Другие подразделения биологических потребностей, например, на безусловно-рефлекторные (инстинктивные) и условно-рефлектор-

ные (социализированные) имеют, на мой взгляд, второстепенное значение.

Наибольший интерес для этноэкологов представляют биологические потребности, удовлетворение которых обусловлено особенностями природной среды (прежде всего климата) и биологических особенностей самого человека как представителя вида *Номо варіана* (отряд приматов, класс млекопитающих), возникшего, как предполагают, в зоне сухих субтропиков и адаптированного к ней, а затем расселившегося по другим природным зонам. Частично это достигалось путем рассмотренной выше биологической адаптации, т.е. независимо от сознания людей; однако удовлетворение большинства потребностей проходит через сознание, осмысливается в той или иной степени разумом, направляющим действия и поступки людей, и тем самым подвергается влиянию социально-культурных установок.

В признании важнейшего — "базового" — значения удовлетворения биологических потребностей человека, конечно, нет никакого "биологизма", тем более что это признание не нарушает огромную значимость социальной природы человека и его развитого разума. В предыдущих главах уже приводились высказывания классиков марксизма о нерасторжимости человека и природы, в частности К.Маркса, которые писал: "Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию — телесная организация этих людей и обусловленное ею отношение их к остальной природе" (подчеркнуто мною — В.К.)²⁰.

Человек исторически возник и предстает как существо социальное и именно потому даже удовлетворение его биологических потребностей обычно принимает социальную форму. История взаимоотношений "производящих индивидов" с природой с самого ее начала предстает не как история

каких-то отшельников или робинзонов, а как история семьи, рода и других социальных образований, прежде всего-интересующих нас этносов. Однако прежде чем непосредственно перейти к этническим аспектам жизнеобеспечения, остановлюсь еще на одном важном вопросе.

Известно, что более или менее "социальный" характер имеет и жизнь других существ - от муравьев до некоторых видов приматов. Поэтому главным отличием человека от других животных является не столько его "социальность", сколько его разум, отличающийся от имеющихся у многих животных, особенно - приматов, элементов "разумности" не только в "количественном", но и в качественном отношении и представляющий собой высшую форму движения материи по сравнению с ее "биологическими" формами. Попытки постичь сущность этой формы движения материи, проникнуть в тайны сознания пока не дали значительных результатов. В.П.Алексеев в монографии о возникновении человека и человеческого общества, коснувшись вопроса о специфике человеческого сознания, кратко рассмотрел основные его компоненты или "сферы" ("эмпирического опыта", "обобщения результатов этого опыта" и "абстрактного сознания") и подчеркнул, что в их основе лежит рациональная логика. Но рациональный эмпирический опыт, а возможно и какие-то обобщения его результатов в виде элементов абстрактного сознания есть и у высших млекопитающих; во всяком случае, качественно иной характер человеческого сознания проступает в этом еще недостаточно. Такое новое качество В.П.Алексеев, видимо, пытается нащупать, ставя прямо в заглавие одного из подразделов книги прямой вопрос: "Почему человеческий ум ищет объяснений?". Однако, как мне представляется, он несколько упростил и отчасти затемнил ответ на этот вопрос, сравнив человеческий ум с очень сложной кибернетической системой, которой для нормального функционирова-

ния необходимо, якобы, "предугадывать ход будущих событий" ²¹. Уместно отметить в этой связи и безуспешные попытки кибернетиков создать искусственный "интеллект".

Вопрос о качественном своеобразии человеческого сознания весьма сложен и требует обстоятельной разработки, выходящей далеко за пределы данной главы. Поэтому ограничусь лишь ссылкой на такого оригинального и глубокого исследователя данного вопроса как Б.Ф. Поршнев, который отметил наличие в человеческом сознании не только преобладающих рациональных, но и существенных иррациональных элементов; "люди, — по его меткому замечанию, — единственный вид, способный к абсурду" ²². Кстати сказать, и другая отмеченная им, опять таки, отнюдь не ведущая, но очень специфическая черта человека — систематическая практика "взаимного умерщвления" (особенно членов чужих групп или общностей) — настолько противоречит естественному (в том числе и "кибернетическому") рационализму, что может быть объяснена только какой-то "абсурдностью" человеческого мышления. И вообще, всю историю человечества от ее ранних этапов, когда, как показал Л. Леви-Брюль, особенно проявлялись черты "дологического мышления" и возникали "странные", с точки зрения людей промышленного общества, верования и обряды, до современности, когда бурно развивающаяся наука сосуществует в сознании многих людей с религией и когда человечество поставило себя перед угрозой полного самоистребления, — было бы трудно понять без признания того, что в человеческом сознании изначально были и есть какие-то иррациональные, "абсурдные" элементы.

Изложенное выше подводит к некоторым заключениям, непосредственно относящимся к тематике данной главы. ~~Из них~~ из них состоит в том, что сознание человека не только ~~состоит~~ является ответвлением биологических в конечном

счете потребностей по сохранению индивида и вида, но и обладает своего рода надбиологической самостоятельностью, проявляющейся например в самопознании и требующей самоудовлетворения, причем получаемое при этом "духовное" удовольствие может не уступать по силе и по жизненной значимости телесным, так сказать, удовольствиям. Последнее обстоятельство в немалой степени способствует развитию как самого сознания, так и связанной с ним сферой духовной культуры, входящей в систему жизнеобеспечения. Отмеченной самостоятельностью характеризуется не только личное, но и общественное сознание, определяемое в своей основе, как известно, общественным бытием с его основой в виде материального производства; это проявляется в частности в сильной дифференциации языка и духовной культуры у этносов, которые живут в сходных природных условиях и заняты в сущности одной и той же деятельностью; например у земледельческих народов в тропиках, скотоводческих - в степях и полупустынях и т.д. Второе заключение состоит в том, что человеческое сознание, которому присущи и некоторые иррациональные, "абсурдные" элементы, способно находить удовлетворение не только в успешной рациональной деятельности, но и в чем-то иррациональном, например в религии (которую К.Маркс удачно назвал "опиумом народа"), в различных иллюзиях и социальных мифах и т.п., а также путем "сознательного" самодурманивания различными наркотическими средствами, например алкоголем.

Сознание человека неразрывно связано с его, так сказать, социальностью и вместе с ней оказывает сильнейшее влияние на удовлетворение жизненно важных биологических в своей основе потребностей как по производству средств существования, так и по продолжению рода. Ведущая роль рациональных мотивов в сфере материального

производства и потребления достаточно очевидна, она подробно показана в сотнях работ, причем в общественное производство могут быть почти целиком включены, например, и такие отмеченные Л.Е.Дарским "потребности" как "информационно-исследовательские". Поэтому здесь более целесообразно отметить существование и в этой сфере некоторых иррациональных "абсурдных" элементов. К ним относятся в частности различного рода пищевые табу, установленные безотносительно к питательным свойствам и вкусу, мало рациональные изначально или ставшие таковыми вследствие их догматического осбождения в изменившихся условиях существования той или иной этнокультурной группы. О табуировании употребления в пищу свинины среди мусульман и конины среди христиан уже говорилось выше; можно добавить, что почти все народы банту, живущие в приокеанийских районах Африки, не употребляют в пищу рыбу. Многие традиционные методы приготовления пищи (например, жарение мяса на открытом огне), при которых уменьшается ее калорийность и теряются витамины, также никак нельзя отнести к рациональным; часть из них, впрочем, перешла из разряда ритуальных. Одежда издавна подчинялась традициям, отнюдь не всегда полезным для здоровья, достаточно сказать о женской парандже среди мусульманских народов; с прогрессом цивилизации одежда все более подчиняется причудам моды, которые зачастую также не относятся к рациональным, и т.д.

К сказанному следует добавить, что существующая у людей потребность в получении по возможности более высокого социального статуса (вплоть до статуса "главаря"), наблюдаемая в элементарном виде и у многих стадных животных, сочетается с более широкой потребностью утверждения себя как "личности", не только чем-то отличающейся от других "личностей", но и чем-то превос-

ходящей их. Эта отмеченная С.А.Арутюновым потребность "престижа" иногда удовлетворяется через казалось бы нерациональную форму "вейстинга" ("растраниживания"). "И накопление ненужных вещей, пишет Арутюнов, — и перевод зерна в алкоголь с последующим его ритуальным выпиванием ("потлачи" первобытности и пышные банкеты современных урбанистических обществ), и помпезно-монументальное строительство, и культовая практика — все это разные формы вейстинга. Он может иметь внешне конструктивную форму, но по существу он деструктивен" ²³. О том, можно ли относить к вейстингу "культовую практику" можно поспорить, но в целом это положение заслуживает внимания.

Еще более детального рассмотрения заслуживает до сих пор сравнительно слабо освещенный в нашей науке процесс "производства самого человека, продолжения рода", связанный с биологическим разделением функций мужчины и женщины, с появлением нового живого существа — нового человека. Некоторые стороны такого процесса недостаточно изучены до сих пор, а в прошлом были окутаны (как, впрочем, и смерть человека) покровом истинно священной тайны. Трудность изучения этого процесса, нередко именуемого "детопроизводством", состоит еще и в том, что его естественное начало — половой акт — у человека (в отличие почти от всех других животных) не приурочен ко времени, когда женщина физиологически способна к зачатию; только в конце 1920-х гг. было установлено, что такая способность, при прочих благоприятных для этого условиях, прежде всего — состоянии здоровья, ограничена всего 1,5–2 сутками месячного цикла. Есть reason утверждать поэтому, что биологическая не вполне "рациональная" потребность в частых половых сношениях обусловлена в конечном счете побуждениями, которые могут быть названы "половым инстинктом";

удовольствие от удовлетворения этого инстинкта по своей силе превосходит, как известно, все другие телесные и духовные удовольствия, тем не менее, он может удовлетворяться и некоторыми другими путями или не удовлетворяться вообще, обычно без особого вреда для индивида. Такая относительная самостоятельность такого инстинкта, отчасти удвоенная иррациональными элементами сознания, отчетливо выявилась в ходе не так давно прошедшей на Западе "сексуальной революции", но она же показала, что потребность в его удовлетворении не следует смешивать с "потребностью в детях", как это получилось у Д.Е.Дарского ²⁴.

Исследование "полового инстинкта", лежащего в сфере подсознательного, но проявляющегося нередко весьма причудливым образом через сознание, на "надотроечном" уровне - в форме или ореоле "любви" ²⁵, в европейской науке долгое время сдерживалось стеной христианского канонизма, пока Э.Фрейд не удалось пробить в этой стене широкую брешь. И хотя Фрейд со своими последователями преувеличил роль полового влечения ("либидо") в жизни людей, многие выдвинутые им положения, в частности - о так называемой сублимации, т.е. о возможности хотя бы частичного удовлетворения либидо косвенным путем, например путем творческой деятельности в области искусства и литературы, заслуживают внимания. Во всяком случае, идея сублимации дает возможность хотя бы отчасти объяснить происхождение тех потребностей, которые называются "эстетическими", не связывая их с таинственной "душой", как это получается у многих наших авторов.

Распространенные еще в начале XX в. даже среди антропологов представления о значительной дифференциации "полового инстинкта" среди различных расовых групп, в частности мнение о большой сексуальной способности

негроидов, проведенными в последние десятилетия исследованиями не подтвердились; имеющиеся различия оказались небольшими и обычно отступающими на задний план перед этнокультурными. Половая жизнь людей с древнейших времен регулируется различными этнокультурными установками, определяющими допустимый возраст начала половых сношений, выбор брачного партнера, форму брака и даже время половых сношений; достаточно сказать о половом воздержании христиан во время постов, а также о том, например, что в сельских местностях Индии традиционные ограничения половых сношений в недавнем прошлом охватывали свыше 100 дней в году; было принято воздерживаться от них в дни молений определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии, а также в II день лунного цикла, при подготовке к религиозным праздникам, в последние месяцы беременности и после рождения ребенка и т.д.

Наряду с "половым инстинктом" имеется и другой, особенно важный в видовом отношении инстинкт, который может быть назван "родительским" инстинктом. Степень удовлетворения этого инстинкта в репродукционный период жизни человека не отражается непосредственно на его здоровье, а потому он может удовлетворяться лишь частично (в однодетных семьях), или удовлетворяться косвенным путем (заботой о каких-то домашних животных), но дальние последствия такого удовлетворения могут оказаться пагубными как для индивидов (из-за отсутствия заботы о них в старости), так и для вида, поставив под угрозу само его существование. Поэтому родительский инстинкт поддерживается на личностном уровне его большей, по сравнению с половым инстинктом, осмысленностью в духовной сфере жизни (в том числе и при ответе на "родовую" вопрою о смысле жизни), а на социальном уровне — бытованием различных этнокультурных установок, осуждающих бездетность и восхваляющих многодетность;

религиозные установки индуизма и ислама особенно приветствуют при этом рождение сыновей. Немаловажное значение для поддержания детопроизводства и отворачивания угрозы депопуляции, возникающей из-за биологически нерационального поведения людей, в странах с низкой рождаемостью имеют различные меры демографической политики.

Оказанное выше относится главным образом к так называемому естественному воспроизводству людей, за которой следует стадия "социализации" детей или социально-культурного воспроизводства. В этом воспроизводстве на первых порах обычно принимают участие лишь родители младенца или (несколько шире - члены его семьи, которые передают ему язык и какие-то элементы культуры, которые были до того усвоены ими самими от родителей и от той социально-культурной общности, в которой они росли, воспитывались и обучались. Когда же дети, подрастая, вступают во все более широкие контакты с окружающими людьми, то социально-культурное влияние на них становится еще более сильным. Эту социально-культурную сторону воспроизводства надлежит особо учитывать в случае воспроизводства этносов с их сложными комплексами материальной и духовной культуры, о чем уже говорилось в предыдущей части данной монографии.

Немаловажной частью адаптации, а тем самым и жизнеобеспечения является психологическая адаптация как к природной, так и к социально-культурной (этнической) среде обитания. Подобно другим видам адаптации она осуществляется с раннего детства и становится все более трудной с годами. Человеку, проведшему свое детство и юность в лесистых горах очень трудно привыкнуть к жизни на полупустынной равнине не только из-за различия климатических условий, но и из-за стойкого чувства психологического дискомфорта при взгляде на "неродную землю", на "чужие окрестности". Не менее трудно прохо-

дит переадаптация к новому социально-культурному окружению, что уже не раз показано на примерах иммигрантов; возникающие при этом болезненные стрессогенные явления принято называть "культурным шоком" ²⁶. Несколько подробнее об этой психологической адаптации речь пойдет далее в главе о проведенных нами этноэкологических исследованиях в республиках Закавказья.

Мне пришлось остановиться здесь на некоторых, обычно опускаемых экологами, да и этнографами, сторонах или компонентах жизнеобеспечения людей как на индивидуальном, так и на социальном (этническом) уровне, чтобы показать объемность самого понятия "жизнеобеспечения". Подводя итоги изложенному, можно определить "жизнеобеспечение", как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ (в данном случае — этнических групп). Основным механизмом внебиологической адаптации является трудовая деятельность и связанные с ней виды материальной культуры (жилище, одежда, пища и др.), посредством которой люди не только приспосабливались со временем в процессе заселения земного шара к той или иной новой природной среде ("экологической нише"), но и преобразовывали в той или иной степени саму эту среду, создавая "культурные ландшафты". Вместе с тем, в систему жизнеобеспечения входят и различные виды или компоненты духовной культуры, среди которых можно выделить группу тех ее видов, которые участвуют в этом жизнеобеспечении непосредственно (опыт традиционного природопользования, народные знания, традиции брачности, детности, воспитания нового поколения и др.) и группу тех ее видов, которые участвуют в этом жизнеобеспечении опосредованно; к последним может быть от-

несено и большинство религиозных установок и правил. Таким образом, широкое понятие "жизнеобеспечения" должно включать в себя не только преобладающие и ведущие рациональные компоненты культуры, но и некоторые иррациональные, но значимые в этом отношении ее элементы, без чего процесс жизнеобеспечения людей действительно может быть уподоблен процессу обеспечения деятельности очень сложной кибернетической системы, а вся история человечества - направленному (и здесь никак не обойтись без телеологии) "отлаживанию" этой системы ее божественным "творцом".

О различных этноэкологических подходах к изучению процесса жизнеобеспечения народов мира и об устанавливаемых при этом закономерностях речь пойдет в следующей главе.

1. См. Реймерс Н.Ф. Основные биологические понятия и термины. М., 1988. С.11.
2. Бунак В.В. Об акклиматизации человеческих рас и сравнительном значении определяющих ее факторах // русск. антрополог. журнал, 1924, т.13. С.45.
3. Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М., 1977. С.4.
4. Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986. С.150.
5. Там же. С.151.
6. Там же. С.154.
7. Там же. С.161.
8. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1984. С.36-37.
9. Культура жизнеобеспечения... Указ. раб. С.57-58.

10. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
11. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.21. С.25-26.
12. Этнография питания народов Зарубежной Азии. М., 1982. С.3.
13. См. Общая психология. Учебное пособие для пединститутов. М., 1970. С.12.
14. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1977. С.81.
15. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981. С.102.
16. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С.89-92.
17. Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник Академии Наук СССР, 1979, № 12. С.95.
18. Реймерс Н.Ф. Новая тенденция в развитии современной культуры // Вестник Академии Наук СССР. 1979, № 12.
19. Mintzberg H.P.A. The direction of business development. Biological and social bases. N-Y., 1955, P.150.
20. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3. С.18-19.
21. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С.241, 453-455.
22. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы современной науки. М., 1969. С.110.
23. Арутюнов С.А. Культурологические исследования... Указ. раб. С.95.

24. Подробнее по этим и другим рассматриваемым далее вопросам детопроизводства см. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
25. См., напр., Юриков Ю.В. Три влечения. М., 1967.
26. См., напр., Furnham A., Bochner S. Cultural Shock. Psychological reactions to infamilial environments, L., N-Y, 1986.

Культура, как основное средство или механизм внебиологической адаптации людей к природной среде их обитания для успешности такой адаптации и обеспечения процесса жизнеобеспечения неизбежно должна приспособляться к специфическим условиям этой среды. Тем самым, культура и прежде всего материальная культура, тесно связанная с хозяйственной деятельностью людей, будучи нацеленной на использование и даже "покорение" природы, оказывается в определенной зависимости от нее. Этнографы (этнологи) уже давно обратили внимание на то, что народы, живущие в сходных природных условиях и стоящие примерно на одном и том же уровне развития, занимаются аналогичными видами хозяйственной деятельности; поэтому у таких народов имеется немало общих элементов материальной, а иногда и отдельных элементов духовной культуры. Однако в советской науке осознание факта существенного влияния природной среды на культуру и быт народов мира (особенно на доклассовой или первобытнообщинной стадии их развития) сильно тормозилось купежом "географического детерминизма" и только к середине 1950-х гг. воплотилось в концептуальную форму "хозяйственно-культурного типа" (ХКТ). По определению, предложенному в то время М.Г.Левиним и Н.Н.Чебоксаровым и сохраняющемуся без особых изменений до сих пор, под ХКТ следует понимать "исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития" ¹.

В своем первоначальном виде концепция ХКТ имела дело с основными видами материальной культуры - одеждой, жи-

лицем, пищей, орудиями труда и т.д., как возникшая позже и кратко рассмотренная в предыдущей главе концепция "культуры жизнеобеспечения" в узком ее понимании. В характеристике ХКТ элементы духовной культуры не фигурируют, связь ХКТ с особенностями духовной культуры тех или иных охватываемых этим типом этнических групп эта концепция не прослеживает, а только дает для этого "базовые" ориентиры.

Следует учесть и еще одно важное обстоятельство, отмеченное позже Н.Н.Чебоксаровым и И.А.Чебоксаровой: "Выделение хозяйственно-культурных типов играет определенную роль при историко-этнографическом изучении народов различных ступеней социально-экономического развития, так как сами типы, являясь историческими категориями, не могут не претерпевать с течением времени существенных изменений. Они могут быть настолько глубокими, что на месте одного хозяйственно-культурного типа зачастую возникает и развивается у тех же самых народов и в той же естественногеографической среде совершенно другой тип... При капитализме хозяйственно-культурные типы предыдущих эпох постепенно разрушаются, видоизменяются и входят (преимущественно в сфере сельского хозяйства) в состав новых зональных экономических и культурно-бытовых комплексов" ². Поэтому синхронный, так сказать, срез существовавших или существующих ХКТ дает одновременно и картину стадий развития тех или иных народов мира.

На приложенной к книге названных соавторов карте "Хозяйственно-культурные типы в XV в.", т.е. до массовой экспансии европейцев в другие части света, выделено три основных группы ХКТ, которые целесообразно признать полностью.

Первая группа (охотники, собиратели и рыболовы):

1 - собиратели и охотники лесов жаркого пояса; 2 - береговые собиратели и рыболовы жаркого пояса; 3 - охот-

ники и собиратели степей и полупустынь; 4 - собиратели и рыболовы умеренно теплого пояса; 5 - рыболовы бассейнов больших рек и морских берегов умеренного пояса; 6 - охотники и рыболовы таежной полосы; 7 - охотники лесотундры и тундры; 8 - арктические охотники на морского зверя. Вторая группа: 9 - ручные (мотыжные) земледельцы жаркого пояса; 10 - ручные земледельцы и скотоводы горной зоны; 11 - мотыжные земледельцы степей и сухих предгорий; 12 - ручные земледельцы лесной зоны умеренного пояса; 13 - пастушеские скотоводы и земледельцы умеренного и холодного пояса; 14 - скотоводы кочевники степей и полупустынь; 15 - высокогорные скотоводы-кочевники; 16 - таежные охотники-оленоводы; 17 - оленоводы тундры. Третья группа (пашенные земледельцы): 18 - пашенные земледельцы засушливой зоны; 19 - пашенные земледельцы влажных тропиков и субтропиков; 20 - пашенные земледельцы лесостепей и лесов умеренного пояса ³.

Приведенный перечень основных "хозяйственно-культурных", а точнее - просто хозяйственных типов, повторяемый с некоторыми вариациями и в других работах или на картах той же тематики ⁴, представляется мало информативным; ведь даже старшекласснику нетрудно догадаться, что в допромышленную эпоху люди, жившие в степях и полупустынях, где есть травоядные животные и охаем, злаковые растения, могли поддерживать свое существование охотой и собирательством. Когда же в один и тот же тип "охотники и собиратели степей и полупустынь" включаются на карте ареалы аборигенов Австралии, бушменов и готтентотов Южной Африки, индейцев южноамериканских пампасов и индейцев североамериканских прерий (охотники на бизонов), т.е. эволюционные группы, которые очень сильно отличаются в хозяйственно-культурном отношении, то "эволюционное подобие" их может лишь

дезориентировать читателя.

Дальнейшие попытки улучшить концепцию ХКТ мало что дали. Показательно, что Б.В.Амдрянов, немало потрудившийся над применением этой концепции в исследовательских целях, в одной из основных статей по этой тематике даже применительно к ХКТ "охотников" добился немногого. Он пишет: "На всей территории первообитной ойкумены вплоть до периода неолитической революции (начавшейся 12-10 тыс. лет назад) медленно развивалась одна ХКТ, или, вернее, группа близкородственных типов: 1) арктические охотники; 2) тундровые и ташкине охотники; 3) горные охотники; 4) степные охотники; 5) охотники степей, саванн и лесов; 6) охотники степей и нагорий; 7) охотники и собиратели пустынь; 8) охотники и собиратели тропических и субтропических лесов и влажных саванн" ⁵. Нетрудно заметить, однако, что предложенная "типологизация" не вполне выдержана в экологическом отношении; малочисленные первообитные коллективы, вероятно, охотились либо в степи, либо в лесу, поэтому выделение, с одной стороны "степных охотников", а с другой - "охотников степей, саванн и лесов" - не очень логично. Есть в ней и другие изъяны; так, В.П.Алексеев, обратив внимание на объединение в одном типе "охоты" столь различных видов хозяйств, как охота на морского зверя в Арктике и охота на крупных животных в центральных районах Африки, резонно задал вопрос об "эвристической ценности" такой "типологизации" ⁶. Если же перейти от типологии хозяйства к типологии культуры, ее познавательная ценность ее будет, очевидно, еще ниже.

Отсутствие в работах последователей концепции ХКТ не только понятия, но и самого термина "жизнеобеспечение", конечно, досадно. Бывает простое приложении к описанию таких важных для этой концепции элементов материальной культуры, как жилища, пища и одес-

да, термин "жизнеобеспечение", как это делают культурологи, особенно не на много продвинуть вперед как саму эту концепцию, так и изучение экологических аспектов жизнеобеспечения. Здесь требуются дополнительные конкретно-методологические разработки, переход от макроуровня к микроуровню исследований. Наиболее значительные в этом отношении продвинулся В.П.Алексеев, который с целью углубления концепции ХКТ развил понятие биогеоценоза, обычно применяемое к популяциям животных, к прилокнутого к популяциям людей понятия "антропогеоценоза". Остановлюсь на этом подробнее.

Под "антропогеоценозом" В.П.Алексеев понимал "связи между хозяйственным коллективом и освоённой им территорией (или, говоря иначе, коллектив в сочетании с эксплуатируемой им территорией) на ранних этапах человеческой истории". Он считал антропогеоценозы "элементарными ячейками, из которых складываются хозяйственно-культурные типы", однако простая сумма соседствующих антропогеоценозов не приводит, по его мнению, к появлению у ХКТ необходимых признаков "системы". Основными компонентами "структуры" антропогеоценозов В.П.Алексеев полагает "хозяйственный коллектив", "производительную деятельность" и "эксплуатируемую территорию", а затем, кратко рассмотрев каждый из них, отметил: "Что получает коллектив от эксплуатируемой территории? В первую очередь пищу. Состав, изменение состава по сезонам, количество пищи, характерные именно для данного антропогеоценоза, можно обозначить как пищевую цепь. Очевидно, пищевая цепь есть одна из функциональных связей микросреды и хозяйственного коллектива. Она зависит от численности коллектива, производительности труда, интенсивности хозяйства и географических характеристик среды, а также, в отдельных случаях, и от состояния других пищевых цепей в границах данного хозяйственно-

культурного типа. Вторая линия связи хозяйственного коллектива и среды осуществляется через получение им материала для построек, одежды, сырья для изготовления орудий труда и оружия. В последнем случае можно говорить и об обменных контактах с другими антропогеоценозами как своего, так и иных хозяйственно-культурных типов, так как природная среда антропогеоценоза не всегда снабжает хозяйственный коллектив всем потребным ему сырьем... Вся совокупность, извлекаемого в процессе производства сырья, полезного для человека, можно обозначить как производственно-хозяйственную цепь внутри данного антропогеоценоза".

Кроме "обменных контактов", обусловленных потребностями в сырье, В.П.Алексеев отмечает и контакты, приводящие к передаче трудового опыта от одного коллектива к другому, и пишет: "Будь то самостоятельные технические достижения, будь то заимствованные - все они в совокупности образуют сумму знаний, в какой-то степени неповторимых, отличающих данный хозяйственный коллектив от всех других. Эту сумму знаний можно назвать информационным полем хозяйственного коллектива". Кроме того, Алексеев выделяет два основных типа антропогеоценозов, относя к первому из них - "хозяйство собирателей и охотников, охотников и рыболовов", а также подсечно-огневое земледелие и кочевое скотоводство, и ко второму типу - хозяйства, основанные на "стойловом содержании скота и развитии земледелия", при которых хозяйственные коллективы "изменяют природную среду и определяют ее динамику, а не подчиняются ей", как это наблюдается в первом типе. Обращаясь к динамике этих двух типов антропогеоценоза во времени, он обосновывает ее тем, что "любой хозяйственный коллектив стремится ко все более полному удовлетворению своих потребностей и, следовательно, заинтересован в интенсификации

своей производственной деятельности" 7.

Философ Э.Г.Один, комментируя изложенное В.П.Алексеевым понятие антропогеоценоза, отметил конкретность и "системность" этого понятия и его преимущества перед понятием ХКТ, которое "достаточно для построения общей схемы эволюционного процесса..., но оказывается слишком скудным, когда речь заходит об анализе процесса функционирования". Вместе с тем, он заметил некоторые недостатки в рассуждениях Алексеева, связанные с тем, что выделение им "структурных компонентов, функций и связей, несет на себе заметный отпечаток произвольности". Один считал, в частности, неточным отнесение производственной деятельности в разряд только структурных компонентов и пишет: "Если... нас интересует динамика антропогеоценоза, то деятельность коллектива лучше, вероятно, рассматривать как функцию, а если мы строим, к примеру, типологию антропогеоценозов, то здесь деятельность окажется, скорее всего, компонентом структуры". Обращая внимание и на "методологические неудобства анализа внутренних связей антропогеоценоза", Один заметил, что "информационное поле, например, едва ли можно непосредственно соотносить с пищевыми цепями"; по его мнению можно интуитивно предположить, что с возрастанием информационного поля должна возрастать и плотность пищевых связей, но такое предположение трудно эмпирически проверить. Понятие "информационного поля" вообще представилось ему очень неопределенным и потому неоперациональным. "Во-первых, — писал он, — сами по себе знания вряд ли правомерно толковать как связи в системе: связи создаются не знаниями как таковыми, а их применением. Во-вторых, представляется маловероятным, чтобы при анализе конкретных антропогеоценозов можно было оперировать такой общей категорией, как "знание", за которым фактически скрывается вся сфера духовной

деятельности; по-видимому, здесь нужен какой-то иной, более определенный параметр... Наконец, с категорией информационного поля трудно работать при анализе реальных антропоисстем, ибо это поле нечем "вспахивать" - т.е. измерять его" ⁸.

Некоторые из сделанных замечаний В.П.Алексеев учел в книге "Становление человечества", где понятие "антропогеоценоза" было расширено и развито в концепцию, отнюдь не уступающую по своей методологической значимости концепции ХКТ, а в методически-исследовательском отношении и превосходящую ее. В частности, он пояснил свое понимание "информационного поля", разделив его на три "уровня": "Первый из них, - пишет он, - этнический уровень, то есть тот запас культурных ценностей, которые входят в этническое самосознание и определяют включение именно в состав данного народа и никакого другого. Второй уровень, видимо, составляют те знания и представления, которые связаны с отношением данного антропогеоценоза с другими антропогеоценозами сходного или, наоборот, противоположного (?) типа, иными словами все то, что входит в сферу обмена и контактов. Наконец, в качестве третьего уровня можно выделить те конкретные знания, которые накоплены в коллективе и которые составляют его узколокальную специфику: определенные агротехнические навыки и наблюдения, полученные в процессе ведения земледельческого хозяйства на данных почвах, навыки пастьбы животных в условиях именно данного ландшафта и выбора лучших пастбищ, знакомство с охотничьими угодьями и т.д., т.е. по возможности полное представление о своем микрорайоне" ⁸. К сожалению, и при таком пояснении понятие "информационного поля" осталось недостаточно операциональным: вряд ли кто возьмется его измерять и моделировать. Не вполне четко выделены и "уровни" этого поля: непонятно, например, к какому

уровня отности знания об орудиях труда, имеющих этническую специфику — к первому или к третьему уровню? Кроме того, антропогеоценозы обычно входят в состав какого-то более широкого этноса, "обмены" могут совершаться внутри этого этноса, а тогда второй уровень почти невозможно отделить от первого и т.п.

Не вполне удалась В.П.Алексееву и попытка более полно показать значение антропогеоценоза как "самостоятельной единицы в сфере географических адаптаций культуры", что особенно близко к тематике этнической экологии. Прежде всего В.П.Алексеев подчеркнул сильную зависимость охотничьих коллективов от богатства или скудности фaуны эксплуатируемой территории. При "кризисах" в животном мире "наступает кризисная ситуация и в хозяйственном коллективе: он либо вымирает (собираательство может восполнить недостаток пищи лишь в слабой степени и на короткий промежуток времени), либо должен перейти к иной системе хозяйства и жизнеобеспечения, либо, наконец, вынужден покинуть эту экологическую нишу и занять новую". Подсечно-огневое земледелие и его другие примитивные виды, как заметил Алексеев, также зависят от природных условий, характеристики которых легко поддаются, как и в случае охоты, количественному учету и позволяют "... легко вывести в условиях конкретного этнографического изучения оптимальный баланс, необходимый для функционирования данного хозяйственного коллектива... Этот баланс предопределяет минимальный лимит урожая (численность коллектива соотносится... не с максимальными, а с минимальными цифрами необходимых запасов пищи) и через него и демографические характеристики хозяйственного коллектива в пределах данного антропогеоценоза" ¹⁰. Далее В.П.Алексеев отметил "отражение ландшафтно-климатической специфики" в конструкции жилищ, в видах одежды и орудий труда, а также в сфере

духовной жизни: в народном искусстве и в фольклоре, основанном на конкретных образах.

Некоторые из этих положений, по моему мнению, также желательно уточнить или доработать, а иногда — просто оговорить. Следует учесть, прежде всего, что антропогеоценоз, в отличие от биогеоценоза, обычно представляет собой не замкнутую, а довольно открытую систему, которая, как неоднократно отметил и сам В.П.Алексеев, существует в контактах с системами других антропогеоценозов. Не он об этом обстоятельстве затем как-бы "забыл", а именно оно сильно затрудняет составление каких-то "балансов" и впрямь — моделирования, основанного только на внутренних характеристиках одного антропогеоценоза. В учете же внешних факторов при этом появляется много произвольного. Это касается даже баланса по "пищевым цепям", не говоря уже о многих других "цепях", которые необходимо учитывать в этнической экологии; далее об этом пойдет речь на конкретном примере такого "баланса". Не вполне понятно также, каким образом на основе продуктового баланса можно исчислить демографические характеристики, ибо один и тот же количественный рост популяции может получиться как при сочетании высокой рождаемости с высокой смертностью, так, например, и низкой рождаемости с низкой смертностью. Кроме того, антропогеоценоз опять таки в отличие от биогеоценоза, характеризуется не только количественным ростом, но и "качественным" развитием, а движущие силы этого развития в концепциях антропогеоценоза даны довольно туманно. Вначале В.П.Алексеев объяснил такое развитие тем, что хозяйственный коллектив сам собой стремится во все более полноту удовлетворения своих потребностей, но не называет никаких иных потребностей кроме пищи и других элементов физического жизнеобеспечения, что мало отличает людей от других видов млеко-

питавших. Затем он предложил балансировать систему антропогенеза не по максимальному или "максимальному" удовлетворению потребностей, а только по "минимальному лимиту", что реально означает постоянно-приведенный режим строгой экосми, который был неизвестен, по-видимому, ни одному из наблюдаемых этнографами народов и который скорее тормозит развитие, нежели способствует ему.

Уместно отметить, что идея о функционировании антропогенеза в режиме удовлетворения пищевых потребностей по "минимальному лимиту" довольно близка к развиваемой демографом А.Г.Вишневским концепции "демографического гомеостаза", согласно которой первобытные люди были своего рода мальтузианцами и стремились сбалансировать свои потребности с возможностями природных условий, прибегая для ограничения своей численности к абортам, детоубийствам, убийству стариков и т.д. II. Полагаю, что действительность была иной: люди на ранних стадиях своего развития не стремились к самоограничению, и даже при сократившемся числе промысловых животных, например, охота обычно нацеливалась не на минимум, а на максимум добычи, в вагонных охотах убивали самок с детенышами и т.п. В теплое время года, когда мясо быстро портилось, за удачной охотой следовало кратковременное пиршество, а затем — снова полуголодное или голодное существование с надеждами на новую удачу. Убийство детей известно преимущественно у малочисленных родоплеменных и бродячих групп, живших в экстремальных условиях (бушмены, австралийцы и др.); на магистральном же пути развития человечества в первобыт-
ные времена плодовитость женщины всячески поощрялась, ибо каждый новый ребенок означал усиление силы и жизнеспособности родоплеменной группы. Возникавшие экологические кризисы, в случае невозможности разрешить их пу-

тем миграций, являлись важным стимулом развития; они побуждали к совершенствованию орудий труда, способов охоты и т.д. В.П.Алексеев отметил возможность такого хода событий, но не придал ему, насколько можно понять, большого значения, а между тем это заслуживает пристального внимания. В дальнейшем речь об этом пойдет более подробно.

Сказанное не умаляет значения концепции антропогеоценоза для этноэкологических исследований, а говорит лишь о необходимости ее доработки до полной, так сказать, операциональной кондиции и о больших трудностях, возникающих на этом пути. В.П.Алексеев предположил, что понятие антропогеоценоза могут использовать и этнографы, но не "экологизации" традиционной этнографии надеяться пока не приходится; сам же Алексеев заметил, что при этнографической характеристике питания, например, авторы обращают основное внимание на способы приготовления продуктов, при характеристике жилища - на его форму, специфику интерьера (в частности - на расположение очага) и другие особенности¹², имеющие значение главным образом в типологическом отношении, а не в плане жизнеобеспечения; впрочем, это уже отмечалось в предыдущей главе.

Одной из немногих и, пожалуй, самой обстоятельной попыткой использовать идеи В.П.Алексеева о возможности балансового анализа пищевых цепей некоторых этнических групп или популяций было исследование И.И.Крупником этой части жизнеобеспечения у арктических охотников на морского зверя - эскимосов и стачи¹³ у тундровых оленеводов - ненцев, обобщенное им в книге "Арктическая этноэкология"¹³. Эта работа, несомненно является заметным шагом вперед в развитии советской этнической экологии; вместе с тем и к сожалению, она наглядно демонстрирует ее пока еще недостаточное теоретическое

обеспечение, приведшее к некоторым погрешностям в постановке задач работы, в методологически неопределенном ограничении этих задач, так и особенно — в переоценке возможностей решения даже таких ограниченных задач на том материале, который оказался в распоряжении автора книги.

Отнюдь не стремясь превратить эту часть данной главы в рецензию¹⁴, должен отметить, что в основу своих теоретических построений И.И.Крупник кладет термин "система жизнеобеспечения", понимаемый как "взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания". От этого термина он переходит к "модели", как "сознательно упрощенному варианту системы жизнеобеспечения или природопользования этноса, субэтнической группы, взятому в строгих временных и пространственных границах для количественного описания или реконструкция". При этом "центральное место" в своей книге автор отводит "обсуждению концепции "равновесных" этносов и природно-социальных (этноэкологических) систем", т.е. концепции саморегулирующегося "гомеостаза"¹⁵. Все это объединяется И.И.Крупником в концепцию "арктической этноэкологии" с явной тенденцией распространить такую концепцию на все этноэкологии.

О том, что "система жизнеобеспечения" не сводится к "производственной деятельности", т.е. хозяйству, тем более — к добыче средств пропитания, чему И.И.Крупник уделяет основное внимание, уже не раз говорилось выше, поэтому сразу же перейду к анализу изложенного им в виде "модели" жизнеобеспечения фактического материала

по азиатским эскимосам. "Основу их жизнеобеспечения, — пишет он, — составляла добыча нескольких видов морских животных: ластоногих — моржа, лактака (морского зайца), мелких тюленей, сивуча; и китообразных — гренландского и серого кита, белухи, горбача. Она активно дополнялась рыболовством, охотой на наземных животных, морских колоннальных птиц, сбором яиц, продуктов моря, съедобных растений. Практически человеком эксплуатировались все доступные пищевые цепи, так что в своей экосистеме эскимосский коллектив выступал как потребитель продукции одновременно с четырех-пяти трофических уровней — от первичной зеленой растительности до высших хищников (белых медведей, хищных тюленей и т.п.)". К этому добавляется, что "эскимосы регулярно выезжали в ближайшие стойбища оленеводов (чукчей — В.К.) для обмена продукцией...", а также говорится о покупке эскимосами муки, сахара и других продуктов ¹⁶.

Выводом И.И.Крупника о "четырёх-пяти трофических уровнях" потребления, уместном, скажем при анализе степных биогенезов (растения — травоядные животные — хищники), здесь можно пренебречь, так как киты и моржи тундровой растительностью не питались, но и без этого видно, что эскимосы поддерживали свое жизнеобеспечение по нескольким пищевым цепям. Автор пытается свести все эти пищевые цепи воедино и дать на 1920, 1937 и 1970 гг. балансы добычи-потребления в килокалориях, но это приводит лишь к тому, что на первый план резко выступает мясо и жир морских животных (главным образом — китов), а на съедобные растения приходится ничтожная часть потребления; отсюда следует, кстати сказать, в некотором пренебрежении и хозяйственной роли женщин, учитываемых автором в разряде "число едоков на взрослого мужчину" ¹⁷. Однако такое упрощенное "моделирование" искажает реальную картину жизнеобеспечения эскимосов.

Конечно, эскимосы за долгие столетия жизни в Арктике хорошо адаптировались физиологически к пище, состоящей главным образом из жирного мяса, и этому обстоятельству, непосредственно относящемуся к "арктической экологии" автору следовало бы уделить должное внимание¹⁸. Тем не менее, сбор съедобных тундровых растений (в том числе ягод), чем занимались преимущественно женщины и дети, имел для их пищевого рациона очень большое значение, так как удовлетворял потребность в витаминах, отсутствующих в жирном мясе и отнюдь не восполняемых его калориями.

Другой и еще более важный недостаток балансовых подсчетов И.И.Крупника по отдельным годам заключается в том, что они предполагают некую более или менее замкнутую антропогеоценозную или экологическую систему, которой в реальности не было. Система жизнеобеспечения эскимосов в отношении пищи (как и в некоторых других отношениях) была открытой со стороны акватории, где добывалась основная масса пищи, причем в миграциях морских животных наблюдались существенные колебания по годам; она была открыта и со стороны обменно-покупных операций, давших на 1970 г. уже почти половину всех потребляемых калорий. Кроме того, среднегодовые цифры продукции в калориях следовало бы подразделить на теплый и холодный сезоны, так как частые летние пиришества не компенсируют зимних голодовок. В общем, для выяснения реальной картины и проблем пищевого обеспечения эскимосов следует еще немало потрудиться.

К сказанному можно добавить, что И.И.Крупник не выполнил свои обещания, относящиеся к анализу "трудовой кооперации, традиций потребления и распределения", да и обсуждение концепции "равновесных" этносов заняло у него лишь побочное, а не "центральное место". Имеющиеся материалы, по его замечанию "... не подтверждают

распространенное представление об эскимосских коллективах как стабильных, жестко лимитированных в своих размерах сообществах, с низкой, искусственно ограничиваемой рождаемостью, нехваткой женщин, нулевым естественным приростом. Для азиатских эскимосов начала XX в. была, напротив, характерна мобильность состава и численности коллективов, высокая рождаемость, способность к быстрому росту" 19. Из этого следует, что кратко рассмотренная мною выше концепция "гомеостаза" не работает и в отношении эскимосов. То же самое относится и к оленеводам тундры, рассмотренным И.И.Крупником менее детально.

Попытки балансового анализа пищевых цепей у некоторых родоплеменных групп (преимущественно у охотников-собирателей) делались и учеными США, но в целом развитие этноэкологических концепций и исследований в американской науке шло иным путем, нежели в СССР. Оно более нацеливалось там на познание связи особенностей культуры с особенностями природной среды, чем у советских авторов, последователей концепции ХКТ, уделяющих основное внимание общей характеристике связи природной среды с хозяйственной деятельностью, расселением и т.д.; уместно отметить, что такой тематикой в США занимаются главным образом специалисты по "культурной географии", хотя разграничить последних с этноэкологами можно, развеется, лишь условно 20.

Исследования в области этнической экологии в США начались, как уже отмечалось выше с работ Дж.Стварда, разработавшего концепцию "культурной экологии"; суть ее сводилась к изучению процессов адаптации общества к окружающей среде, а главной задачей ставилось выяснение того, ведут ли такие процессы к внутренним социальным изменениям, к возникновению в культуре качественно новых явлений. Опираясь на идеи "поссибилизма", утвер-

сдавшего в отличие от географического детерминизма относительную самостоятельность развития культуры, Дж. Стюарт выделил в ней "культурное ядро" и "внеядерные" элементы культуры. В "культурное ядро" он включил институты и явления, относящиеся к социальной, религиозной и политической сферам жизни, которые непосредственно связаны с производством и распределением средств существования, причем главное значение среди них имеет "технологический базис". Этот базис и потребности общества изменяются как в результате собственного исторического развития, так и под этнокультурным влиянием извне, а вместе с ними меняются и конкретные виды адаптации ядра культуры к среде. Элементы культуры, не входящие в "культурное ядро", относительно независимы от "технологического базиса" и могут варьировать в весьма широких пределах; именно эти элементы, по существу не адаптирующиеся к условиям окружающей среды, придают культурам народов, живущим в сходных природных условиях, их специфические, уникальные черты ²¹. Таким образом, концепция "культурной экологии" представляет для исследования особенностей культуры отдельных народов больший простор, чем концепция ХКТ, появившаяся примерно в то же время.

Немаловажное значение имеет положение Дж. Стюарта о том, что наличие ресурсов окружающей среды для каждой культуры определяется не просто фактом физического существования на данной территории ее носителей, но и спецификой данной культуры, ее "технологического базиса", суммой производственных знаний и навыков этих людей. Это положение было подкреплено ранее выдвинутой Л. Уайтом "энергетической теорией эволюции культуры", согласно которой на каждой стадии прогрессивного развития общества не только возрастает объем используемой им энергии, но и меняется источник ее получения (мускуль-

ная сила человека - сила домашних животных - энергия воды и ветра - энергия ископаемого топлива, а впоследствии и атомная ²². Трактуя прогрессивное развитие отдельных культур как процесс их освобождения от диктата природы, некоторые последователи Л. Уайта предлагали оценивать достигнутый обществом уровень адаптации по характеру взаимоотношенности энергетической системы и социальной организации, делающей возможным эксплуатацию такой энергосистемы. Однако проступающая здесь идея освобождения общества от "диктата" среды, как будет показано далее, вызывает серьезные возражения.

Вторая основная концепция или школа в американской этноэкологии получила название "экосистемной этнографии". Она сформировалась к концу 1960-х гг. главным образом благодаря работам Э. Вайды и Р. Раппопорта и опиралась на широкое использование методики биологических и географических дисциплин, особенно - на популяционную экологию; основным объектом исследования при этом считаются человеческие популяции, включенные в экосистемы, а главной задачей - раскрытие и объяснение действия тех культурных механизмов, которые постоянно поддерживают изучаемую экосистему в состоянии гомеостаза ²³. Применительно к доиндустриальному обществу Р. Раппопорт предложил пространственно ограничивать экосистемы пределами освоенной популяциями территории и в экосистемах подобного рода признавал доминирование обратных связей, не позволяющих им выйти из более или менее равновесного состояния. Состояние человеческих популяций в экосистемах определяется, согласно его взглядам, в основном характером пищевых связей, через которые осуществляется вещественно-энергетический обмен ее звеньев ²⁴. К положительным качествам этой школы этнической экологии относится восстановление ее внимания к человеку, к популяциям людей, отодвинутого на задний план школой "куль-

турной экологии".

Насколько можно понять, основные идеи "экосистемной этнографии" были использованы В.П.Алексеевым при разработке концепции "антропогеоценоза", а позже использованы И.И.Крупником в его конкретном исследовании по арктической этноэкологии. Следует отметить, однако, что основатели "экосистемной этнографии" смотрели на этноэкологическую проблематику значительно шире, чем их последователи. Так, Р.Рапппорт указывал на необходимость подразделения окружающей среды на "реальную" и "воспринимаемую" или когнитивную, существующую в представлениях людей, образующих тот или иной этнический коллектив или популяцию; "воспринимаемая" или воображаемая среда может включать, например, реально несуществующих "духов", оказывающих, якобы, влияние на здоровье людей, а механизмы культурной адаптации - различные религиозные ритуалы и обряды, с помощью которых тот или иной коллектив регулирует свои отношения с окружающей средой²⁵. В этом отношении он смыкается с идеями Г.Конклина, который еще в середине 1950-х гг. предложил учитывать в "этноэкологии" не столько реальные общественные явления в их взаимосвязи с окружающей средой, сколько представления и знания о них у людей, образующих изучаемый этнический коллектив или популяцию, а также особенности лексического выражения таких представлений²⁶. Такой подход, основанный на учете восприятия окружающей среды и взаимоотношений с нею самими живущими в ней людьми, значительно обогащает этноэкологические исследования, особенно - в части сбора и классификации полученной информации, но в своих крайних проявлениях он может привести к субъективно-идеалистическим выводам.

Примерно с середины 1970-х гг. в США начала формироваться еще одна школа этнической экологии, получившая

название "процессуальной экоэтнографии". Представители этой школы, по существу отклонившиеся от "экосистемной этнографии", отказались от господствовавшего там мнения о том, что процессы адаптации действуют на надорганизменном уровне, т.е. проявляются в отношении всей популяции, как биологическо-социальной (по отношению к людям) целостности. Уже из названия "процессуальной экоэтнографии" следует, что основное внимание в ней уделяется процессам изменений во взаимосвязях общества и окружающей среды; последователи ее выясняют роль демографических и социально-исторических факторов этих взаимосвязей, а также пути возникновения общественных институтов как средств и результатов адаптации к среде. При этом реальное поведение людей и принятие ими поведенческих решений исследуются на индивидуальном уровне; признается, что культурно обусловленные цели и установки группы разделяются отнюдь не всеми людьми, входящими в эту группу. Таким образом, в отличие от "экосистемной этнографии", "процессуальная экоэтнография" переносит акцент с популяционных моделей на модели поведения индивидов, а затем и уже на этой основе — на поведение отдельных социальных групп, популяций и этнических коллективов²⁷. К сожалению, мне не удалось познакомиться с какими-то крупными работами сторонников этой школы как теоретического, так и практического плана, поэтому ее кажущиеся достоинства остаются без должной проверки.

Из сказанного ясно, что до последнего времени сектор творческих поисков в американской этнической экологии был значительно шире, а методика таких поисков — более разнообразной, чем в советской сформировавшейся этнической экологии. Более того, получалось так, что некоторые американские школы или отдельные концепции отвергались, так сказать, с порога, как недостаточно, якобы, научные²⁸, а какие-то воспринимались, но в существенно

упрощенном виде, так что применение их в практике этноэкологических исследований давало ограниченные, не во всем эффективные результаты. Основное внимание уделялось изучению адаптационных процессов или "систем жизнеобеспечения" в сфере хозяйства и отчасти материальной культуры, в первую очередь - "пищевых цепей", что же касается тех частей или разделов этнической экологии, которые связаны с духовной культурой и психологией, то они оставались в небрежении. Исключением явились по-существу лишь комплексные этноэкологические исследования, проведенные в Закавказье вначале по изучению факторов группового (популяционного) долголетия, а затем - по изучению всех сторон адаптации групп старожильческого русского населения. Эти исследования имели более практическую, нежели теоретическую направленность, а потому рассматриваются мною далее в специальной главе. В организации таких исследований с участием этнографов, антропологов, медиков, генетиков, географов, демографов и психологов, а также в сведении воедино полученных результатов лежали идеи, которые образуют своего рода теоретический каркас направления, могущего быть названным, как мне представляется, "комплексной этноэкологией" /см. далее гл.7/.

1. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // Сов. этнография. М., 1956, № 5..
2. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культура. М., 1971, С.170.
3. Карта дана в кн. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Указ. раб., С.172-173; составители: Чадаев А.А., Чеснов Я.В. с участием авторов.

4. См. напр., Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985, карта: "Хозяйственно-культурные типы мира (конец XIX - начало XX в.)".
5. Андрианов Б.В. К методологии исторического исследования взаимодействия общества и природы. - В кн.: Общество и природа. М., 1981. С.256.
6. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С.353.
7. Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа, 1975, № 7.
8. Юдин Э.Г. Системные идеи в этнографии // Природа, 1975, № 7.
9. Алексеев В.П. Становление человечества. Указ. раб. С.370-371.
10. Там же. С.374-375.
11. Вишневский А.Г. Демографическая революция. Указ. раб. С.24-29; его же. Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С.52-58.
12. Алексеев В.П. Становление человечества. Указ. раб. С.368.
13. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.
14. Такая рецензия дана мною в журнале "Сов. этнография". 1990, № 3.
15. Крупник И.И. Указ. раб. С.15, 17-18.
16. Там же. С.39.
17. Там же. Табл. 4, 7, 10, 11.
18. См. Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986. С.137-145.
19. Крупник И.И. Указ. раб. С.51.
20. Подробнее см.: Ковлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология. - В кн.: Этнология в США и Канаде. М., 1989.

21. Steward J.H. Theory of culture change... In.cit.
22. White L. Energy and the evolution of culture // American Anthropologist, 1943, vol. 45, #5.
23. Rappoport R.A., Vayda A.R. Ecology: cultural and noncultural // Introduction to cultural anthropology, Boston, 1968, P. 488-492.
24. Rappoport R.A. Some suggestion concerning concept and method in ecological anthropology // Contributions to anthropology, Boston, 1969, P.187.
25. Rappoport R.A. Ecology meaning and religion, Berkeley, 1979, P.41.
26. Conklin H.C. An ethnoecological approach to shifting agriculture // Transaction of the New-York Academy of Sciences, 1954, vol.17, P.p.135-142..
27. См. Орлов B.S. Ecological Anthropology // Annual Review of Anthropology, 1980, vol. 9.
28. См., напр., Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии, М., 1979, С. 233-239, 242-253.

Глава 5. СВЯЗИ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ С МЕДИЦИНСКОЙ ГЕОГРАФИЕЙ И ДРУГИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

Вся жизнь и деятельность людей проходит в определенной природной и социальной среде, оказывающей на эту жизнь и деятельность то или иное влияние. Поэтому экология человека, нацеленная на изучение взаимосвязей и взаимовлияний человека и среды его обитания является почти "супернаукой" и закладывает своего рода методологические основы для многих других наук, выступающих как "дочерние" ответвления экологии человека или имеющих с ней зоны перекрытия. Особо важное место среди них занимает география как в виде физической географии, изучающей закономерности пространственных взаимоотношений явлений "неживой" природы (климатология, геоморфология и др.) и живой природы (география растений, география животных и др.), так и в виде социально-экономической географии (география населения, география промышленности, география сельского хозяйства и др.). В предыдущих главах говорилось главным образом о естественной среде обитания людей, но в следующей главе, посвященной историческим аспектам этнической экологии речь пойдет и о все возрастающем значении "искусственной" или антропогенной среды.

В экологии человека и в этнической экологии имеется и еще один очень важный аспект или компонента, которой ранее не было уделено должного внимания. Речь идет о неблагоприятном влиянии среды на организм человека, приводящему к нарушению его деятельности, т.е. к болезни, могущей привести к преждевременной смерти человека и даже к прекращению жизнедеятельности всей популяции. Собственно говоря, основной целью кратко рассмотренных выше процессов биологической и хозяйственно-культурной

адаптации является не только удовлетворение жизненно важных потребностей человека, но и предотвращение или ослабление болезней, могущих возникнуть в результате неблагоприятного воздействия на него средовых факторов. Частично повторяя сказанное выше о биологической адаптации, отмечу, что темная кожа негроидов является защитным средством от вредного влияния ультрафиолетовой части солнечных лучей; рак кожи, сильно распространенный в тропических странах, поражает, как правило, светлокожих людей, в первую очередь европейцев. Известно также, что отношение веса тела к его поверхности у народов тропических областей заметно меньше, чем у народов умеренного пояса, что обеспечивает лучшую терморегуляцию жителей тропиков; этому же способствуют и некоторые особенности в строении дыхательных путей (широкие носовые отверстия у негроидов и т.п.). Установлено, что наиболее высокорослые люди в Африке и Азии живут в сухих внутренних районах, занятых степями и полупустынями; небольшой рост жителей влажных тропических лесов (особенно — пигмеев), вероятно, связан также с терморегуляцией организма и т.п.¹

Организм человека биологически адаптируется и к другим климатическим, в том числе температурным особенностям среды обитания. Житель приполярных районов — эскимос может получить перегрев организма и солнечный удар при температуре, которая покажется жителю южной Индии — тамилу — довольно прохладной, в свою очередь тамил может легко получить воспаление легких там, где эскимос не подхватит и легкого насморка. При резких изменениях условий обитания, при переселении в другую климатическую область земного шара организму человека приходится переадаптироваться. Такой процесс акклиматизации редко проходит безболезненно; обычно он ведет к ослаблению жизнедеятельности организма и подготавливает почву для

заболеваний. Так, негры, завезенные из Африки в США, и через несколько поколений, хотя и несколько изменили свой генофонд, по характеру заболеваний продолжают существенно отличаться от европейского по происхождению населения; ограничиваясь лишь одним примером, замечу, что те особенности дыхательных путей, которые в жарком климате облегчали неграм терморегуляцию организма (в частности широкие носовые отверстия), в умеренном климате стали причиной более частых болезней органов дыхания. В свою очередь европейцы, переселившиеся в тропики, страдают там от перегрева организма ².

Данная глава посвящена главным образом рассмотрению связей этнической экологии с медицинской географией, а также с этнической географией, этнической демографией и некоторыми другими дисциплинами. Собственно говоря, медицинская география, как таковая, связана с этнической экологией лишь через этническую географию, с которой целесообразно и начать.

О взаимоотношениях этнографии с географией (прежде всего с физической географией) уже не раз говорилось в предыдущих главах при характеристике взаимоотношений общества и природы, однако с этого, так сказать, высшего уровня теперь надлежит перейти на уровень этнической географии, как особой научной дисциплины, сформировавшейся главным образом в 1960-х гг. на стыке этнографии и географии. Основными задачами этнографии ^{гео} "является изучение географического размещения народов (этнических общностей), изучение особенностей их расселения и территориального взаимоотношения с другими народами в тесной связи с социально-экономическими, политическими, природными и другими факторами; при этом учитываются характер расселения (например, оседлое и кочевое), формы и типы поселений, степень освоения территории и картина плотности населения, характер и степень территори-

ального смешения в сельской местности и в городах, а также различные количественные показатели... Особенности расселения народов и их численности изучаются этногеографами в историческом развитии и изменении; при этом она кооперируется также с исторической географией и исторической или этнической демографией" ³.

Важнейшим понятием этнической географии является "этническая территория"; этим термином обозначается основной ареал расселения того или иного народа, а также его территориально отделенные компактные группы, способные к этническому самовоспроизводству. Подавляющее большинство этносов, населяющих земной шар, живут сравнительно компактно в течение многих столетий в той или иной области, характеризующейся определенными природными условиями; именно с такими территориями ("родной землей") связаны важнейшие этапы этнической истории, исторические судьбы народов, хозяйственно-культурная специфика этносов и их воспроизводство, т.е. все то, что определяет уникальность групп людей, входящих в эти этносы, в их взаимосвязях с природой, своеобразное влияние средовых факторов на заболеваемость и смертность населения.

К сожалению, начавшиеся в 1960-х гг. исследования по этногеографии, не получили большого размаха, особенно в части исторических аспектов этногеографии, и свелись в основном к этническому картографированию современного расселения народов различных стран и всего мира. Поэтому в дальнейшем мне придется ограничиться главным образом сведениями о географическом местонахождении тех или иных этносов (т.е. этнических территорий), к которым относится фактический экологический материал или сведения по медицинской географии.

Медицинская география представляет собой научную дисциплину (нередко ее называют даже наукой), изучающую

влияние географически определенных особенностей среды на здоровье человека и распространение болезней. В составе медицинской географии выделяются два основных раздела. Первый из них образует географическая патология, задачей которой является изучение географического распространения и течения болезней непаразитарной природы, обусловленных климатическими особенностями территории (температурой, влажностью и т.п.), ее геохимическими особенностями, отражающимися в химическом составе почвы, воды и пищи, а также в ее радиоактивности и т.п. Второй из них образует эпидемиологическая география, изучающая географическое распространение инфекционных и инвазионных болезней; она исследует как новояреалы (районы распространения болезней), так и ареалы возбудителей болезней, т.е. районы, в пределах которых наблюдается непрерывное существование возбудителей болезней и их носителей (животных, птиц, насекомых и пр.).

Географическая патология учитывает неблагоприятное влияние природной среды на здоровье человека в связи с биологическими (физиологическими и др.) параметрами его существования как особого биологического вида. Установлено, например, что человек не может постоянно жить на высоте более 5 км над уровнем моря из-за "горной болезни", к которой он биологически не адаптируется⁵; не может он существовать и в ледовых районах при постоянно минусовых температурах и т.п.; но в подобных условиях, впрочем, не могут существовать и те растения или животные, которые могли бы составить основу его питания. Конечно, отдельные группы людей могут жить и в очень неблагоприятных условиях, искусственно оградив себя от их влияния, как это делают, например, зимовщики в Антарктиде, однако независимое развитие популяций в таких условиях в принципе столь же трудно, как и изображаемая некоторыми фантастами жизнь поселенцев на Марсе

или других планетах. Неблагоприятное влияние той или иной природной среды на жизнь людей отразилось в существующей и поныне незаселенности или очень слабой заселенности обширных областей земного шара, к числу которых относятся не только упомянутые высокогорные и приполярные районы, но и значительная часть тундры и тайги, полупустынь и пустынь, заболоченных тропических лесов и т.п.

Болезни непаразитарного типа, связанные с климатическими и другими географическими особенностями среды обитания могут быть подразделены на внебиологические или абиотические, вроде уже упомянутой горной болезни, и биотические, обусловленные особенностями флоры и фауны данного региона. По теме о влиянии климатических и погодных особенностей той или иной местности на здоровье людей имеется обширная литература, в том числе и с практическими рекомендациями по оптимизации жилища, одежды и т.п., к которой можно отослать читателя; упомяну здесь только такие абиотические болезни как солнечный и тепловой удар, снежная слепота, обмороживание, неблагоприятное влияние электромагнитных и гравитационных полей, нарушение биоритмов в связи с резким изменением погодных условий и т.п. ⁶. К абиотическим относятся и болезни, связанные с особенностями геохимической среды, особенно заметно проявляющиеся в сельской местности, где люди употребляют воду, не прошедшую специальную обработку, и питаются пищей, выращенной на местных почвах. Достаточно показательны в этой связи нарушения обмена веществ и образование эндемического зоба из-за недостатка йода в питьевой воде и пище, что особенно распространено в гористых местностях, например, в Италии, Закавказье, на Памире и т.д. Установлено, что недостаток фтора ведет к кариесу зубов, а его избыток - к флюорозу, избыток цинка повышает случаи артероскле-

роза, хрома — развитие сахарного диабета и т.п.⁷.

Имеются местности с повышенной радиоактивностью почвы (особенно о. Ниуэ в Океании), причем радиация оказывает свое действие как непосредственно, так и через пищу, приводя к различным аномалиям⁸.

К биотическим непаразитарным болезням относятся различные виды тяжелой аллергии (от аллергичной флоры) и отравления ядовитыми растениями, рыбами и животными, употребленными в пищу, а также ранения, болезни и смерти, вызванные нападениями диких животных, хищных рыб и ядовитых змей. До сих пор в мире ежегодно регистрируются сотни тысяч случаев укусов людей змеями, из них десятки тысяч — со смертельным исходом; большинство летальных случаев приходится на тропические страны, где медицинская помощь развита слабо и, кроме того, распространены особо опасные змеи, против яда которых нет достаточно действенной лечебной сыворотки. В эту подгруппу с некоторой условностью обычно относят и бешенство, передаваемое человеку от домашних и диких животных: собак, кошек, лисиц, шакалов и др. Эта болезнь распространена не повсеместно; в некоторых островных государствах (Великобритания, Новая Зеландия, Гавайи и др.) благодаря строгим карантинным мерам для ввозимых животных уже давно нет случаев бешенства. Напротив, в ряде развивающихся стран оно до сих пор представляет серьезную проблему; в Индии, например, ежегодно от бешенства еще недавно вакцинировались сотни тысяч людей⁹.

Особое место среди непаразитарных болезней занимают различные заболевания (сердечно-сосудистые, нервные и др.), обусловленные преимущественно нездоровым образом жизни или вредными привычками, например, употреблением алкоголя или наркотиков — от сравнительно слабых до очень сильных. В распространении таких болезней обнаруживаются некоторые регионально-зональные различия,

связанные с географией распространения наркотических растений, но они обычно отступают на второй план перед культурно-бытовыми установками на употребление тех или иных безвредных веществ. Сюда же относятся и большинство видов рака, часть которых тесно коррелирована с химическим составом воды и пищи (например, рак желудка - с повышенным содержанием цинка, меди и свинца), а основная часть - с длительным воздействием других канцерогенных веществ, в том числе и обусловленных традиционным питанием. Так, распространение рака желудка в Исландии объясняется частым употреблением в пищу копченой рыбы, среди казахов и некоторых других кочевых в недавнем прошлом народов - употреблением очень горячего чая и жареного мяса, в Турции - горячих блюд с острыми специями и т.д.¹⁰.

В издаваемом в СССР реферативном журнале "Медицинская география", к которому можно адресовать всех желающих основательно познакомиться с современным состоянием этой научной дисциплины, имеется особый раздел "Социально-бытовые и производственные условия и здоровье населения", в котором освещаются работы о неблагоприятном влиянии современных видов производства: загрязнение воздуха, земли и воды различными вредными отходами (в том числе и радиоактивными) промышленности, а также широкого применения в сельском хозяйстве препаратов ДДТ и пестицидов против насекомых, азотистых удобрений (нитратов) и т.д. Все это вызывает различные заболевания, в том числе раковые и генетические, в распространении которых, на первый взгляд, трудно установить какие-то четкие этногеографические закономерности. Однако в тех регионах, где та или иная монокультура сохраняется в течение многих десятилетий (например, хлопчатник в республиках Средней Азии), картина заболеваемости и смертности среди живущих там этнических

групп оказывается весьма специфической, что и должно учитываться этноэкологами.

Среди паразитарных болезней, широко распространенных и оказывавших во многих случаях определяющее влияние на уровень смертности тех или иных этнических групп, выделяется группа болезней, имеющих глобальные нозареалы: грипп, корь, оспа и др. Возбудители большинства таких болезней относятся к числу антропонозов, т.е. распространенных исключительно в человеке, причем такая биологическая дивья их произошла в исторические периоды, когда были уже сформированы важнейшие в эпидемиологическом отношении черты современного общества: относительно высокая плотность населения и частые бытовые контакты людей, миграции на далекие расстояния и т.п. Вследствие приспособления возбудителей болезней к самому человеку их эндемические очаги сохраняются довольно стойко, а эпидемии и тем более пандемии, охватывающие несколько континентов, в целом слабо зависят от природных условий, хотя в ряде случаев те могут облегчить или затормозить их распространение. Часть глобальных нозареалов (красный риккетоз, эхинскок и др.) относятся к зоонозам, связанным с инфекциями и инвазиями домашних и сельскохозяйственных животных; в прошлом такие болезни обычно были географически, а нередко и этнически локализованы, поэтому их глобальные нозареалы возникли путем распространения соответствующих животных людьми, бравших их с собой в места новых поселений.

Основная масса паразитарных болезней имеет зонально-локальное распространение, связанное прямо или косвенно с определенными климатическими и ландшафтными зонами земного шара. Эта связь нередко отражается в самом названии болезней, например, в выделяемой группе "тропические болезни" и т.п. Зональность таких болез-

ней обусловлена, как правило, границами распространения самих возбудителей болезней, а также - носителей и передатчиков этих болезней: животных, птиц, рыб и насекомых. Характерными примерами таких болезней могут служить сонная болезнь (африканский трипанозомоз) и малярия. Область распространения первой определяется ареалом распространения ее передатчика - мухи це-це (*Glossina*), который простирается почти по всей тропической Африке за исключением ее северо-восточных горных районов и Мадагаскара, главным образом во влажных долинах рек. Поражая не только людей, но и домашний скот, эта болезнь в течение веков тормозила рост численности населения во всем ареале своего распространения.

Что же касается малярии, то она определена в территориальном отношении границами распространения малярийного комара (*Anopheles*), типичными биотопами (местами обитания) личинок которого являются мелководные, хорошо освещаемые водоемы с густой погруженной растительностью, богатым планктоном и кислородом - обычно прибрежные участки озер и равнинных рек с пологими берегами. Малярийных комаров нет на высотах свыше 1,5 км, поэтому горные районы, как правило, свободны от малярии. В прошлые столетия малярия имела очень широкое распространение и охватывала большинство стран с теплым климатом. В России она была распространена на Кавказе (особенно в причерноморских и прикаспийских районах, в Средней Азии и в Поволжье; средняя ежегодная заболеваемость ею в конце XIX в. составляла более 5 млн. человек; в некоторых районах на нее приходилось более трети всех смертей населения ^{II}). До недавнего времени малярией в активной и скрытой фазе было поражено около 2 млрд. человек, главным образом в тропических и субтропических странах Азии и Африки, где она ежегодно уносит миллионы жизней.

Многие заразные болезни передаются насекомыми, живущими в шерсти животных (преимущественно грызунов) или в их норах; к ним относятся чума, туляремия, кожный лейшманиоз, клещевой энцефалит и др. Поэтому эндемические очаги таких болезней приурочены к ареалам обитания видов соответствующих грызунов. Так, эндемические очаги чумы — одной из самых страшных болезней, наводившей в прошлом ужас на многие народы мира, — расположены в зоне сухих степей и полупустынь, где водятся основные носители возбудителя этой болезни: сурки и песчанки в Евразии и Африке, луговые собачки и хомяки в Америке; широкому же распространению чумы способствовали главным образом крысы. Клещевой энцефалит распространен в лесной, главным образом в таежной зоне Евразии, где водятся передатчики его микробов — так называемые исходные клещи — и их носители (белки, зайцы и другие пушные звери).

Обитая в течение многих столетий и даже тысячелетий в эндемических ареалах распространения инфекционных болезней, люди в той или иной степени биологически приспособлялись к таким болезням, у них вырабатывался более или менее стойкий иммунитет или другие защитные свойства организма. Достаточно показательным в этом отношении является тот факт, что в регионах южной и восточной Азии, где в прошлом свирепствовала чума (Китай, Индия и др. страны) теперь имеется очень мало людей с группой крови "O", более подверженных этой болезни, и преобладают люди с группой крови "B", оказывающей ей сопротивление¹². Защитные реакции организма людей против некоторых болезней в силу эндогамности этносов могли приобретать этнический аспект, т.е. одни народы оказывались более стойкими к ним, другие — менее. Занесение в те или иные области земного шара "новых" для их коренных жителей болезней нередко имело истинные катастрофические последствия. Так, резкое сокращение чис-

ленности индейцев Америки, а также коренного населения Австралии и некоторых островов Океании в начальный период европейской экспансии объясняется не столько прямым истреблением местных жителей колонизаторами, сколько их вымиранием от занесенных европейцами болезней. Корь, бывшая в Европе сравнительно легким заболеванием, опустошала в Америке и на крупных островах Океании обширные районы; эпидемический характер приняли там также оспа, желтая лихорадка и другие болезни. Характерно, что в странах Азии и Африки, куда также устремились европейцы, этого не наблюдалось; народы этих стран, вероятно, в результате давних исторических контактов с Европой, имели иммунитет, сходный с жителями Европы ¹³.

Прогрессивное развитие человечества, утверждение его власти над многими природными факторами привели, особенно в XIX столетии, к изменению сложившейся ранее эпидемиологической географии, к сокращению ареалов распространения многих болезней. Все еще высокая смертность большинства народов тропических стран, например, обусловлена прежде всего социально-экономическими, а не природными факторами; подъем экономики и культуры, развитие медицины и здравоохранения в этих странах со временем могут сделать многие из них самыми здоровыми в мире. Однако недоучет медико-географических факторов может также приводить к весьма печальным последствиям. Так, создание больших водохранилищ в ряде районов тропической Африки привело к значительному изменению экологических условий жизни людей и способствовало, в частности распространению ряда болезней, передаваемых через водные личинки и моллюски, например, мочевого пузыря. Возникновение на окраине крупных городов развивающихся стран многочисленных трущоб с плохой водопроводной сетью, пользование которой ведет к утечке воды, приводит к образованию новых мест выноса комаров и распространению

лихорадки денге ¹⁴. При неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях жизни негативное влияние на здоровье людей может оказать даже рост их численности, приводящий к распространению болезней, передаваемых в результате прямых контактов и через насекомых или гельминтов.

Кратко рассмотренное содержание медицинской географии показывает те самые тесные связи с экологией человека. Предпринимались попытки сформировать из медико-географических субдисциплин даже особую "экологическую географию болезней" ¹⁵, но они не получили поддержки, так как "неэкологическими" являются по-существу лишь генетические болезни и последствия естественного старения организма; впрочем, и те протекают в определенной среде, а потому "экологическая география болезней" в основном совпадает с "медицинской географией". В обзоре медицинской географии не раз говорилось о том, что распространение некоторых болезней те ли вследствие их природной локализации, совпадающей в той или иной степени с этническими территориями, те ли в силу каких-то других причин может иметь этнический аспект, что и устанавливает связь медицинской географии с этнической экологией. Однако такая связь затрагивает и некоторые другие сюжеты этнической экологии, соединяющие ее с проблематикой заболеваемости и смертности.

Изложенный в предыдущих главах материал, полагаю, уже не раз приводил читателей к заключению об уникальности каждого этноса, что обусловлено не только уникальностью входящих в него индивидов, но и спецификой их хозяйства и культуры на определенной и уникальной по своим природным условиям территории их расселения. Поэтому можно говорить и об уникальности этносов в отношении картин их типичных заболеваний. Даже не будучи специалистом-медиком, нетрудно представить, что живущий в тропическом климате яванский крестьянин-рисовод, работающий на

полузаоупленных полях, удобряемых главным образом фекалиями, и обходящийся минимум одежды, в которой могли бы гнездиться платяные вши — передатчики сыпного и возвратного тифа, по видам своих болезней существенно отличается от верблюдоводов туарегов, кочующих в юдопустынных областях Северной Африки, от жителей лесной зоны умеренного пояса балерусских земладельцев и, например, от эскимосов и чуччей — арктических охотников на морского зверя. Свообразной картиной заболеваний отличались еще в недавнем прошлом некоторые островные этносы, в том числе живущие на Мадагаскаре мальгаша, японцы, исландцы и др., но развитие морского и авиационного транспорта в XX столетии стало сглаживать эти особенности, хотя еще не устранило их полностью; на Мадагаскаре, например, до недавнего времени не было мухи це-це и связанной с нею сонной болезнью, почти нет обезьян и связанной с ними желтой лихорадки, мало грызунов и связанной с ними туляремии и т.д. 16

Однако выше речь шла главным образом о болезнетворном воздействии естественной и антропогенной среды (включая и живущих в этой среде микробов и вирусов) на людей, не редко — об ответной реакции людей на такое влияние. Говорилось, правда, об адаптивной роли культуры, прежде всего — материальной культуры (жилище, одежда и пр.), с помощью которых человек создавал микроклиматические условия, близкие к условиям формирования самого биологического вида *Homo sapiens* и тем предохранял себя, например, от простудных заболеваний, но ничего не говорилось о целенаправленной деятельности против явных болезней; именно о такой деятельности, объединяемой в советской науке понятием "народной медицины", а в зарубежной — "медицинской этнографии" или "этнографической медицине", и пойдет речь.

"Народная медицина" (точнее, вероляго, называть ее

"донаучной") - обширная область знаний и традиционных средств, накопленных тем или иным этносом за длительный период его существования в определенной среде и нацеленных на предотвращение или лечение различных заболеваний. В советской этнографии "народная медицина", как и другие "народные" знания (этноботаника, этнозоология и пр.) обычно рассматривалась как "предмет этнографии" ¹⁷. Но такое расширение границ и задач этнографической науки представляется неправомерным, так как изучение "народной медицины" в этом случае сводится к поверхностным наблюдениям и заключениям по использованию тех или иных приемов и средств без их необходимой существенной оценки. Это приводит к включению в "народную медицину" не только более или менее рациональных средств, но и всего так называемого "знахарства" с многочисленными вредными для здоровья средствами и приемами лечения, вроде попыток белорусских знахарей изгонять из тела больного маярию с помощью особо противных рвотных средств (кошачья кровь, фекалии и пр.) или сильного испуга больного ¹⁸. Именно такие средства и приемы в прошлом надолго отвратили квалифицированных медиков от всей "народной медицины".

По моему мнению, "народную медицину" следует рассматривать как пограничную дисциплину между этнографией и медициной, требующую от ее исследователей как этнографических, так и медицинских знаний. Позицию зарубежных ученых установить довольно трудно, так как только американские авторы пользуются несколькими терминами, не всегда четко определяя их смысл: "медицинская антропология" (что ближе, вероятно, к "медицинской этнографии"), "антропология медицины" ("этнография медицины"), "этно-медицина" и др. В США издается журнал "Медицинская антропология" и имеется научное "Общество Медицинской Антропологии", в которое входят также комитеты, как "Ан-

тропология и эпидемиология", "Коммунальная медицина", "Медицинское образование", "Уход за больными", "Педиатрия", "Планирование семьи" и "Традиционные медицинские системы"; таким образом оно охватывает этнографические (социально-культурные) аспекты медицины и медицинские аспекты этнографии ¹⁹. Количество работ по этой тематике только в США и только за последнее десятилетие исчисляется многими десятками ²⁰.

В задачу данной главы не входит рассмотрение всех компонентов или аспектов "народной" или "этнографической" медицины ²¹, поэтому отмечу лишь большое внимание, уделяемое в последнее время традиционным приемам лечения болезней, применяемых в странах восточной цивилизации ("китайская медицина", "тибетская медицина", "индийская медицина" и др.) ²², а также более распространенному там использованию локального воздействия сильных биополей, присущих некоторым людям ("экотрасенсы", "хилеры" и т.п.). Особо следует отметить повышенное внимание к использованию психологического воздействия на больного, практиковавшегося еще в доклассовом обществе (особенно в практике шаманства); такое воздействие, как теперь уже признано и научной медициной, не только оказывает терапевтический эффект на заболевания собственно нервной системы и психики и не только создает комфортный "фон" для лечения заболеваний, приписываемых действию каких-то "злых сил" или наказанию за какие-то "прогрешения" перед богом, но и способно оказывать позитивное воздействие на различного рода заболевания непаразитарной природы, на заживление ран и рассасывание рубцов от ран и т.п. В доклассовом и раннеклассовом обществе методы таких лечений имели этнокультурные аспекты.

Необходимость учета этноэкологами психологических аспектов здоровья и психологических методов лечения оказывается целесообразным при изучении процессов биологи-

ческой адаптации к новой среде обитания, в частности процессов акклиматизации. Проведенные исследования по изучению факторов приживаемости переселенцев из средней полосы европейской части СССР в экстремальных по своим природным условиям районах Сибири и Дальнего Востока показали, что к успешной адаптации способны лишь люди определенного психологического типа, который имеет генетическую природу и по-существу может быть лишь отчасти изменен, скажем установками на материальную заинтересованность. Выше уже отмечалось, что переселенцы в новую среду, сильно отличающуюся в социально-культурно-бытовом отношении испытывают воздействия упомянутого "культурного шока" ²⁴, преодолеваемого в какой-то степени лишь со временем. К этой этноэкологической тематике мне придется еще вернуться при характеристике адаптации русских поселенцев в Закавказье.

Еще одна важная, соседствующая с этнической экологией дисциплина (или - субдисциплина) - это этнография питания или этнографическая диетология. Значение ее определяется тем обстоятельством, что именно питание обеспечивает основной энергетический обмен организма человека с природой, основу биологического существования индивидов. Литература по различным аспектам питания - поистине огромна, причем значительная часть ее имеет непосредственное отношение как к медицинской географии, так и к экологии человека; уместно отметить, что в реферативных журналах "Медицинская география" и "Экология человека" есть специальные подразделы о питании. И это вполне понятно, так как основные компоненты питания - растительного или животного происхождения - имеют географо-зональное распространение, и только в XX в. и только в экономически развитых странах мира, куда поступает много продуктовых товаров извне, эти пищевые экологические связи были в той или иной степени

нарушены. Зональное распространение имеют и болезни, связанные с теми или иными нарушениями питания, а также с паразитарными болезнями, распространяемыми через пищеварительный тракт.

Для тематики данной главы имеет большое значение то обстоятельство, что многие аспекты питания имеют не только медико-экологические, но и социально-культурные аспекты. Они четко проступают в том, что народы, живущие примерно в одних и тех же природных условиях, а то и по соседству, могут использовать различные пищевые компоненты вследствие давних традиций, пищевых запретов или ограничений; таково, например, уже упомянутое табу на употребление свинины у мусульманских народов: коренные жители Индонезии, принявшие ислам, обходят стороной харчевни; для многочисленных переселенцев из Китая, где есть много блюд из свинины. Традиционные ограничения, например, для беременных женщин или в связи с религиозными постами также имеют этническую окраску. Многие этнические особенности питания обусловлены особыми способами приготовления тех или иных блюд (варение, жарение, солнение, квашение и т.п.), их температурой при употреблении (холодные, теплые, горячие), применением тех или иных специй, числом и временем суток трапез, а также их различиями по составу пищи, по размерам порций и т.д.

В зарубежной научной литературе этнографии питания давно уделяется много внимания как с точки зрения культурно-исторической, нацеленной на происхождение традиционных систем питания (китайской, арабской, французской и др.)²⁴, так и при анализе различных этнических особенностей заболеваний. Среди последних следует еще раз особо отметить различные виды рака на различных участках пищеварительного тракта, вызванных частым употреблением канцерогенных компонентов пищи. У живу-

щих на Гавайских островах японцев чаще бывает рак желудка, связанный с употреблением очень горячей пищи и чая, у живущих там же филиппинцев — рак прямой кишки, связанный с употреблением жирной пищи и т.п. ²⁵. Именно поэтому в США антропология (этнография) питания нередко включается не в этническую экологию, а в "медицинскую антропологию" ²⁶.

В советской этнографической науке питание долгое время характеризовалось главным образом в описательном плане как один из важных компонентов материальной культуры; С.А.Токарев обратил внимание на социальную роль питания, подчеркнув в связи с этим его обрядово-ритуальные и иные формализованные стороны, нацеленные на объединение людей в какие-то группы; ²⁷ вместе с тем, встречались заявления, что этнографы не должны, якобы, интересоваться калорийностью пищи и другими ее количественными и качественными характеристиками ²⁸. Предложенная В.П.Алексеевым и кратко рассмотренная выше концепция "антропогеоценноза" содержала указания на целесообразность анализа баланса пищевых цепей, но она имела более антропо-биологический, нежели этнокультурный характер. Возможно поэтому по существу первая в советской этнографической литературе попытка И.И.Крупника использовать баланс пищевых цепей для показа особенностей жизнеобеспечения некоторых групп арктических охотников на морского зверя и тундровых оленеводов, свелась к упрощенному анализу добычи и употребления пищевых продуктов только по килокалориям, без учета качественного состава рациона и сбалансированности пищевых веществ, с выделением белков, жиров, углеводов, витаминов и минеральных солей ²⁹. Это тем более досадно, что в зарубежной науке более основательные работы по той же тематике уже имелись, а в недавнее время появились и в СССР ³⁰.

Завершая по необходимости краткий и не вполне полный

обзор научных дисциплин и субдисциплин, с которыми соседствует и взаимодействует этническая экология (некоторые ее субдисциплины, например, этноботаника и этнозоология, были мною лишь названы), следует сказать об этнической демографии. Эта дисциплина, находящаяся на стыке этнографии с демографией, характеризуется тем, что ее главным объектом исследования являются народы (этнические группы), а центральной задачей — изучение особенностей их естественного воспроизводства методами демографического анализа с учетом прежде всего этнокультурных факторов. Основными составляющими процесса воспроизводства являются рождаемость и смертность, разница между показателями которых дает показатель естественного прироста (или — убыли) населения, определяющего (наряду с этническими процессами) динамику численности того или иного этноса ³¹. Выше, рассматривая отчасти процесс воспроизводства этносов, мне уже приходилось касаться некоторых этнодемографических вопросов, но в данной главе целесообразно остановиться на тех аспектах рождаемости и смертности, которые подвержены воздействию средовых факторов.

Наибольшее отношение к этнической экологии имеют этнические особенности заболеваемости и смертности, обусловленные либо биологическими и географическими факторами, либо собственно этническими (культурно-бытовыми) факторами, о чем уже не раз говорилось выше. При изучении рождаемости, составляющей основу естественного воспроизводства населения, в том числе и людей, составляющих тот или иной этнос, учет этнических (культурно-бытовых) факторов и религиозных установок, поддерживающих, например, традиции многодетности или подавляющих их, имеет еще большее значение; роль же географо-экологических факторов выступает гораздо слабее и труднее поддается анализу. Отмечу в связи с этим, что распрост-

раненное еще в недавнем прошлом представление о существовании каких-то зонально-географических различий между этническими и расовыми группами по возрасту наступления половой зрелости, по плодовитости и даже по сексуальным способностям, оказались довольно поверхностными. Большинство таких биологических по своей основе различий между народами умеренного и жаркого пояса, между европеоидцами и негроидцами — очень невелико и уступает различиям между сельскими и городскими жителями одной и той же этнической или расовой принадлежности. И хотя городская среда в сущности также является экологическим фактором³², она с трудом вписывается в картину этно-экологических закономерностей зонально-географического типа.

Несколько особое место занимает эколого-демографическая проблема связанная с закономерностями регулирования режима естественного воспроизводства в определенных средовых условиях. Уместно отметить, что в общей экологии численность особей определенного биологического вида в той или иной популяции является одной из важнейших ее характеристик. При этом численность популяции определяется в первую очередь ее способностью к размножению, обусловленной с одной стороны биологическими параметрами воспроизводства (в животном мире — необходимыми балансом полов в популяции, продолжительностью беременности, числом рождаемых за один раз детенышей и т.п.), с другой — возможностями достижения детенышами возраста половой зрелости в данных средовых условиях. Однако она чаще всего берется не столько в абсолютных размерах, сколько в отношении к используемой этой популяцией "территории", т.е. в виде показателя экологической плотности. Так, один из зарубежных экологов П.Фарб пишет: "Плотность популяции порой претерпевает значительные колебания, однако в этих колебаниях есть верхний и ниж-

ний пределы, определяемые потоком энергии в сообществе, ограничениями накладываемыми климатическими и географическими факторами, местом, занимаемым данным видом в общей экономике сообщества, и, наконец, характером и скоростью метаболизма, свойственного данным организмом. Коротче говоря, конкуренция, хищничество и другие стабилизирующие факторы все время ограничивают популяцию и не дают ей превзойти определенную максимальную численность³³. Природная регуляция численности популяции имеет одностороннее действие, т.е. активно ограничивает лишь рост популяции сверх какого-то "оптимума". К этому следует добавить и действие стрессовых факторов, возникающих при сильной перенаселенности и приводящих к подавлению полового инстинкта.

В экологии человека биологические по своей сути регуляторы роста численности популяций проявляются в своеобразном и чаще всего скрытом виде. В развивавшейся европейской науке долгое время сохранялось мнение, что таких естественных регуляторов вообще нет и что основные факторы сокращения населения — голод, эпидемические болезни и войны — обусловлены действием сверхъестественных сил, гневом Бога. Первым, кто попытался вскрыть объективные закономерности динамики численности населения, был Т. Мальтус; по выдвинутой им концепции, людям свойственно размножаться в геометрической прогрессии, в то время как сельскохозяйственно производство растет, якобы, лишь в арифметической прогрессии, причем дополнительные вложения в производство дают все меньший эффект; все это, по мысли Т. Мальтуса, приводит к тому, что за столом Природы не хватает мест для всех рождающихся людей³⁴.

Концепция Т. Мальтуса имела немаловажный социальный смысл, так как служила для объяснения низкого уровня благосостояния трудящихся масс их "неразумно быстрым"

размножением; вместе с тем, в ней имелись и верные заключения, использованные, как известно Ч.Дарвином при разработке концепции внутривидовой борьбы за существование; некоторые ее положения используются до сих пор "неомальтузианцами", обеспокоенными явлениями "демографического взрыва" в некоторых регионах мира. Но это — тема для специальной работы; здесь же целесообразно отметить, что с этой концепцией в какой-то степени воспользовались сторонники концепции эколого-демографического "гомеостаза". Первые ее положения были выдвинуты еще в начале 1920-х гг. А.Карр-Саундерсом при анализе демографии традиционных обществ в виде "оптимальной плотности"³⁵, позже его последователи использовали понятие "оптимального населения", приблизив концепцию "гомеостаза" человеческих коллективов к понятиям общей экологии. В советской демографической литературе эта концепция, как уже отмечалось, нашла наиболее четкое отражение в работах А.Г.Вишневого, утверждавшего, что в первобытном обществе существовало экологическое равновесие, которое требовало "демографического равновесия" и поэтому "социально-культурный механизм приводил рост численности населения в соответствие с границами, которые предписывала природа..."; основными средствами достижения "демографического гомеостаза", по А.Г.Вишневскому, являлись установки на ограничение половых связей, аборты и детоубийства³⁶. Более подробный критический анализ такой концепции будет дан в следующей главе.

Во взаимоотношениях этнической экологии с этнической демографией несколько особое место занимает и проблема использования основных показателей естественного воспроизводства, а также каких-то других демографических показателей, прежде всего — данных о средней продолжительности жизни и о явлениях группового (популяционного) долголетия в качестве критериев для оценки успеш-

ности жизнеобеспечения этнических групп или - успешности адаптации их к среде обитания. В общей экологии успешность адаптации к среде той или иной популяции определяется главным образом режимом ее воспроизводства, прежде всего - способностью быстрого (соответственно биологическим параметрам) возрастанием размеров этой популяции до оптимального уровня и выше, а также быстрого восстановления такой численности в случае ее снижения по тем или иным причинам. Для этнических групп и вообще для популяций людей показатель воспроизводства в данном отношении явно недостаточен; тот факт, например, что естественный прирост населения в развивающихся странах мира вот уже несколько десятилетий намного выше, чем в экономически развитых странах, еще не означает, что система жизнеобеспечения в первых значительно лучше. Более подходят для использования в качестве критериев успешности адаптации такой критерий, как структура заболеваемости и смертности (с выделением эндогенных и экзогенных причин), а также показатель долгожительства, уже опробованные нами в ходе этноэкологических исследований в Закавказье (см. далее гл.7). Завершая же данную главу, отмечу еще раз, что естественное воспроизводство у различных этнических групп имеет те или иные особенности, обусловленные в большей или меньшей степени особенностями среды их обитания, и что это устанавливает необходимость всестороннего анализа связей между этнической экологией и этнической демографией.

- I. См. Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека, МГУ, 1986, гл. III и др.; см. также: Никитских J. и Kudon P. Climate and the weight of their relationship in sub-saharian Africa // Annual Human Biology, 1975, #1.

2. Henshen F. The history and the geography of diseases, N-У., 1966, P. 16.
3. Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978. С.9-10.
4. Шошин А.А. Основы медицинской географии. Зап. Геогр. об-ва СССР, нов. сер., т.22. М., 1962.
5. См. Биология жителей высокогорья. М., 1981.
6. См. Ассман Д., Чувствительность человека к погоде. Л., 1961; Вопросы прикладной климатологии. Л., 1960; Климат и человек. Вопросы географии. Сб. 89. М., 1972; Воронин Н.М. Основы медицинской и биологической климатологии. М., 1981 и др.
7. Анцын А.П., Жаворонков А.А., Строчков Л.С. Принципы классификации заболеваний биогеохимической природы // Архив патологии, 1983, 45, № 9;
 Dissaneuyave G.B. Environmental geochemistry and its impact on human, The Hague, 1984, P. 65-97.
8. Adams I.A. Lowder W.M. The natural radiation environment, Chicago, 1984.
9. Kaplan M.M. Epidemiology of rabies // Nature, 1969, №179; Joshi D.D. Role of lesser developed nations in rabies research // Rev. Infect. Diseases, 1988, 10.
10. См., напр., Basu T.K., Dickerson J.W., Williams D.S., Interrelationships of Nutrition and cancer /// Ecological Food and Nutrition, 1973, # 3.
11. Кассирский И.А., Плотников Н.Н. Болезни жарких стран. М., 1959. С.76-78.
12. Эфраймсон В.П. Взаимные в медицинскую генетику. М., 1968. С.105, 170.

13. Подробнее см.: Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969. С.186-194 и др.
14. Bang J.H., Shah N.K. Human ecology related to urban mosquito-borne diseases // Journ. Community Diseases, 1988, #1.
15. Лебедев Л.Д., Райх Е.Л. Экологическая география болезней (теория и методы), в сб. "Проблемы медицинской географии". М., 1973.
16. Brugos E.R. Pathologie humaine et milieu a Madagascar // Archive Inst. Pasteur Madagascar, 1972, vol.41, #1.
17. Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Сов. этнография, 1976, № 5.
18. См.: Мицько Л.И. Знахарство, Минск, 1971. С.84-85.
19. Lieban R.W. The Field of Medical Anthropology. Culture, Disease and Healing: Studies in Medical Anthropology, N-1, 1977.
20. См. напр.: McElroy G., Townsend P.K. Medical Anthropology in Ecological Perspective, Baltimore, 1979; The Anthropology of Medicine. From Culture to Method, S.Hadley, 1983; Medical Anthropology. Cross cultural study, vol.3, #3, 1985.
21. Частично это рассмотрено в кн. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
22. См. напр.: Umschuld P.U. Medicine in China: A History of Ideas, A history of Pharmaceuticals, Berkley 1985; Van Straten N.H. Concept of Health, Disease and Vitality in Traditional Chinese Society, Wiesbaden, 1983; Ohnuki-Tierney E. Illness and Culture in Contemporary Japan: An Anthropological View, Cambridge, 1984, etc.

- См. также: Материалы по изучению источников традиционной системы индо-тибетской медицины. Новосибирск, 1982 и др.
23. Furnham A., Bocher S. Culture shock. Psychological reactions to unfamiliar environments, L., 1986.
  24. См. напр.: Tannabill R. Food in History, Penquin, 1988.
  25. Willatt W.O., Mac-Maho B. Diet and cancer - an overview // New English Journ. of Medicine, 1984, #Ю-II.
  26. Foster G., Andersen B. Medical Anthropology, Chapt.15. Anthropology and Nutrition, N-Y., 1978.
  27. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Сов. этнография, 1970, № 4.
  28. См. Этнография питания народов зарубежной Азии, М., 1982, С.3.
  29. Крушники И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989, гл. 2-3.
  30. Bang H.O., Dyerberg J. The composition of the Eskimo food in North-Western Greenland // American Journ. of Clinical Nutrition, 1980, #12;
Волгарев М.Н., Левачев М.М., Бондарев Г.И. Состояние питания некоторых групп населения Дальнего Востока и Крайнего Севера // Вестник АМН СССР, 1989, № 9.
  31. См.: Козлов В.И. Этническая демография. М., 1982, гл. I.
  32. Дубова Н.А. Антропологические аспекты урбанизации // Сов. этнография, 1989, № 6.
  33. Фарб П. Популярная экология. М., 1971. С.142.
  34. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения, т. I-2. СПб., 1895.
  35. Carr-Saunders A.M. The population problems. A study of Human evolution, Oxford, 1922, P. 200.
  36. Вишне夫斯基 А.Г. Демографическая революция. М., 1976. С.25-26.

Рассмотренные в предыдущих главах теоретико-методологические основы этнической экологии создают необходимые условия для перехода к краткому обзору развития этноэкологических процессов во времени с выделением как некоторых общих закономерностей, характерных для генерального пути прогресса большинства народов мира в их взаимодействии с природной средой обитания, так и специфики развития отдельных этнических групп, прежде всего тех, которые оказались в неблагоприятных и даже экстремальных условиях для их жизни, в связи с чем их развитие шло медленно, прогресс нередко сменялся регрессом и т.п. Как уже практиковалось мною выше,

такой исторический экскурс целесообразно начать со времени появления на Земле человека современного биологического вида "*Homo sapiens*" ("человек разумный"), что произошло 40-50 тыс. лет тому назад.

Существуют две гипотезы происхождения человека современного вида: моноцентрическая, согласно которой он возник на базе общавшихся друг с другом близкородственных популяций гоминид в довольно обширном регионе Ближнего Востока, и полицентрическая, по которой он возник в более отдаленных и более различавшихся независимых популяциях гоминид, обитавших в Африке, Европе, Восточной и Юго-Восточной Азии. По моему мнению полицентрическая гипотеза, позволяющая более просто объяснить происхождение основных человеческих рас (европеоидной, негроидной, монголоидной и австралоидной), содержит слишком много биолого-генетических неясностей и проблем. Впрочем, по обеим этим гипотезам основные ареалы антропогенеза располагались в зоне субтропиков и тропиков, к природным условиям которых люди были изначально адаптированы, поэтому для анализа исторических аспектов

этноэкологического развития, различия между этими гипотезами не имеют важного значения.

Установлено, что человек современного вида вышел на историческую арену как существо, уже умеющее не только пользоваться каменными орудиями, но и изготавливать их, умеющее не только пользоваться огнем, но и добывать его, а также как существо с какими-то формами начальной социальной (родовой) организации¹. Первобытные мужчины занимались главным образом охотой, а в благоприятных для этого местах — рыболовством, в то время как женщины и дети — собирательством съедобных растений, личинок и т.п. Охотники-собиратели адаптировались в своей деятельности к условиям окружающей среды. Вместе с тем, они были частью тех же природных экосистем, как и жившие в них животные, и находились в полной зависимости от продуктивности флоры и фауны, которую они могли использовать. Используемые виды дикой флоры и фауны были довольно разнообразны, но люди не могли осуществить контроль за их естественным возобновлением, а лишь могли, подобно животным, расширять свой охотничье-собирательский ареал в случае недостаточной добычи и сужать его, когда добычи было много. В условиях стабильного погодного режима в тропиках и сравнительно небольших его колебаний в субтропиках, где первые группы сапиентов могли обходиться без одежды и стационарных жилищ, люди вряд ли страдали и от нехватки пищи; при сезонных колебаниях, они могли переходить из одного биоценоза в другой. Этнографы, изучавшие жизнеобеспечение групп бушменов и австралийцев, живущих в довольно скудной по своим биологическим ресурсам среде, установили, что на добычу пищи путем охоты и собирательства у них уходило лишь 3-4 часа в день;² в более благоприятной среде для этого требовалось еще меньше времени. Постепенное совершенствование орудий охоты — от палки, топора и копья — к

копьеметалке и луку со стрелами, способных поразить дичь на более далеком расстоянии, а также к духовой трубе с отравленными стрелами и такому оружию как бумеранг, возвращающемуся после броска обратно к охотнику, — делало охоту еще более производительной. Очень надежным методом жизнеобеспечения в некоторых районах было и рыболовство.

Основные этапы истории взаимодействия первобытных людей с природой, т.е. экологической истории, были обусловлены, с одной стороны, ростом их численности и расширением ареала (или ареалов) их начального обитания, процессом заселения людьми всех более или менее пригодных для жизни пространств суши, с другой — процессом развития орудий и других средств их трудовой деятельности по жизнеобеспечению, особенно же — переходом от присваивающего типа хозяйства (охота, собирательство, рыболовство) к производящему типу хозяйства (земледелие, скотоводство) и совершенствованием последнего. Такой переход, получивший название "неолитической революции" начался 7-8 тыс. лет до н.э., когда почти вся эйкумена уже была заселена. Поэтому есть резон охарактеризовать вначале весь предшествовавший этому период "палеолита" и "мезолита" с его миграционными и экологическими проблемами.

Известно, что биологические способности человека адаптироваться к новым природным условиям, существенно отличающимся от природных условий в субтропических районах его происхождения, — довольно ограничены и только развитие культуры, в первую очередь материальной, как основного средства небиологической адаптации, позволило ему осваивать регионы земного шара, удаленные от тропиков и субтропиков, в том числе и области с экстремальными условиями. Возникает однако вопрос, а что же именно заставляло группы первобытных людей оставлять знако-

мне используемые ими районы и переселяться в соседние малоизвестные, или отправляться в неизвестную даль, обходя на своем пути непроходимые горы, болота и пустыни, переплываться через крупные реки и т.п. Особенно впечатляющим в этом отношении является история заселения Северной и Южной Америки, которые, как известно, не были прародиной сапиентов. Исходя из моноцентрической гипотезы происхождения человека получается, что менее чем за 5-10 тыс. лет люди добрались от Ближнего Востока до прибрежных областей Восточной Азии и оттуда двинулись на север - до Чукотки - и через нее на Аляску, чтобы начать оттуда длинный и длительный путь на юг - до Огненной Земли, с Тихоокеанского побережья - на Атлантическое и с открытых пространств - в глубины таежных и экваториальных лесов ранее не заселенных континентов ³.

Изображение первобытных переселенцев какими-то отважными землепроходцами, любознательными открывателями новых земель, как иногда получалось даже у серьезных авторов ⁴, является данью романтике и ¹⁴²вполне соответствует действительности. Конечно, в жизни первобытных людей важную роль могли играть и абсурдные мотивы извещения, связанные, по Б.Ф.Поршневу, с феноменом суггестии, т.е. полного подчинения, например, словам жреца ⁵. Однако чаще всего небольшие родоплеменные группы первобытных охотников, собирателей и рыболовов двигались через огромные препятствия в неизвестную и уже потому страшную даль лишь под воздействием каких-то мощных реальных факторов, угрожавших их существованию на старом месте. Одним из них мог быть страх перед возможным нападением сильных и жестоких соседей. Воинские столкновения в первобытно-общинную эпоху случались, вероятно, довольно часто из-за похищения женщин, нарушения охотничьих границ, обмановка соседей в результате, при-

ведшем к смерти оородича и т.п., но можно предположить, что столкновения по малоземным причинам тем или иным способом обычно улаживались, и только борьба за средства существования приводила к волевым действиям на истребление, в результате которых в живых обычно оставались лишь женщины и младенцы побежденного племени ⁶.

Вторым мощным фактором миграций, отчасти связанным с первым, была угроза вымирания первобытного коллектива от голода вследствие узколокального или более широкого регионального экологического кризиса. Такой кризис мог быть обусловлен как сокращением ресурсов биоценоза (или биоценозов), которыми обеспечивалась жизнь этого коллектива, либо сильным увеличением численности коллектива при невозможности дальнейшего расширения границ используемой экологической ниши. Рассмотрим оба эти фактора.

Естественное оскудение природных ресурсов могло быть вызвано каким-то стихийным бедствием (извержением вулкана, наводнением и т.п.) или существенным изменением климата, хотя последнее применительно к тропикам и субтропикам представить довольно трудно. Оно могло быть вызвано и нарушением естественных балансов в биоценозе, вызванном, например, внедрением в него откуда-то извне группы сильных хищников — своего рода врагов-соперников первобытных охотников, а также изменением прежних путей миграций копытных и т.д. Другая возможная причина этого — неразумное хищническое потребление тех видов фауны и флоры, которые составляли основу пищевого жизнеобеспечения первобытных коллективов. Такая экофобная деятельность вряд ли имела место в глубинах тропических лесов, но была вполне возможна на их окраинах и в ландшафтах саванного или лесостепного типа, где биологических ресурсов было меньше, результаты собирательства — менее стабильны, а результаты охоты на круп-

ных копытных — более случайны. Это вызывало необходимость устройства, например, массовых загонных охот, в которых гибло много животных, в том числе самки с детенышами, причем в теплом климате мясо быстро портилось и за двумя-тремя днями пиршества вновь следовали голодные дни. О масштабах загонной охоты первобытных людей свидетельствует обнаруженная археологами стоянка первобытных охотников на диких лошадях (около 20 тыс. лет тому назад) у селения Солотре (Франция), где полуго поднимающаяся равнина заканчивается скалистым обрывом; судя по всему, стада лошадей подгонялись к этому обрыву, и задние, тесня передних, обрасывали их вниз на камни; по обширной массе костей подсчитано, что добычей сравнительно небольшой группы охотников стало более 100 тыс. лошадей ⁷. Существуют достаточно обоснованные предположения, что многие виды животных, обитавших во время деятельности палеолитических и мезолитических охотников, например, такие крупные травоядные Северной Америки как верблюд, гигантский бизон, олень с ветвистыми рогами и др., исчезли лишь потому, что были полностью истреблены человеком.

Большой вред флоре и фауне того времени наносили пожары, устраиваемые первобытными людьми намеренно, например, при больших загонных охотах, или возникавшие по неосторожности. Такую сторону человеческой деятельности, вероятно, имел в виду Ф.Энгельс, который выделял наряду с целенаправленной полезной практикой, непредвиденные и в конечном счете вредные для их жизни действия, подчеркнув, что "победы" над природой имеют оборотную сторону, вызывая вначале желаемые, а затем "непредвиденные" негативные последствия, которые часто превосходят значение первых" ⁸. Систематические обширные пожары приводили к существенной смене растительности — влажные тропические и более сухие субтропические леса за-

мещались кустарниковыми порослями, саваннами и степями с соответствующим изменением всех структурных элементов биоценозов. Некоторые авторы считают, что африканские саванны имеют пирогенное происхождение; то же самое относится к значительной части ландшафтов Австралии и особенно Тасмании, что, возможно, в немалой степени затормозило развитие обитавших здесь первобытных коллективов⁹.

Что же касается экологической роли фактора численности первобытных людей, то относительно ее имеется две основные гипотезы. Согласно первой эта роль была мала, так как люди эпохи палеолита были своего рода "мальтузианцами" и достаточно сознательно регулировали свою численность, приводя ее в соответствие с природными ресурсами. Выше отмечалось, что такую гипотезу особенно активно популяризирует демограф А.Г.Вишневский, который пишет, что в любой биологической популяции, в том числе и среди людей, существуют естественные механизмы, поддерживающие равновесие между процессом размножения и средой обитания и приводящие к состоянию "демографического гомеостаза". "Человечество, - по его словам, - начинает свой исторический путь в условиях исходного экологического равновесия, унаследованного им от прошлого" и поддерживает это равновесие "либо такими грубыми, но эффективными мерами, как аборт, детоубийство или пожизненное вдовство, либо посредством различных табу, запрещавших половые сношения в определенное время года. Стихийные бедствия, вредители и болезни брали у людей свою дань, но в целом узаконенное детоубийство, аборты и табу всегда давали древнему человеку способ регулировать рост популяции"¹⁰. По другой гипотезе, представляющейся мне несравненно более обоснованной, уже на самых ранних стадиях развития первобытного общества основные демографические установки были нацелены на поддержание возможно большей плодови-

тости и достижение большей численности первобытных коллективов, нарушающей "демографический гомеостаз".

Насколько можно понять, сторонники гипотезы первобытного мальтузианства основывают свои рассуждения преимущественно на этнографических сведениях о жини некоторых примитивных обществ, оказавшихся из-за неблагоприятных природных условий существования в состоянии длительной стагнации, прежде всего - на сведениях о бушменах и австралийцах-аборигенах, поддерживающих свое жизнеобеспечение в небольших бродячих группах охотников-собирателей, которые передвигались в пределах полупустынной территории. В таких условиях существования, разумеется, женщине трудно заботиться одновременно более чем об одном младенце, и пока тот не станет самостоятельно ходить последующие новорожденные (возможно до 50 % от общего числа родившихся) оставались без присмотра и погибали. Что же касается абортов, как средства ограничения детопроизводства, то у таких этнических групп они не были распространены; да и табу на половые сношения известны главным образом у более развитых обществ, причем имеют у них скорее сакральные, нежели экономико-демографические основания. Такие случаи никак нельзя изображать как общий закон демографического поведения в первобытном обществе. .

Основываясь на исследованиях демографического поведения более широкого круга родоплеменных обществ и на рассуждения большинства авторов, обращавшихся к этим аспектам жизни первобытных людей, можно заключить, что людям, как и другим животным, свойственна сильная тенденция к размножению и увеличению численности и что в условиях высокой смертности, почти непреодолимой в ту эпоху, должны были быть выработаны в противовес ей установки расширенного воспроизводства, а не ограничения числа детей. К таким установкам относятся ранние браки и по существу универсальный охват всех женщин

детородного возраста брачно-половыми отношениями (в том числе и путем допущения полигамии), а также почетный статус многодетных матерей (особенно при матрилинейном счете родства). В районах с природными условиями сравнительно благоприятными для жизнеобеспечения, бродячая жизнь быстро уступала место полуседлой с более или менее длительными стоянками и даже оседлой (имеется в виду главным образом жизнь в пещерах), при которой входящие в коллектив женщины могли оказывать посильную помощь соплеменнице с детьми, а в случае ее гибели принимать на себя заботу о младенце ^{II}. Сапиентам изначально было присуще сильное чувство коллективизма и взаимопомощи, особенно в своей родовой группе, и именно это обстоятельство определяло генеральную линию развития человечества. Следует сказать, наконец, и о том, что при стремлении к "демографическому гомеостазу" наши далекие предки так и не выбрались бы из ареала своего происхождения, не заселили бы территорию земного шара.

Разумеется, численность первобытных людей в течение многих тысячелетий увеличивалась крайне медленно; по имеющимся оценкам, к началу мезолита (15 тыс. лет назад) на земном шаре было лишь несколько миллионов человек ¹², что во много раз превосходило начальное число сапиентов (измерявшееся, вероятно, лишь несколькими десятками или сотнями человек), но означало лишь тысячные доли ⁹ среднегодового прироста. При таких темпах прироста для утверждения о том, что фактор роста численности первобытных коллективов играл существенную роль в развитии миграций того времени, не было бы оснований, если бы не сильная этнотерриториальная дифференциация прироста. Одни первобытные коллективы, попав в неблагоприятные условия существования, уменьшались в численности и даже полностью вымирали, другие — в благоприятных условиях жизни — быстро умножались в численности, и именно они то

и создавали тот эффект демографического давления, который в совокупности с другими факторами, побуждал людей либо к переселениям, либо к изменению прежнего способа жизнеобеспечения.

Адаптация первобытных людей, переселившихся из субтропической зоны в зону с умеренным климатом, которому присуща сравнительно низкая среднегодовая температура и значительные колебания погоды по сезонам, проходила, как можно себе представить, с немалыми трудностями. Особенно сложной, несомненно, была адаптация к условиям зимнего сезона, когда часть промысловых животных могла откочевать или залечь в спячку, а собирательство становилось очень затруднительным из-за низких температур и снегопадов. Зимние голодовки людей в таких условиях были, вероятно, хроническими и нередко приводили к повышению уровня смертности и снижению темпов прироста населения. Поэтому можно предполагать, что зона умеренного климата в первобытнообщинную эпоху оставалась слабо заселенной; впрочем, сравнительно слабо заселена она была и в раннеклассовых формациях, а приполярная зона остается таковой до сих пор. Вместе с тем, как ни парадоксально, но переселение части первобытных людей в зону с умеренным климатом, где они для своего жизнеобеспечения должны были больше трудиться и быть более изобретательными, например в изготовлении одежды путем сшивания отдельных кусков шкур, в создании запасов пищи на зиму путем вяления, копчения или сушки и т.п., создавало благоприятные потенции для их дальнейшего прогресса по сравнению с тропическим поясом, где "слишком расточительная природа ведет человека, как ребенка, на помочах. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью" ¹³. Однако для реализации таких потенций в то время еще не было должных условий.

Переход от присваивающего типа хозяйства к производящему произошел вначале в отдельных местах субтропи-

ческого пояса, судя по находкам археологов, в некоторых областях Малой Азии, входившей в регион предполагаемого происхождения сациентов или соседствующий с ним; В.А.Шнирельман, обстоятельно рассмотревший этот вопрос, выделяет внутри этого региона шесть объединившихся позже микроочагов производящего хозяйства: восточно-средиземноморский, северс-сибирский, юго-восточноанатолийский, южно-анатолийский, загросский и закавказский ¹⁴. Такой переход не был случайный и во всяком случае не вполне объясняется, как это получалось у некоторых популяризаторов науки, привязанностью детей к неубитым детенышам животных, о которых они играли на стойбищах, и наблюдениями женщин за прорастанием случайно оброненных зерен возле стойбищ. Он требовал нескольких условий или предпосылок. Первый из таких предпосылок является сравнительно высокий уровень развития орудий труда, знаний и социально-нравственных норм, что было достигнуто в период мезолита. Известно, что в случаях, когда переход к земледелию начинался в раннепервобытных общинах, его становление требовало нескольких тысячелетий (например, в горах Мезоамерики он шел от 8-7 тыс. до н.э. до 3-2 тыс. до н.э.). Второй - наличие животных, которых можно было одомашнить, и съедобных растений, которые можно было культивировать. По данным археологов первым животным, одомашненным еще до неолитической революции, была собака, используемая в охотничьих и сторожевых целях; в ходе же этой революции были одомашнены вначале козы и овцы, дававшие молоко и мясо для питания и шкуры - для изготовления одежды, затем свинья и позже - крупный рогатый скот и лошади; в первую группу культивируемых растений входит пшеница, ячмень и ячмень, пшеница, горох и др. Третьей предпосылкой такого перехода была, конечно, насущная потребность в нем, о чем следует сказать несколько подробнее.

Несомненно, что важной причиной перехода к производящему хозяйству был локальный экологический кризис, вызванный таким истощением объектов охоты и собирательства, которое поставило под угрозу дальнейшее нормальное существование увеличивающихся численно первобытных коллективов и потребовало изыскания средств как для увеличения количества пищи, так и для ее более регулярного получения; то и другое было достигнуто путем сознательного выращивания съедобных растений, разведения и селекционного отбора одомашненных животных. Такой переход не был, конечно, внезапным и быстрым; в течение более или менее длительного времени — в течение столетий в Малой Азии и тысячелетий в Мезамерике — присваивающий тип хозяйства продолжал сосуществовать с производящим, но преимущества второго становилось все более очевидным и он либо в результате независимого генезиса в новых ареалах, либо путем культурного заимствования расширял регионы своего распространения. Отмечу особо благоприятное влияние появившегося земледелия на жизнь людей в зоне умеренного климата, так как спелое зерно выдерживало довольно длительное хранение и во многом обеспечивало питание людей зимой, когда другие источники пищи сокращались или исчезали. Вместе с тем, переход к производящему хозяйству не был повсеместным. Он не состоялся в Австралии, где не было подходящих животных для одомашнивания и где основные методы культивации съедобных растений оставались нереализованными. Именно неолитическая революция привела к тому, что развитие одних племенных обществ пошло более быстрым темпом, а других — замедлилось или стабилизировалось, в результате чего они стали отставать от первых.

В задачу данной главы не входит сколько-нибудь подробный обзор истории человечества после неолитической революции, в том числе процесса образования классов и

сопряженного с этим процессом образования государств и т.д. Ограничусь лишь кратким анализом важнейших экологических проблем, связанных с социально-экономическим и культурным развитием человечества на его генеральном пути прогресса и некоторых отклонений от этого пути.

Экологическая ситуация, сложившаяся в ходе эволюции присваивающего хозяйства и во многом обусловившая переход к производящему хозяйству, в результате становления этого нового типа хозяйства начала существенно меняться. Это выразилось прежде всего в том, что люди, занявшиеся земледелием, стали создавать на месте естественных биоценозов, где различные виды растений и животных образовывали сложные сообщества, более или менее значительные участки всего лишь с одним или несколькими видами съедобных растений, а также и загоны, где они пасли один или несколько видов domestцированных животных. Тем самым человек взял на себя задачу по созданию искусственных биоценозов и по поддержанию их при постоянной эксплуатации.

Однако такой начавшийся процесс активного преобразования человеком окружающей его природной среды, способствовавший его устойчивому жизнеобеспечению, имел много негативных в экологическом отношении последствий, со временем нередко ухудшавших жизнь людей. Это замечание относится, например, к такому довольно широко распространенному виду земледелия, как "подсечно-огневое", при котором деревья на определенном участке леса "подсекались" и засушивались, срубались (с частичной выкорчевкой) и сжигались, чтобы полученной золой удобрить землю, используемую для культивации съедобных растений. Через 2-3 года эксплуатации, когда земля истощалась, этот участок забрасывался и земледелец переходил к следующему, а предыдущий обычно зарастал уже не деревьями, а кустарником. Если учесть, что немалый урон лесу наносили и случайные пожары, а также рубка леса для строи-

тельства жилищ и для топлива, то нетрудно заключить, что за несколько тысяч лет такой деятельности лесные площади сильно сокращались. Очень большой урон некоторым лесам был нанесен в античную эпоху, когда резко возросла потребность в древесине для сооружения не только жилищ, но больших храмов и дворцов, а также больших весельных и парусных кораблей. Известно, например, что мощные кедровые леса, покрывавшие Ливанские горы, были примерно наполовину вырублены только для строительства в Иудее храмов и знаменитого дворца царя Соломона, а также для развернутого судостроения в Флоренции 15.

Немало негативного в экологическом отношении принесло и развитие скотоводства, при котором несколько видов одомашненных животных были как бы противопоставлены всему остальному животному миру. Дикие травоядные животные отеснялись на худшие пастбища и оставались объектами интенсивной охоты, хищники — и прежде всего те, которые могли нападать на домашних животных, — подлежали уничтожению. Подобно тому, как продукция земледелия, особенно на начальных стадиях его развития, была намного меньше, чем прежняя продукция растений на том же участке, так и продукция от домашних животных была меньше, чем у всех видов диких животных, которые питались на таком же по размерам участке самыми различными растениями, а это приводило к общему сокращению биомассы на единицу площади территории, к нарушению трофических цепей и ухудшению экологической обстановки. Нельзя не сказать и о большом уроне, который наносили природе некоторые виды домашних животных, особенно козы с их неприхотливостью к пище (в частности — употребление ими древесных листьев, веточек и коры молодых деревьев) и с умением взбираться на кручи и нижние ветви деревьев. Многие области Средиземноморья, в том числе большая

часть Древней Греции, где хищники были почти полностью истреблены и козы могли беспрепятственно размножаться, были опустошены; стада коз уничтожили почти всю дискрастущую флору, превратив некогда зеленые пространства в обнаженную каменистую поверхность; этим они нанесли в конечном счете большой урон экономике и подорвали базу и для всего дальнейшего размножения.

Становление производящего хозяйства почти повсеместно приводило к окончательному переходу на оседлость (о возникшем позже скотоводстве кочевого типа, не имевшем универсального характера, речь пойдет далее).

Оседлая жизнь при достаточно надежном обеспечении пищей, в том числе и молоком от некоторых одомашненных животных, облегчила уход за детьми, уменьшила детскую и общую смертность по крайней мере от голода; с повышением плотности населения несколько возросла опасность распространения эпидемий, но они еще не переходили в пандемии. Возникшие же еще на стадии присваивающего хозяйства установки на высокую рождаемость стали подкрепляться большинством возникших в то время религиозных систем¹⁶. Поэтому, вероятно, всюду, где длительное время не было опустошительных войн, эпидемий и стихийных бедствий, где не было громадной массы рабов, солдат и священнослужителей, не участвовавших в процессе естественного воспроизводства, население довольно быстро возрастало, пока какое-нибудь новое социальное потрясение не нарушило этот рост.

Образование крупных многомиллионных скоплений населения в областях великих цивилизаций древности, где практиковалось земледелие с искусственным орошением, было в значительной степени связано именно с периодами их сравнительно спокойного существования. В Древнем Египте эпохи фараонов насчитывалось, как полагают, до 7 млн. жителей, в Вавилонии — 4-5 млн.¹⁷ В целом рост численности

населения мира после неолитической революции шел более быстрыми, хотя еще невысокими темпами. По имеющимся исчислениям на земном шаре за 5 тыс. лет до н.э. было всего 30-50 млн человек, а к началу н.э. это число превратилось в 250 млн человек, из них в пределах Римской империи находилось свыше 50 млн (в том числе в Италии - 6 млн), примерно столько же было в Китае и немногим меньше в Индии, в то время как во всей Америке - лишь 5-10 млн человек¹⁸. По сравнению с теперешними, эти цифры представляются небольшими, тем не менее, в некоторых регионах рост населения при том способе производства уже стал оказывать существенное давление на ресурсы.

Выше уже говорилось о том, что еще на стадии присваивающего хозяйства рост численности первобытных коллективов во многом стимулировал их развитие, побуждая часть из них перейти к производящему хозяйству. Выказываются предположения, что в условиях, когда первобытная культура еще не имела внутренних механизмов для движения и саморазвития, становление этих механизмов могло базироваться только на росте численности населения. "Такой подход, - пишет Л.Виньяцкий, - иногда квалифицируют как демографический детерминизм, но я думаю, что правильнее было бы назвать его демографическим или демографо-экологическим детерминизмом, поскольку подразумевается, что рост населения и природные изменения давали лишь исходный толчок, импульс для развития культуры и общества, сообщая процессам адаптации начальную энергию"¹⁹. При этом следует учесть, что занятие охотой и собирательством по сравнению с трудом ранних земледельцев во многих районах было более легким делом, давало более разнообразную пищу, больше свободного времени для ритуальной и иной нетрудовой деятельности, поэтому многие группы охотников-собирателей, обитая столетиями рядом с земледельцами или скотоводами и будучи достаточно

знакомыми с их хозяйством, так и не восприняли его (например, бумени у скотоводов-готтентотов) ²⁰. Все это приводит к заключению, что неолитическая революция, связанная со становлением нового способа производства, сочеталась с какой-то революцией в сознании людей, в том числе с психологическими установками экологического поведения.

Важным, если не важнейшим преимуществом производящего хозяйства даже на ранних этапах его развития было укрепление связей первобытных коллективов с территорией их оседания и возможность многократного увеличения в ее пределах плотности населения по сравнению с той, которая была у охотников-собирателей. Численность жителей в поселениях земледельцев-скотоводов стала измеряться сотнями, в то время как на стоянках охотников-собирателей — измерялось лишь десятками человек. Такая концентрация населения способствовала усилению социальной (родоплеменной и общинной) организации и повышению военной силы коллектива, могущей быть использованной как для обороны, так и для нападения. Вероятно, именно эти преимущества жизни в более крупных коллективах и обеспечили победу производящего хозяйства, несмотря на привнесенную им необходимость более интенсивного труда.

Другим важным преимуществом производящего хозяйства было то, что оно в принципе обеспечивало труженнику более или менее стабильное производство прибавочного продукта, т.е. превышение производства над потреблением. На базе прибавочного продукта человек мог создавать запасы пищи (особенно в виде зерновых и бобовых), которые можно было использовать в случае очередного неурожая или падежа части скота; кроме того, такой продукт мог перераспределяться между членами коллектива, что создавало основу для социально-классовой дифференциации. Упомянутый выше Л.Вишняцкий считает, что в результате этого принцип непосредственной "пользы" усту-

пают принципу "выгоды", и культура получает новый стимул для своего развития. Она перестает быть только средством адаптации к природе, а становится основной средой обитания, развивающейся по своим внутренним законам²¹; добавлю, — не всегда рациональным.

Широко распространено представление о том, что на стадии присваивающего хозяйства люди были природными, так сказать, экофилами и достаточно сознательно поддерживали экологическое равновесие в природе. Из приведенных выше фактов и рассуждений, относящихся к рассмотрению возможных факторов миграций первобытных людей, подобное экологическое поведение людей (логически ведущее к демографическому гомеостазу) представляется скорее исключением, нежели каким-то правилом. Конечно, отнюдь не все первобытные охотники истребляли животных столь активно, как обитатели стоянки у Солутри, но их экофильность вряд ли превышала "экофильность" львиного прайда, который обычно ограничивал свою охоту одной крупной добычей и, насытившись, как бы не замечал пасущиеся вблизи очередные жертвы. Известно, что хищники ведут своего рода выбраковку больных и слабых животных, что приносит даже пользу популяциям копытных (убийство самок с детенышами к этому, конечно, не относится); санитарно-генетическая роль человека была, вероятно, меньше, так как некоторые применяемые им способы охоты (ямы, загоны и пр.) не щадили и сильных, здоровых животных. При этом, более хищнический промысел вели, очевидно, охотники умеренного и приполярного поясов, но раз испытывавшие зимние голодовки и старавшиеся во время сезонных миграций животных, особенно осенью, получить максимум добычи, значительно превышающий реальные потребности жизнеобеспечения. Такая практика еще недавно отчетливо прослеживалась, например, у тундровых охотников на дикого оленя — эткасан,

а также у охотников на морского зверя — эскимосов и чукчей, которые нередко предпочитали охотиться на дельфинов, китов, как более легкой добычей. Как ни странно, но такая экофобная охотническая деятельность сочеталась с экофильной собирательской деятельностью в тундре, при которой регламентировался срок сбора съедобных растений определенного вида, места их сбора и т.д. 22

Неразрывная связь первобытного человека с природой, его растворенность в природе отражалась в религиозных верованиях того времени, которые одухотворяли окружающую среду (анимизм), устанавливали кровно-родственные отношения между тем или иным первобытным коллективом и каким-то видом животного, реке — растения или неодушевленным предметом (тотемизм) и т.д. В большинстве известных этнографам случаев тотемное животное нельзя было убивать и употреблять в пищу, но эту установку, опять же, вряд ли можно толковать как проявление сознательной первобытной экофильности.

Развернувшийся переход к производящему хозяйству с его начальным этапом стал существенно усиливать экофобные установки по отношению к природе. Конечно, человек был и оставался частью природы, но это было осознано позже и главным образом на высшем "философском" уровне; впрочем, и на нем "природа" зачастую отделяется от "общества" и так или иначе противопоставляется ему. На бытовом же уровне естественная природа почти всегда противопоставляется искусственной природе, т.е. культурной среде обитания. Земледельцы-скотоводы, как и их предки охотники-собиратели, понимали, что их силы несоизмеримо малы по сравнению со стихийными силами природы, причем и чувства их беспомощности могли даже усиливаться. Так как генеральнейшие потери от засухи или наводнения могли измеряться сотнями и даже тысячами смертей умноженных на численности соплеменников. С этим связано более позднее формализованное обожествление и одухотворение сил природы.

лений природы то ли в образах "богини Земли", "бога моря" или "богов ветра", то ли в образах локальных божеств и духов, вроде лесных дриад и речных нимф. В некоторых мифах и сказках проступают идеи о том, что даже животные, если к ним хорошо относиться, могут сослужить человеку службу (как серый волк — Ивану царевичу). Однако массовое поведение людей определялось не сказками, а жизненными потребностями. Не представляя себе всех причинно-следственных экологических связей, в том числе и негативных последствий своих, казалось бы, рациональных действий, люди ради поддержания плодородия своего участка пашни или выгона для своего скота, могли уничтожить всю окружающую "дику" природу, и это, как уже отмечалось, вело к глубоким, порой необратимым экологическим кризисам. К. Маркс заметил, что "Культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыни"²³. Уместно заметить, что Маркс, разумеется, имел в виду разумно-плановое природопользование, и правда этой мысли, ощущаемая до сих пор, начала проявлять себя еще в далеком прошлом, на стадии перехода к производящему хозяйству.

Усиление экофобных тенденций в результате неолитической революции и последовавшего за ней становления классового общества стало определяться проявлением и развитием таких форм жизнеобеспечения, которые следует отнести к иррациональным и даже абсурдным. Известно, что взрослому человеку для нормального функционирования нужно потреблять ежедневно пищу, содержащую 2000—3000 калорий (при соответствующем ее составе по белкам, жирам, углеводам, витаминам и микроэлементам), причем такие биологические нормы не изменились по существу за все время существования человека. Известно также, что человеку требуется определенная температура одежды или одежд для поддержания теплового баланса в виде одежды и топлива. То и другое более или менее легко обеспе-

чивалось еще на стадии присваивающего хозяйства. Однако уже на этой стадии в некоторых племенных обществах практиковалось устройство обильных пиршеств (типа потлачей у североамериканских тлинкитов) по мотивам повышения социального престижа устроителя²⁴. Со становлением производящего хозяйства витальные потребности начинают все чаще уступать место престижным мотивам, развитие общества в целом стало идти по пути все большего потребления пищи и тепла по крайней мере частью населения. Обильные пиры, устраиваемые представителями высших сословий в Древнем Риме ("дукуллови пиры") и в Китае, при дворе французских королей и персидских шахов и т.п., имели целью продемонстрировать этажность и высокое социальное положение того или иного человека. Одежда, появлявшаяся с целью согревания тела человека, стала теперь служить для обозначения его социального статуса и богатства, а потому варьировать по материалу и покрою, по богатству украшений и т.п., так что только тот человек, который мог адекватно ответить на требования принятой символики, достигал психологического комфорта.

Для характеристики эволюции экологического поведения довольно показательны изменения отношения к охотничьей деятельности. Даже уменьшение значения охоты в жизнеобеспечении с переходом к производящему типу хозяйства не поколебало престижности охоты по сравнению с трудом земледельцев и скотоводов. Мотивы охоты в античном искусстве намного превосходят довольно редкие изображения труда земледельцев. В какой-то степени это обусловлено тем, что охота все более становится занятием избранных, преимущественно - высших сословий; кроме того, охотник демонстрирует смелость, силу, ловкость и умение владеть оружием, т.е. качества особо ценные в войне, а расширение военных столкновений в ту эпоху сделало

такие качества особенно важными. Трансформация охоты из средства жизнеобеспечения в престижную забаву, в символ жизни избранных людей дошла почти до абсурда у правителей раннеклассовых государств (Египта, Персии и др.), устраивавших настоящие бои животных, которые стоялись для них в удобное место.

Е. Черных, уделявший большое внимание роли символической символики в жизни раннеклассовых обществ, пишет: "Узор и строго очерчен скучными берегами витальный канал. Возле него поток самовыражения кажется безбрежным морем. Символы, заключенные в явствах и одеяниях, — лишь малая часть его. За ними длинной цепью тянутся дворцы и замки, гигантскими размерами, красотой и мощью облицовывавшие их владыки; кафедральные соборы с покрытыми золотом главами демонстрировали величие божества и неизбежную любовь к нему народа; погребальные пирамиды говорили о непреходящейности фараона в царстве живых и мертвых. На их сооружение шли самые лучшие, ценные и долговечные материалы. Вслед за материально выраженными символами выстроились бесконечные ряды празднеств, ритуалов, манифестаций, мистерий, и о том, как много тратилась культура на них своего времени и энергии, мы можем лишь смутно догадываться". Иррациональность поведения проявлялась и в кровавых захватнических войнах, которые часто вели достаточно обеспеченные общества-государства, "цивилизованные", как называет их Е. Черных, "культурно, ощущавшие свою мощь и эту мощь желавшие утвердить... Первостепенной целью беспощадного грабежа покоренных соседей было вовсе не стремление выйти из витального кризиса. Награбленное становилось символом мощи, принадлежности к отмеченному извечной силой народу-победителю".¹⁵

Уместно добавить, что от военных нашествий страдали прежде всего культурные ландшафты; многие процветавшие области, хозяйство которых держалось на искусственном

орошении, подвергались опустыниванию из-за разрушения систем ирригационных каналов. Большой урон обычно наносился при этом и "дикой" природе.

Пришедшие на смену первобытным или родоплеменным верованиям (анимизм, тотемизм, магия и фетишизм) так называемые местные или "национальные", т.е. распространенные преимущественно внутри одного народа религии (иудаизм, брахманизм, конфуцианство и др.), а также мировые религии концентрировали основное внимание на духовном и небесном, а не на телесном и земном, а потому в большинстве своем не содержали каких-то правил экологического поведения. Существенно отличалась в этом отношении лишь древнейшая из мировых религий - буддизм, в котором человек не противопоставлен природе, как в таких антропоцентрических религиях, как христианство и ислам, а является лишь высшей ступенью развития живых существ, вся жизнь которых, как и переход от одного "разряда" в другой, обусловлена действием общего для всех их принципа ответственности ("карма"). Единственным отличием человека от других существ является лишь его способность осознать такую ответственность и достичь высшего состояния освобождения от "кармы" в так называемой нирване. Как пишет один из последователей этого вопроса Н.В.Абаев, "буддийские нормы нравственного поведения включали в систему этических отношений не только "собратьев человека по разуму", но и "братьев наших меньших", всех живых существ, неэтичное безответственное отношение к которым влекло за собой столь же неизбежное наказание в данном или будущих перерождениях, как и причинение зла человеку"²⁶. В.А.Шнирельман достаточно обоснованно предположил связь некоторого сокращения скотоводства в Южной Азии с распространением там буддизма²⁷.

Идеи буддизма об органическом единстве человека и природы, связанные с его учением о перевоплощениях

души в различные существа, были восприняты некоторыми местными религиями, прежде всего джайнизмом (Индия) с его строгим запретом на убийство любого живого существа, даже насекомого, и даосизмом (Китай) с культом явлений природы. Однако в наиболее оптимальном для взаимоотношения общества и природы виде они выступают в школе чань-буддизма, сформировавшейся в Китае в V-VI вв. н.э. Эта школа старалась избегать крайностей брешного отношения к природе (в джайнизме аскет обязан умереть от голода, но не нарушить запрет на убийство живого существа). Природа рассматривалась в чань-буддизме как равноправный человеку партнер, а это означало, что в определенных условиях, когда человеку необходимо обеспечить свою жизнь, например путем охоты, природа как бы должна предоставлять ему эту возможность. Что же касается человека, то он, как отмечает Н.В. Абаев, "обладая чувством ответственности за все живое и сознанием своей взаимосвязанности с природным целым, должен был понимать, что, нанося урон природе, он ранит и самого себя, что допустимо лишь из общих интересов эволюции всего сущего к более совершенным формам" ²⁸. Таким образом, чань-буддизм стремился по возможности сохранять природные ресурсы, не уничтожая и не растрачивая их без особой нужды, даже если они имелись в изобилии.

В христианстве, воспринявшим идеи иудаизма о том, что только человек был сотворен "по образу и подобию Бога", проступает взгляд на человека как на господина природы, могущего поступать с ней так, как считает нужным, и только одобряемая христианством аскеза несколько сдерживала экологические потенции, заложенные в этом принципе. В средневековом еврейском искусстве природа вообще представлена довольно скупо и символично — как обрамление всеобщего духовного процесса или часть его. В большинстве европейских стран продолжался и даже усилился

процесс вырубке леса под пашню, для топлива, добычи древесного угля и поташа, для жилищного строительства и кораблестроения, особенно усилившегося с развитием морской торговли; этот процесс был несколько заторможен тем, что многие леса из общинной крестьянской собственности перешли к феодалам, стали использоваться как угодья для привилегированной охоты, но все же за десять столетий европейской истории (V-XV вв.) общая площадь лесов в Европе сократилась в 3-4 раза²⁹. Вырубка лесов, осушение болот привели к нарушению режима многих рек, опять-таки с необратимыми экологическими последствиями. Когда в XVI в. из Европы, как основного региона распространения христианства, в заокеанские страны, особенно в Америку, отправились многие тысячи переселенцев, то они отнюдь не отличались экофильными чувствами и причинили покоренным ими народам и покоряемой ими природе огромный ущерб. Уместно заметить, что в сравнительно молодой мировой религии - исламе, возникшей в полупустынной Аравии, имеются некоторые экофильные элементы; в Коране предписывается, например, каждому мусульманину посадить в течение жизни 70 деревьев, но насколько реализовывались такие установки, сказать трудно³⁰.

Развернувшийся с XVII в. в Европе переход от феодализма к капитализму и начавшаяся с конца XVIII в. промышленная революция, не привели к существенному изменению взглядов на взаимоотношение человека и общества с природой и в целом усилили в экологическом познании более эксфоибные, нежели экофильные тенденции. В отличие от сравнительно замкнутой феодальной системы хозяйства, связанной с ограниченностью духовного мира человека и внушаемой церковью отрешенностью от земных благ, капитализм был изначально нацелен на расширение и интенсификацию производства с целью возможно большего удовлетворения имевшихся и возникавших (в силу действия престижа и моды) материальных (а затем и духовных) потребно-

стей не только высших, но и средних, а частично и низших слоев общества. Такая интенсификация производства, нацеленного на массовое потребление, базировалась как на интенсификации труда работников с применением машин и механизмов, приводимых в действие силой пара (паровые двигатели внутреннего сгорания, электродвигатели и т.п.), так и на большей эксплуатации природных ресурсов. К.Маркс отметил, что только со становлением капиталистического способа производства начинается создание "такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь как локальное развитие человечества и как суеверное поклонение природе. Только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодеятельной силой" 31.

Расширение и упрочение в эпоху капитализма массовой психологии потребительства сочеталось с быстрым ростом могущества людей, связанного с использованием все более разнообразных машин и механизмов и все более мощных источников энергии; следует отметить и применение новых и более мощных по сравнению с порохом взрывчатых веществ, в частности динамита, аммонала и т.п. Человечество стало геологической силой и его способность изменять поверхность земли стала соизмеряться с силами природы, а во и превосходить их; люди могли строить огромные горы, прокладывать каналы, осушать или сооружать крупные дамбы, срывать до основания одни значительные возвышенности и возводить другие и т.д. Правда в хозяйственном оборот стали все более ускоренным темпом вовлекать минеральные ресурсы, скрытые ранее под землей и не входящие в обычные экологические циклы биосферы (каменный уголь, горючие сланцы, нефть - нефть), а также производить материалы, которые не встречаются в природе (керамика, позже - бетон, синтетические материалы и т.п.),

что в значительной степени заменяло широкое использование древесины, но это лишь кое-где и лишь отчасти уменьшило продолжавшуюся вырубку лесов под пашню и использование древесины в качестве строительного и подпочного материала, в бумажной промышленности и в лесохимии. Вместе с тем, люди, получив возможность изменять лик неживой природы и показывать господство над миром живой природы, долгое время не осознавали негативных последствий своего экологического поведения как в экономически развитых странах Европы, так и в странах оседания европейских поселенцев и господства европейских колонизаторов.

Усиление давления на природу в эпоху капитализма было во многом обусловлено ускорившимся ростом численности народонаселения мира. Это произошло благодаря ускорению процесса снижения уровня смертности особенно со второй половины XIX в., когда после открытия Л. Пастером болезнетворных микробов, стала развиваться научная медицина в Европе, а затем и в других странах мира. В некоторых европейских странах, прежде всего во Франции, в это время обозначилось и снижение рождаемости, но темпы этого процесса отставали от снижения смертности, что и привело к увеличению естественного прироста. Если с 1500 до 1800 г. число обитателей Земли возросло с 400-500 миллионов человек примерно до 1 миллиарда, то с 1800 по 1950 г. - до 2,5, к 1990 г. - до 5,2 миллиарда, а к 2000 г. оно должно превзойти 6,1 миллиарда человек ³². Очень быстрый рост численности народонаселения с середины XX в., получивший в целом характерное название "демографического взрыва", произошел главным образом за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки, внедрение в которые успехов европейской и северо-американской медицины и здравоохранения (применение пенициллина и сульфамидных препаратов против эпидемических болезней, ДДТ - для борьбы с насекомыми-бактерионосителями и т.п.)

привело к резкому снижению смертности, примерно до ее уровня в экономически развитых странах. Однако такая борьба со смертностью не затронула основ традиционного хозяйства и культуры коренных народов этих регионов мира, не нарушила бытовавших там установок на многодетность, что и дало резкое увеличение естественного прироста до показателей, при которых численность населения могла удваиваться через каждые 25-30 лет. Уместно отметить, что такой прирост продолжается уже несколько десятилетий в нашей Средней Азии ³³.

Высокие темпы роста численности населения во многих странах мира, казалось, стали долгожданным воплощением обетейского завета: "... плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю. Да страшатся и тремещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется по земле, и все рыбы морские: под вашу власть отданы они" (кн. Бытия, гл.9). Но составители Библии с их антропоцентрическими установками, очевидно, не знали экологических закономерностей и явно преувеличивали способность человека поддерживать экологическое равновесие в природе. Еще некоторые средневековые отцы церкви указывали, что библейскую заповедь о размножении людей следует толковать в ограниченном смысле; но к ним мало кто прислушивался ³⁴. Показательно, что известный английский ученый и священник Т.Мальтус был в начале XIX в. едва не отлучен от церкви за "греховные" идеи о том, что при безграничном размножении людей за счет природы может для кого-то не хватить мест, да и революционным мыслителям XIX в., в том числе К.Марксу и Н.Г.Чернышевскому, такие идеи показались "реакционными", способствующими, якобы, оправданию бедности трудящихся ³⁵. И только демографический взрыв второй половины XIX в., а также всемирная проблема обеспечения жителей многих стран мира продовольствием, по-существу впервые за всю историю человечества привлек внимание не только крупных мыслителей, но и до-

вольню широкие круги мировой общественности к идее об ограниченности природных ресурсов и о важности учета экологических факторов; исключением были главным образом советские авторы, упорно твердившие, что голод в ряде стран Африки или, скажем, в Индии вызван действиями империалистических сил. Такая позиция стала меняться лишь в последнее время, когда стали все более ясно ощущаться негативные последствия "демографического взрыва" в Средней Азии.

Вообще, вторая половина XX в. стала временем экологического прозрения и вместе с тем — осознания бессилия радикально изменить уже определившееся экофобное отношение к природе, обеспечить человечеству более или менее "светлое будущее". Люди овладели разрушительной силой атомной энергии и поставили себя перед угрозой тотального самоистребления; стали использовать атомную энергию в энергетических целях и встали перед почти неразрешимой проблемой захоронения радиоактивных отходов и возможностями повторения чернобыльской трагедии; развили бытовую химию и столкнулись с угрозой расширения озоновой дыры над Антарктидой, осознали важность сохранения лесов, особенно влажных экваториальных лесов, являющихся своего рода "легкими планеты", и довольно спокойно наблюдают за ежегодным уменьшением их площади, за наступлением пустынь и т.д. и т.п.

Ф.Энгельс в свое время писал: "Если человек наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими... независимо от какой-либо социальной организации" ³⁶. Последнее замечание — особенно знаменательно, так как экологические проблемы характерны как для развивающихся, так и для экономически развитых стран, как для капиталистических стран, так и для стран пытавшихся стать "социалистическими". Возникшие в Совет-

ском государстве экофобные тенденции были отчетливо выражены часто повторявшимися еще в недавнем прошлом словами известного биолога и селекционера И.В.Мичурина: "Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача". Осуществление же таких тенденции проявилось и в экологическом кризисе, возникшем в долине Волги после сооружения на ней каскада ГЭС и обширных водохранилищ, и в чрезмерной вырубке лесов, и в других ухудшениях природной среды обитания; особо следует сказать об экологической катастрофе в Средней Азии, где нерациональный забор воды в реках, питающих Аральское море, привел к усыханию этого водоема с очень тяжелыми последствиями для обитающих в этом регионе каракалпков, казахов и узбеков. Но если взаимоотношение людей и природы не определяется их "социальной организацией", то можно заключить, что оно определяется какими-то более глубокими общечеловеческими мотивами, обусловленными либо той изначальной способностью к абсурду, о которой писал такой глубокий ученый как Б.Ф.Поршнев ³⁷, либо возникшими противоречиями между высоким уровнем технико-энергетической вооруженности, связанной с обеспечением растущих потребностей людей, и низким уровнем осознания последствий своих экофобных действий. Так или иначе, но если эти противоречия не будут устранены, то человечество уже в XXI столетии вплотную приблизится к глобальной катастрофе, почти столь же ужасной как атомная война или повсеместное распространение какого-то смертельного заболевания вроде СПИДа.

В сделанном мною обзоре генеральной линии основных исторических этапов взаимодействия общества и природы не было особой необходимости постоянно конкретизировать рассуждения примерами по отдельным народам мира: совершенно ясно, что экологическое поведение почти всех родоплеменных групп на стадии призывающего хозяйства или почти всех более многочисленных этнических общи-

стей, перешедших к производящему хозяйству, было во многом идентичным; восточно-славянские племена, обитавшие в лесной зоне, вели себя в экологическом отношении примерно так же, как их соседи — финноязычные племена, древние греки — как италики и римляне, а средневековые бургундцы — как баварцы. Существенно различались в этом отношении этносы с различными хозяйственно-культурными параметрами, например, мотыжные земледельцы жаркого пояса с пашенными земледельцами умеренного пояса, или те и другие, с одной стороны, со скотоводами-кочевниками степей и полупустынь — с другой, и т.д. Однако и такие различия относятся более к формам взаимоотношения тех или иных этносов с природой, нежели к экофобно-экофильной сущности установок хозяйственного использования природной среды.

Несмотря на кажущееся обилие в народном фольклоре тематики, отражающей различные аспекты отношения к природе, к животным и растениям, и на использование, например, различных видов флоры (особенно — цветов) в обрядах календарного цикла и в семейно-родовых обрядах, составить на этом основании четкую картину экологического поведения того или иного этноса довольно трудно. Некоторые традиционные приемы природопользования, например, известное у русских и других земледельцев запрещение пахоты в поймах рек, носили скорее утилитарный, нежели мировоззренческий характер. Таковой мог проявиться главным образом в религиозных верованиях, и в этой связи целесообразно вновь отметить существенное различие между такими антропоцентрическими и в принципе экофобными религиями, как иудаизм и христианство, с одной стороны, и экофильными в принципе религиями, в которых человек считался лишь частью природы и в потенции должен был слиться с ней, как это видели ведовские буддисты и, конечно, шаманы.

Историческая экологическая роль христианства освещена до сих пор явно недостаточно ни в западной, ни тем более в советской научной литературе. Есть основания полагать, что антропоцентризм христианства, особенно в протестантских церквях и сектах, способствовал оформлению капитализма; он же способствовал и соединению людей в общности национального типа, в то время как на востоке еще долгое время ведущую роль продолжали играть религиозные общности. Христианские народы дали миру промышленный капитализм, почти всемогущую науку и технику, однако не только не смогли уравновесить скрытые в этом экологические тенденции, но и распространили эти тенденции на страны и народы, имевшие более экофильные установки. Развертывавшийся по мере "вестернизации" процесс "экофобизации" неевропейских и нехристианских по своему происхождению народов мира идет очень сложным путем. Некоторые восточные народы, прежде всего — японцы, активно восприняв западную науку и технику, старались сохранить прежние экофильные установки, в самой Японии (отступая, впрочем, от них вне её, например в китобойном промысле). Да и в западных странах в последнее время стали распространяться идеи восточных религий (например чань-буддизма), хорошо сочетающиеся с развернувшимися в последнее время экофильными движениями партий "зеленых". Тем не менее, численность народонаселения мира продолжает быстро увеличиваться, в развитии цивилизации проступают все новые и новые иррациональные мотивы и преобладающие экологические тенденции ставят человечество, как уже отмечалось, на грань экологической катастрофы.

1. См.: История первобытного общества. Т. I-3. М., 1983-1988; Эпоха первобытной родовой общины. М., 1983.
2. См. напр.: Lee, E. V. The Doba Kung. N-Y., 1984, p. 31.

3. Подробнее см.: Козлов В.И. Этническая экология и история аборигенного населения Америки. - В кн.: Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. М., 1989.
  4. См.: Зубов А.А. Человек заселяет свою планету. М., 1963. С.47-63.
  5. Поршнев Б.Ф. Контрсултанства и история // История и психология. М., 1971.
  6. См. напр.: Wax: the Anthropology of Armed Conflict and Agression, Garden City, 1968.
  7. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С.74.
  8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.20. С.496.
  9. См.: Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. М., 1988. С.46-49.
  10. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976. С.24-26; см. также Харрисон Дж., Уайнер Дж., Барникот Н. Биология человека. М., 1968. С.414.
  - II. Lorimer F. Culture and human fertility, Paris, UNESCO, 1954; Mori Nag, Factors affecting human fertility in nonindustrial societies: a cross-cultural study, New Haven, 1962;
- Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969, и др. работы.
12. Ohlin G. Historical outline of World population growth, World Population Conference 1965, Zagrad, 1967.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23. С.522.

1. Шварцман В.А. Возникновение привходящего ховля...
11. См. напр.: Лейбман Е. Оскальмированная земля. М.1-ш. М., 1971.

16. См.: Козлов В.И. Динамика численности народов. Указ. раб. С.148-162.
17. Reinhard M., Azmengaud A. Histoire generale de la population mondiale, Paris, 1961, P.13.
18. Ohlin G., Op.cit.
19. Вишняцкий Л. От пользы к выгоде // Знание - сила, 1990, № 5.
20. Подробнее см.: Шнирельман В.А. Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии. М., 1987.
21. Вишняцкий Л. Указ. раб.
22. См.: Крупник И.И. Арктическая экология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. С.76, и др.
23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.32. С.45.
24. См.: Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник Академии Наук СССР, 1979, № 12.
25. Черных П. Символы древних культур // Знание - сила, 1989, № 9.
26. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в современном Китае. Новосибирск, 1989, С.137.
27. Шнирельман В.А. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С.196.
28. Абаев Н.В. Указ. раб. С.138.
29. Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Указ. раб. С.108.
30. Ленькова А. Оскальпированная земля. М., Прогресс, 1971. С.21.
31. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.36., ч.1. С.387.
32. См.: Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1983, гл.1; Население мира. Демографический справочник. М., 1989. С.7.

33. Козлов В.И. Особенности этнодемографических проблем в Средней Азии и пути их решения // История СССР, 1988, № II.
34. Historical Ecology. Essays on Environment and social change, N-Y., 1980, P.102-105.
35. См.: Смуглевич Б.Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959. С.160-186.
36. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.18. С.303-304.
37. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С.40.

Предыдущие главы этой части данной монографии носили преимущественно теоретический характер и ставили своей задачей характеристику методологической основы этнической экологии. Однако эта научная дисциплина имеет прямые выходы в практику, поэтому целесообразно хотя бы кратко рассказать о двух видах комплексных этноэкологических исследований, проведенных при моем участии в научном руководстве в Закавказье. Одно из таких исследований было посвящено изучению там явлений группового (популяционного) долгожительства, другое — адаптации русских поселенцев.

Переходя к характеристике первого из них необходимо дать некоторые пояснения. Продолжительность жизни человека, как и других биологических видов задана генетически, однако долгое время пределы ее даже специалистами антропологами и геронтологами оценивались по-разному. Было ясно, что свой биологический потенциал люди реализуют неполностью то ли из-за врожденных и приобретенных болезней, то ли из-за тяжелых физических и психических травм и других причин, но сколько именно лет жизни люди недобирают оставалось неясным. Приведенные в Библии (Ветхом завете) сведения о праотцах, которые жили по несколько сотен лет (Адам — 930 лет, а например, Мусаосил — даже 969 лет) являются, конечно, мифом, отразившим вечное стремление людей жить долго и хорошо. Известно, что в древности, да и в новое время люди жили недолго: мужчина в 50 лет, а женщина даже раньше, когда она обычно становилась бабушкой, считались уже "старыми" (показательна пословица — "бабий век — сорок лет"); лишь немногие люди доживали до 90 лет и лишь единицы во всем мире переваливали за 100 лет. Такая картина сохра-

нилась в целом и в XX столетии с той разницей, что успехи медицины и здравоохранения привели к значительному снижению смертности в средних и молодых возрастах, а особенно — в детском возрасте, благодаря чему средняя продолжительность жизни существенно увеличилась: в развитых странах мира примерно с 30–35 лет в XV в. до 45–50 лет к концу XIX в. и до 75 лет в 1990 г.; в некоторых странах (Нидерланды, Швейцария, Швеция, Япония) у женщин она несколько превысила 80 лет; в СССР по данным на конец 1980-х гг. составляла у мужчин — 65 лет, у женщин — 74 ¹; в России на начало 1990-х гг. она составила соответственно 63 и 72 года.

Дальнейшее увеличение средней продолжительности жизни людей дается все труднее и труднее, так как процессы естественного старения тесно связаны с ростом сердечно-сосудистых и раковых заболеваний — основными причинами смерти в пожилом и старческом возрасте; кроме того положительные в этом отношении факторы развития медицины стали по мере научно-технического прогресса все более ослабляться негативными, например, растущим загрязнением среды обитания. Высказывавшиеся солидными учеными еще в сравнительно недавнем прошлом предположения о том, что люди могут и "должны" жить до 150–200 лет, сейчас можно встретить главным образом у дилетантов. В обозримом будущем даже в экономически развитых странах мира средняя (ожидаемая при рождении) продолжительность жизни вряд ли возрастет и до 90 лет. Поэтому есть основания считать, что видовая продолжительность жизни человека не достигает 100 лет и что массовый выход за этот предел невозможен без какой-то перестройки генного механизма старения.

Сказанное относится к среднестатистическим величинам и не отрицает существования значительных популяционных и индивидуальных колебаний в продолжительности жизни,

В частности — того, что при благоприятном сочетании действия генетических и средовых факторов появляются люди в возрасте 90 лет и старше, которых в международной геронтологической практике принято считать долгожителями. Во всем мире долгожителей довольно много, только в СССР по данным последних переписей населения их насчитывалось свыше 250 тыс. человек, в том числе "супердолгожителей" — в возрасте 100 лет и старше — около 20 тыс. Забегая несколько вперед, отмечу, что проведенная в ходе нашего исследования верификация возраста людей, числившихся "долгожителями", установила почти повсеместную тенденцию геронтов завышать свой возраст (нередко поддерживаемую и их близкими); при этом реальное число долгожителей обычно оказывалось в 4–5 раз меньше "номинального". Однако даже если ввести соответствующие поправки, то следует признать наличие в СССР многих десятков тысяч долгожителей и нескольких тысяч "супердолгожителей". Какова максимально возможная продолжительность жизни человека, сказать почти столь же трудно, как и относительно того, каковым может быть максимальный рост человека. По моим размышлениям она вряд ли превышает 130–140 лет, и сведения о некоторых людях, достигавших, якобы, 150 лет и более², основаны на легковерии. В известной Книге рекордов Гиннеса во всем мире зафиксировано лишь 20 человек, достигших возраста 110 лет и старше, но почти все они не первысили 115 лет и лишь японец Шигичио Изуми умер в 1965 г. в возрасте около 121 года. Во время наших исследований долгожительства в Азербайджане был обнаружен старик Ядигар Киши (Кельбаджарский район), чей возраст при двукратной проверке в 1982 и 1983 гг. был установлен в более 125 лет, но подтвердить это достаточно надежно для фиксации в Книге рекордов Гиннеса нам не удалось, а сам долгожитель вскоре умер.

Реальная продолжительность жизни людей определяется не только генетическими, но и средовыми факторами, конкретными условиями их жизни, и в этом отношении каждый долгожитель и тем более "супердолгожитель" заслуживает, конечно, пристального внимания. Однако особое внимание привлекают явления группового (популяционного) долгожительства, проявляющиеся в концентрации долгожителей в каком-то сравнительно небольшом районе или ареале, в том числе в одном или нескольких селениях. Достаточно широко известно, что одним из наиболее долгожительских регионов в СССР являлся Кавказ и это было подтверждено данными переписей населения, согласно которым в республиках Закавказья находится свыше 10 % всех долгожителей страны, что вдвое больше их доли во всем населении страны. В научно-популярной литературе можно было встретить заключения о связи кавказского долгожительства с особенностями традиционного образа жизни местного населения, в частности - с особенностями их питания. В 1920-х и 1930-х гг. в некоторых регионах Закавказья (особенно в Абхазии) проводились медико-геронтологические обследования долгожителей, однако вопрос о причинах того, почему в некоторых местах имеется 4-6 и более долгожителей на каждую тысячу жителей, а в других этого нет, по существу не ставился до конца 1970-х гг., когда он привлек внимание группы советских и американских ученых, заключивших соглашение о совместной работе над темой: "Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей". Головным учреждением по этой работе в СССР выступал Институт этнографии АН СССР; в исследовании участвовали также сотрудники Института геронтологии АМН СССР (г.Киев), НИИ антропологии МГУ и других научных учреждений, главным образом - из тех республик, на территории которых проводились исследования; с американской

стороны в исследовании участвовал Исследовательский институт по научному изучению человека (г.Нью-Йорк) и группа ученых Университета штата Кентакки.

Основные результаты проведенного нами в 1978-1986 гг. уникального комплексного исследования явлений группового (популяционного) долгожительства в Закавказье (преимущественно в Абхазии и в Азербайджане) нашли свое отражение в ряде статей и нескольких книгах³, пересказывать содержание которых, видимо, нецелесообразно. Остановлюсь поэтому лишь на тех аспектах исследования, которые непосредственно связаны с этноэкологической тематикой.

Этноэкологические аспекты комплексного исследования явлений группового (популяционного) долгожительства определились уже в самом его начале, когда было установлено, что такие явления характерны лишь для определенных этнических групп и приурочены к определенным в природном отношении районам; сочетание того и другого дало основание предполагать, что основной причиной этого долгожительства была успешная адаптация популяций к природной среде обитания. Сами по себе благоприятные природные факторы не могли дать долгожительского эффекта; русские уроженцы, скажем, Волгоградской области, переселившиеся в субтропические условия Абхазии, тщетно могут надеяться, что приобретут там абхазское долголетие; материалы переписей населения и проведенные нами обследования показали, что среди русских поселенцев в Абхазии, осевших там около 100 лет тому назад, да и среди русских поселенцев в Азербайджане, осевших там около 150 лет тому назад (т.е. адаптировавшихся там в течение 5-6 поколений), долгожителей почти нет. С другой стороны, и этнические факторы сами по себе не обеспечивают эффект долгожительства, так что группа абхазов из долгожительских семей, в случае переселения ее, скажем, в Вологодскую область, вряд ли могла рассчитывать там на долго-

летие: вероятно, эти абхазы умерли бы там даже раньше, чем их местные русские одногодки. Феномен группового долгожительства у абхазов возник только при сочетании этнических и природных факторов, т.е. имеет этноэкологическое содержание.

Названные "этнические" факторы при воздействии на продолжительность жизни проявляются в двух основных видах: этногенетическом и этнокультурном. Особого "гена долгожительства" не существует, но можно предполагать наличие у долгожителей каких-то генов "жизнестойкости", либо - отсутствие у них генов, способствующих развитию геронтологических болезней, что в принципе не очень нарушает основную логику рассуждений. Этнический аспект генетических факторов долгожительства обусловлен традициями этнической эндогамии - преимущественным заключением браков внутри этносов, в связи с чем и гены, способствующие долголетию, могут закрепляться внутри этносов, а их удачные комбинации на индивидуальном уровне могут усиливать этот эффект. Уместно отметить, что часть таких генов может быть каким-то образом связана с антропологическими признаками: в ходе наших работ было установлено, например, что большинство долгожителей - это худощавые люди невысокого роста. О конкретном влиянии такого конституционного типа на долголетие можно делать различные предположения, как, впрочем, и о других выявленных отличиях долгожителей и их ближайших родственников (например, в специфическом рисунке энцефалограмм)⁴.

Генетическая гипотеза группового (популяционного) долгожительства хорошо коррелирует с особенностями распространения этого феномена. В Абхазии он распространен более или менее равномерно среди большей части сельских абхазов; границы обследованных нами селений и сельсоветов являются в этом отношении довольно условными, так как большинство браков традиционно заключается с жителями других селений, нередко - довольно удаленных. В Азербай-

байджане картина была существенно иной – здесь часто встречались долгожительские селения среди селений, где долгожительства почти не было. Это объясняется тем, что азербайджанцы издавна традиционно заключают браки преимущественно внутри своего селения, нередко с двоюродными и троюродными сестрами, что превращает многие селения в отдельные более или менее замкнутые популяции со своими генетическими особенностями, влияющими на долголетие положительно или, напротив, отрицательно.

Однако у этой генетической гипотезы долгожительства есть свои недостатки, и главный из них состоит в том, что предполагаемый ею биологический механизм долголетия вряд ли мог возникнуть в ходе естественного отбора. Её величество Природа довольно четко определяет хронологические рамки процесса воспроизводства, продолжения рода (например, у женщин – от первого менарха в 12–15 лет до климакса в 45–50 лет), но в дальнейшей продолжительности жизни человека (как, впрочем, и других живых существ) она особо не заинтересована, и умрет ли женщина (а среди долгожителей преобладают женщины) в 65 или в 95 лет – ей в сущности безразлично. В долгожительстве может быть заинтересован социум (в данном случае – этническая группа); именно он может направлять генетический отбор по долгожительским линиям путем предпочтительных браков и потомками геронтов, а также поддерживать геронтов в их долголетии. О некоторых средствах такой поддержки речь пойдет далее.

Что же касается этнокультурного аспекта воздействия на долголетие, то он проявляется в особенностях взаимодействия людей с окружающей природной и социальной средой, т.е. имеет экологический смысл. В первом случае это связано с расположением этнической территории, ее климатическими, орографическими и гидрографическими особенностями и другими географически локализованными явлениями, в которых люди адаптируются, активно исполь-

зуют их для обеспечения своего существования. При этом учитывается не только естественный, но и измененный "культурный" ландшафт, не только дикая флора и фауна, но и культивируемые растения и домашние животные, а также другие стороны антропогенной среды обитания, которые во многом определяются этнически традиционной хозяйственной деятельностью. Тем самым к этой группе этнокультурных факторов долголетия относятся непосредственно связанные с природной средой компоненты материальной культуры (традиционное жилище, одежда, пища и др.). Социальную часть этнокультурной экологии образуют традиционные формы общественной организации и семейных отношений, некоторые компоненты духовной культуры, связанные, например, с этикетом, а также особенности личной и социальной психологии, о которых речь пойдет несколько позже.

Вопрос о том, в каких природных условиях проявляет себя феномен группового (популяционного) долголетия встал перед нами одновременно с учетом роли этногенетических факторов, а связанная с ним проблема адаптации к этим условиям нашла свое отражение в относительно самостоятельной природно-экологической гипотезе долголетия; в рамках ее несколько особо выделялась и разрабатывалась пищевая гипотеза долголетия, связывающая этот феномен с особенностью традиционного питания геронтов. Начинать здесь приходилось с элементарной проверки некоторых бытовавших стереотипов, вроде представлений о величественных столетних патриархов, живущих высоко в горах в каменных саклях и питающихся главным образом кислым молоком и сыром, ржаным хлебом и целебными травами.

Однако при анализе действительности прежние стереотипы стали быстро разрушаться. Начну с того, что прямой связи долголетия с высотой местности над уровнем

моря, о которой писали некоторые авторы ⁵, обнаружено не было. Почти все абхазские селения расположены в предгорной зоне с высотами не более 500-600 м; в Азербайджане большинство долгожительских селений находится на высоте до 1000 м и лишь отдельные поднимаются выше 1500 м. Вполне возможно, что такая высота не является пределом долголетия, но дальнейший подъем приводит к усилению явлений гипоксии (кислородного голодания из-за разреженного воздуха), которые оказывают более негативное, нежели позитивное влияние на здоровье ⁶. Да и последнее обусловлено побочным действием высоты, например, отсутствием на высотах свыше 1500 м малярийных комаров и связанной с ними малярии, свирепствовавшей во многих районах Азербайджана и особенно в Абхазии еще в начале XX в. Можно предположить благоприятное воздействие на здоровье умеренных перепадов высот в пределах селитвенной зоны, что приводит к своего рода тренингу с раннего возраста мышечной и сердечно-сосудистой системы, но, пожалуй, главное достоинство горной жизни — это ее изолированность от промышленно-урбанистических нововведений, большая традиционность поведения и сохранность геронтофильных установок.

Второй важный вывод, который был сделан нами при проверке природно-экологической гипотезы долголетия заключается в том, что географические условия жизни абхазов существенно отличались от условий жизни большей части азербайджанцев; к влажным субтропикам Абхазии климатически близка лишь Ленкорань, где имелись долгожительские селения (преимущественно — талышские); в остальной части Азербайджана долгожительские селения располагались в Куринской низменности и окружающих ее предгорьях и долине Аракса с их сухим субтропическим климатом, прохладной зимой и очень жарким летом; с подъемом высоты он сменяется сухим умеренным климатом с соответствующим изменением и растительных зон — от сухих

ночами люди спали, укрываясь двумя-тремя теплыми одеялами. Для высоких летних температур такие жилища были более пригодны, но в азербайджанских из-за традиционного расположения окон только с одной стороны была недостаточная проветриваемость и связанная с этим избыточная влажность.

Существенные расхождения были установлены в традиционном питании абхазов и азербайджанцев. Питание абхазов, основу которого составляет густая кукурузная каша (абыста) с добавлением специй, а также некоторые молочные продукты (в частности, сыр) и небольшое в среднем количество мясных продуктов, - близко к рекомендуемому геронтологами питанию пожилых людей. Однако оно не является всесторонне оптимальным, так как для людей молодого и зрелого возраста в нем мало животных белков, а для холодного периода года для всех возрастов - мало жиров, как животного, так и растительного происхождения (исключением являются по-существу лишь приправы из грецких орехов). Особо следует отметить традиционно-повседневное употребление абхазами (преимущественно мужчинами) сухого виноградного вина своего производства; всесторонне оценить влияние его на здоровье не удалось, но, несомненно, что для прохладно-холодного периода года оно по своей теплотворной способности компенсирует в какой-то степени недостаток жиров.

Что же касается азербайджанцев, то они вследствие установок ислама вообще не употребляли виноградного вина, но имели более разнообразное питание, основу которого составлял хлеб с различного вида супами, а также кисломолочные продукты, в том числе сыр. В отличие от абхазов азербайджанцы употребляли сравнительно много мяса, в том числе жирной баранины, которая из-за повышенного содержания холестерина обычно не рекомендуется геронтам. Поэтому в данном случае, как и при анализе природно-экологической гипотезы долгожительства, напрашивается вывод

о том, что для достижения долголетия важны не только какие-то определенные виды пищи, но и хорошая адаптированность к традиционному рациону, достигаемая в ходе жизни многих поколений людей, принадлежащих к данной группе. Уместно отметить, что азербайджанцы и особенно абхазы, живущие в условиях довольно пышной субтропической растительности, далеко не полностью использовали имеющиеся "дары природы"; так абхазы совершенно не занимались сбором съедобных грибов, а из более чем 500 видов растений, которые могут быть использованы в лечебных целях, употребляли в народной медицине лишь незначительную часть их.

Завершая краткий обзор результатов комплексного исследования явлений группового (популяционного) долгожительства и не останавливаясь на рассмотрении некоторых гипотез, не имевших прямой связи с этноэкологической проблематикой (например, демографической гипотезы, связывавшей феномен такого долгожительства с возможным подъемом рождаемости в последней четверти XIX в.), необходимо сказать о двух психологических гипотезах долгожительства. Одна из этих гипотез — "личностно-психологическая" — связывала этот феномен с особенностями психического типа геронтов, с преобладанием лабильных, более адаптивных характеристик, получивших распространение в результате естественного и социального отбора. Другая — "социально-психологическая" — связывала его с традиционно высоким статусом старых людей в семье и общине, с существованием комфортной "геронтофильной" атмосферы, в которой старые люди сохраняют чувство собственной значимости и необходимости дальнейшего продолжения жизни; немаловажное позитивное значение имеют и традиционные социально-психологические установки, регламентирующие поведение в тех или иных жизненных ситуациях, ибо они, с одной стороны, уменьшают число возможных стрессогенных

ситуаций, а с другой — облегчают процесс снятия стресса. В начале нашего исследования эти психологические гипотезы группового долгожительства рассматривались как второстепенные, существенно уступающие по значимости генетической, природно-экологической и пищевой, однако затем они выдвинулись в разряд первостепенных и, вероятно, универсальных, так как действие охватываемых ими факторов долголетия было отмечено как у абхазов, так и у азербайджанцев, а также у некоторых других долгожительских групп Кавказа, материалы по которым у нас имелись.

Для объяснения генезиса социально-психологических факторов долгожительства приходится обращаться к давним дописьменным временам, когда старе люди были своего рода аккумуляторами и передатчиками знаний, играли роль основных воспитателей подрастающих поколений, если не в отношении практических навыков и сноровки (чему те учились у старших товарищей), то в отношении более глубоких знаний о природе, об истории своего народа, об этических правилах и этикете и т.п. На Кавказе, отличавшимся пестрым языково-культурным и религиозным составом, в условиях постоянно возникавших межродовых и межэтнических распрей, вероятно, только старе люди, умудренные жизненным опытом, могли погасить пламя конфликтов, грозящих взаиморазрушением обеих сторон. Те социумы, которые ранее других закрепили традиции геронтократии и геронтофилии, получили ощутимые преимущества и возможности для адаптации к природной и социальной среде. Сказанное не следует понимать, как какой-то призыв к возрождению геронтократии во имя увеличения долголетия; в геронтократии, как показала история, есть немало негативных элементов, обусловленный ею консерватизм жизни существенно препятствует внедрению инноваций и общему ходу прогресса. Однако без умеренного консерватизма этнокультурных установок и без геронтофилии, укрепляющей связь поколений, любому этносу

может грозить деэтнизация.

Второе наше исследование, начатое нами в 1986 г. под общим названием "Этническая экология переселенческих групп", также требует некоторых предварительных пояснений. Процессы, происходившие и происходящие в группах, которые в результате дальних миграций попадали в непривычные для них природные условия и вступали в контакты с этносами, существенно отличающимися от них в социально-экономическом и языково-культурном отношении, давно уже привлекают внимание этнографов, антропологов и специалистов многих других общественных и естественных наук. Каждая из таких наук или научных дисциплин преследует при этом свои интересы, но все они так или иначе смотрят на объект исследования как на своего рода эксперимент, поставленный самой историей, относительно возможности физического выживания и сохранения социально-культурного единства таких групп в новых для них средовых или экологических условиях путем адаптации к этим условиям.

В Советском Союзе, с его огромной территорией, а ныне - в Российской Федерации, разнообразной в природном отношении, и населением, разнородном в этнокультурном отношении, а также значительным развитием дальних миграций, исследования такого рода имеют существенное научно-теоретическое и прикладное значение. Одним из наиболее актуальных и перспективных объектов изучения особенностей и закономерностей процесса адаптации, несомненно, являются многочисленные локальные группы русских, возникшие в результате одновременных и разнопричинных переселений их с основной этнической территории в различные районы: от Закавказья и Средней Азии до Северного и Тихого океанов.

В предыдущих главах да и при характеристике комплексного исследования сложнейшего (полужизненного) долговременного рода или группы образцов о проблемах

адаптации давнего "коренного" населения. Что же касается адаптации переселенческих групп, то ее изучение до последнего времени проводилось спорадически, и связанная с этим проблематика в научной литературе не была определена достаточно четко. Многие относящиеся к этой тематике вопросы разработаны пока еще слабо. Это касается прежде всего узловой проблемы определения степени адаптированности той или иной этнической группы к новой природной среде. Оценка ее по режиму естественного воспроизводства, как это обычно делается в отношении популяций животных, здесь не вполне пригодна, так как один и тот же естественный прирост может получиться как при сочетании высокой рождаемости и высокой смертности, так и низкой рождаемости - с низкой смертностью. Поскольку основным средством небиологической адаптации является культура, представляется логичным оценить полезность (для успешной адаптации) каждого ее элемента, начиная с хозяйства и материальной культуры, в том числе поселений и жилищ, сезонной одежды и обуви, пищи и др. применительно к конкретным природным условиям (высоте местности над уровнем моря, температуре и влажности воздуха и т.д.). При этом так или иначе, исследователю приходится выходить на биологию человека, учитывать не только полезность или комфортность элементов культуры, но и их позитивное или негативное воздействие на здоровье, на различные виды заболеваний (простудные, инфекционные и др.) и в конечном счете на смертность как в среднем по всей популяции, так и в различных половозрастных группах. Довольно удобным в этом отношении является и процент долгожителей в той или иной этнической группе.

Вообще процессы этнокультурной адаптации к новой среде обитания имеют комплексный и многоуровневый характер. Затрагивая по существу все сферы быта и культуры переселенцев, они проявляются также в психологических, демографических и медико-биологических их особенностях, но

с различной интенсивностью и неодновременно; более того, процессы приспособления в отдельных сферах жизни отличаются относительной автономностью. Поэтому мы считали нецелесообразным оценивать адаптированность поселенцев и их потомков каким-то единым сводным показателем, а стремились подходить к этому процессу дифференцированно и точно определять ту область, на которую распространяются полученные нами результаты о характере адаптации.

Основным объектом нашего исследования были группы русских в Закавказье, переселившиеся туда 100-150 лет тому назад. Основную массу этих переселенцев составляли группы сектантов, преимущественно духоборов и молокан (меньше - субботники, прыгуны и др.) - из сект, возникших в южных губерниях России (Курской, Тамбовской, Орловской и Саратовской) и подвергавшихся притеснениям и гонениям со стороны государственной православной церкви и царских властей. Одним из последних видов таких гонений и было по-существу насильственное переселение этих сектантов в Закавказье, начавшееся в 1830-х гг., т.е. вскоре после окончательного присоединения всего этого края к России и утверждения там царской администрации. Процесс этих миграций был довольно хорошо изучен Д.Д.Исмаил-Заде, согласно данным которой уже к 1844 г. на территории Закавказья было поселено 8,6 тыс. сектантов и раскольников; к 1886 г. среди сельского населения Закавказья насчитывалось 63,1 тыс. русских, а по переписи 1897 г. - 107,5 тыс., около половины которых составляли сектанты⁸. В последующие годы 7,5 тыс. духоборов переселилось в Канаду, что, наряду с продолжавшими прибывать в Закавказье группами православных крестьян изменило баланс в сторону последних, однако сектантские общины оказались лучше адаптированы к новым условиям и более устойчивы, и их численное преобладание среди сель.

ского русского населения Закавказья постепенно восстановилось.

Изучение адаптации русских старожилов в Закавказье пока еще не завершено и приводимые далее материалы и выводы относятся преимущественно к группам, поселившимся на территорию современного Азербайджана, который был исследован нами ранее других республик; однако основные полученные выводы по этим группам, насколько можно судить по обследованиям, проведенным в Армении и Грузии, достаточно характеризуют процессы, происходившие во всем этом регионе.

Естественно, что русские переселенцы в Закавказье прежде всего стремились основать свои новые селения в таких местах, природные условия которых не очень сильно отличались бы от таковых в районах их выхода, чтобы продолжить свое традиционное хозяйство. Но это удалось не сразу и не всем. Вначале местная администрация стремилась размещать русские селения на равнинных и предгорных территориях, считавшихся более удобными для развития земледелия и скотоводства и использовавшихся до того главным образом в качестве зимних пастбищ кочевников. При этом не учитывалось однако, что традиционное хозяйство и санитарно-бытовая культура русских, в отличие от армян и оседлых азербайджанцев, мало соответствовала этому. В результате этого группы первых русских поселенцев сильно страдали от жаркого климата и загрязненной питьевой воды, от малярии и желудочно-кишечных заболеваний, а потому через своих ходяков, получив разрешение от администрации, стали выбирать участки в среднегорной, наименее заселенной полосе (800-1600 м над уровнем моря) — в залесенных и горно-луговых районах, использовавшихся местным населением как весенне-летние пастбища. Здесь было сравнительно нежаркое лето, достаточно плодородные горные бурные и коричневые, а на степных участках и черноземные почвы, наличие леса (преиму-

щественно широколиственных пород) для строительных материалов и топлива, сравнительно чистая вода и другие условия, способствовавшие адаптации русских. Большинство же основанных ранее селений было заброшено.

Выбор конкретного местоположения селения зависел в первую очередь от обеспеченности питьевой водой и, в гористой местности, от ориентации склона по странам света, с предпочтением юго-восточных "солнечных" склонов. Гористые условия обычно определяли и преимущественно вытянутую "линейную", а не квартальную планировку. Ширина улиц обычно составляла до 20 м и более, что обеспечивало разезд фургонов и провоз больших плугов, прогон многочисленного скота, а также некоторую пожарную безопасность противоположной стороны. Однако это имело и свои негативные стороны, так как в горах выбитая и разезженная поверхность легко размывается, поэтому улицы быстро превращались в большую эрозированную поверхность, источник пыли и грязи. Что же касается водообеспечения, то традиционные методы (колодцы, запруды, отводные каналы) сочетались у русских поселенцев с заимствованным у азербайджанцев строительством водоводов — узких канав до 0,5 м с выложенными камнем дном и стенками и с досчатым или другим видом перекрытия, засыпанным сверху землей; обычно к одному селу с разных сторон — от родников с соседних возвышенностей — подводили несколько водоводов, кончавшихся каменной стенкой с отверстием и корытом.

Формы жилых построек в большинстве русских старожильческих селений отражали традиции южнорусских губерний. Первоначально поселенцы возводили деревянные срубы из распиленных вдоль дубовых или буковых бревен, но быстрое оскудение лесов привело к замене срубных построек на каркасные, с применением опорных столбов, жердей, глины и самана; такие постройки были более надежны, по сравнению с распространенными среди азербайджан-

цев каменными в случае бывавших в Азербайджане земля-трясений; кроме того, русские считали, что в каменных домах зимой было сыро и холодно.

Оказавшись в новых условиях жизни, русские поселенцы вначале старались, как уже говорилось, воссоздать традиционную модель хозяйства с ведущей ролью земледелия, прежде всего — неорошаемого полеводства, и с второстепенным значением скотоводства на основе близкого выпаса летом и стойловым содержанием зимой. В ходе адаптации преобладающее значение земледелия сохранилось, но в посевах стали преобладать местные сорта пшеницы, ячменя и других злаковых. Посевы ржи и гречихи, небольшие запасы которой переселенцы взяли с собой, уже во второй половине XIX в. сократились, а после коллективизации уже не проводились, что обусловлено, вероятно, трудностями обновления семейного фонда этих злаковых, не вполне благоприятными условиями для выращивания и отсутствием спроса на местном рынке. В сравнительно высоко расположенных горных селениях повысилась роль огородничества и особенно картофелеводства, ставшего во многих из таких селений основным занятием крестьян. Садоводство развивалось довольно слабо, так как в большинстве районов практиковался сбор плодов дикорастущих растений (груши, яблоки, кизил, ежевика и др.); кроме того, распространился обмен русскими поселенцами зерна или картофеля на сухофрукты азербайджанских садоводов. В 1920—1930-х гг. в большинстве равнинных и низкотгорных селениях русских распространилось виноградарство и виноделие. Русские поселенцы обычно пользовались своими сельскохозяйственными орудиями как более производительными, но некоторые орудия заимствовали у коренного населения; это относится в частности к использованию кавказских молотильных досок, дававших лучший эффект по сравнению с ранее применявшимися русскими цепями.

Наиболее сильные адаптивные изменения произошли в скотоводстве русских поселенцев, значение которого повсеместно возросло, а формы существенно изменились. Жители многих русских селений заимствовали у своих этнических соседей, прежде всего азербайджанцев, формы отгонного скотоводства, при которых крупный рогатый скот отгонялся летом на удаленные горные пастбища, а зимой — на равнинные. При этом, однако, со скотом уходили только немногочисленные пастухи, а не целые семьи, как было принято у полукочевых овцеводов-азербайджанцев. Довольно существенно возросло значение в хозяйстве русских крестьян ремесел и извоза, т.е. занятий, слабо распространенных у местного азербайджанского населения.

Пристальное внимание было уделено особенностям адаптации давних русских поселенцев в сфере питания¹⁰. Традиции в этой сфере материальной культуры оказались в целом более устойчивыми, чем в хозяйственной деятельности, с которой питание непосредственно связано. Это касается прежде всего религиозно табуированных видов пищи; например среди молокан запрещалось употреблять свинину, зайчатину, некоторые виды рыб, лук и чеснок, что в молоканских общинах соблюдается до сих пор. Употребление сахара также считалось грехом, он обычно заменялся медом, а потому в местах своих новых поселений молокане (а также многие другие русские крестьяне) возобновили пчеловодство, почти совершенно неизвестное местному населению; лишь в последние десятилетия, когда пчеловодство пошло на убыль, молокане стали употреблять сахар. Среди русских старожилов Закавказья до последнего времени сохранились некоторые старинные русские блюда: кудага (на основе солода), саломата (заваренная кипятком и обжаренная в растительном масле мука), затируха (протертое через сито тесто, сваренное в кипятке с картошкой) и др. Поселенцы иногда лишь заменяли одни отсутствующие компоненты на другие; так, ржаная

мука заменялась пшеничной, в кулагу, за неимением ка-
лины и черемухи, стали добавлять сухофрукты и т.п.

Нововведений в этой сфере было сравнительно немного и они не нарушили традиционную систему питания. К таким нововведениям относится уже упомянутое выше использова-
ние местной дикорастущей флоры, но в этом отношении (и особенно по употреблению дикорастущих трав) русские по-
селенцы значительно уступают азербайджанцам, армянам и другим закавказским народам. Несколько увеличился набор употребляемых овощей в число которых вошли баклажаны, кабачки, фасоль, болгарский перец и др. Наиболее же существенными были заимствования в деле обработки и хранения молочных и мясных продуктов. В пищу русских крестьян вошло широко распространенное у народов Кавка-
за кислое молоко "мацони", отжатое кислое молоко, каймак (пенки с кипяченого молока) и айран (сыворотка из под сбитого масла), а также блюда, в которых они являются важным компонентом, прежде всего - кисломолочный суп с зеленью - "довга". В число мясных блюд, при изготовле-
нии которых баранина предпочиталась говядине, вошли шашлык, люля-кебаб, пити и др. Часть новых блюд стала использоваться даже в обрядовых кушаниях; так, на моло-
канских свадьбах кроме традиционных блюд (борщ, лапша, мясо с картошкой, рисовая каша с изюмом) отмечено упот-
ребление долмы (небольшие голубцы), кяты (слоенные пи-
рожки) и некоторых других азербайджанских блюд, подава-
емых, впрочем, на столы, где сидит более молодое поко-
ление. Русские крестьяне стали употреблять виноградное вино, особенно с развитием виноградарства, но предпоч-
тение сохранилось за брагой и самогином из злаковых.

Уместно отметить, что заимствования коренными наро-
дами Азербайджана элементов русской кухни были сравни-
тельно небольшими и ограничивались главным образом рай-
онами распространения русских селений или отдельными

селениями, к которым с течением времени стали все активнее приселяться азербайджанцы, а в северных районах и лезгины. Значительную популярность приобрел русский хлеб печного изготовления, в употребление (особенно в зимнее время) вошли щи и борщ, квашеная капуста и моченные яблоки. Наиболее поразительным было то, что многие мусульманские по своей религии поселенцы к русским общинам стали за неделю до русской Пасхи выпекать куличи и традиционные чуреки, красить яйца и дарить то и другое русским соседям, чтобы через неделю - в свой праздник получать от них ответные подарки. Это, наряду с другими отмеченными явлениями, в частности - довольно широким развитием между русскими и соседями мусульманами дружеских связей - "куначества", свидетельствовало о благоприятном сожительстве групп, различных не только в этническом, но и в религиозном отношении; в немалой степени это можно объяснить и тем, что русские с преимущественно земледельческим уклоном и азербайджанцы с ведущим значением животноводства в условиях достаточно в то время землеобеспечения занимали различные в эколого-хозяйственном отношении "ниши".

Изучение адаптации давних русских поселенцев в Закавказье имело, как уже отмечалось, комплексный характер и кроме кратко охарактеризованных выше и некоторых других довольно традиционных для этнографических исследований компонентов материальной культуры включало исследование некоторых сторон духовной культуры и социальной организации, а также - психологической адаптации и антрополого-биологических изменений. Особый интерес при этом представлял анализ психологической адаптации к природной среде, так как эта проблематика ранее не привлекала должного внимания советских и зарубежных ученых^{II}. Это исследование, проведенное Н.М. Лебедевой по разработанной ею оригинальной методике, привело к

заклучению, что давние русские поселенцы вполне удовлетворительно адаптировались к тому типу ландшафта, который они видят с раннего детства вокруг своего села, своей "малой родины". Однако наибольшее удовлетворение вызывает у них тип природной среды, близкий к тому, который был характерен для мест выхода первых переселенцев и который может быть назван равнинной лесостепью; именно для такого ландшафта ими применялась наиболее весомая характеристика "просторность". При оценке нетрадиционных для южной России горных ландшафтов русские предпочитали использовать такие сводные характеристики как "веселый" и "щедрый", обладающие наибольшим "весом" в ответах азербайджанцев. Можно предположить, что в психосемантической структуре представителей каждого этноса есть довольно устойчивые элементы, через призму которых воспринимаются природные ландшафты, но такая структура может в той или иной степени меняться под воздействием новых типов ландшафтов.

Другой не менее важной задачей исследования являлась оценка адаптации поселенцев к новой этнокультурной среде обитания. Связанная с этим проблематика уже привлекала внимание исследователей, поэтому отмечу лишь, что в нашем исследовании основное внимание было уделено рефлексивной функции этнических стереотипов, особенно авто-стереотипов, как подвижных компонентов этнического самосознания, чутко реагирующих на изменения внешней и внутренней среды данной группы¹². Этнические стереотипы исследовались в трех основных формах, или направлениях: 1) как отражение изменений, происходящих в этнической общности в результате межэтнического общения и межкультурных заимствований; 2) как рефлексия подобных же изменений, явившихся результатом отрыва от основного этнического массива и отраженных в представлениях об отличиях от "русских в России"; 3) как характер и интенсивность межэтнического общения. При этом имелись в

виду два уровня психологической адаптации к иной этнокультурной среде: индивидуально-личностный и социально-общинный.

В результате исследования групп русских поселенцев на территории Азербайджана было установлено, что психологическая адаптация их к иной этнокультурной среде была не вполне успешной. Поселенцы осознают свои отличия от основной массы русских "в России", связывая это не только с исходными и сохранившимися конфессиональными различиями, но и с утратой, по их мнению, на новом месте некоторых положительных психологических качеств (доверчивость, щедрость и др.) и приобретением некоторых отрицательных качеств (скрытость, замкнутость, хитрость и др.). Несмотря на это, в автостереотипе русских проступает их более высокий культурный статус по сравнению с азербайджанцами, что, наряду с признанием такого качества как "замкнутость", можно рассматривать как механизм "психологической защиты" (или контрстигматизации) русских поселенцев от проникающих в их среду инокультурных элементов, угрожающих их этнокультурной целостности и специфике. Наибольшая "жизнеспособность" в этнокультурном отношении оказалась у сравнительно крупных русских общин (в селах, имеющих около 3 тыс. жителей); в селениях же, где русских значительно меньше и они уже не составляют большинства жителей, этнозащитные механизмы ослаблены, русские уже не представляют в них целостные социумы, а распадаются на малые группы, а то и на отдельные семьи. На уровне личностного сознания это ощущается как острый дискомфорт, побуждающий людей либо искать необходимое им чувство "мы" в воссоединении с основной частью русского этноса (путем миграций в Российскую Федерацию), либо вживаться в иноэтническое окружение путем аккультурации, а то и ассимиляции.

Весьма трудоемкой оказалась та часть нашего исследования, которая касается биологической адаптации русских

переселенцев в Закавказье и сводится в конечном счете к оценке здоровья потомков этих переселенцев (в 5-6 поколениях) как по сравнению с местными этносами, так и с русскими популяциями в основных районах выхода этих переселенцев. Антропологами установлено, что русские старожилы Азербайджана по сравнению с жителями южной России более брахикефальны, имеют большие широтные размеры головы и лица, а также несколько более крупные размеры тела, однако не вполне ясно, можно ли объяснить это проявлением гетерозиса или это обусловлено антропологическим составом первоначально возникших сектантских общин.

Известно, что любое более или менее значительное переселение на новое место жительства сопряжено с перестройкой внутренней деятельности организма человека. Такие изменения, получившие по Г.Селье название "адаптационного синдрома", при длительном воздействии стрессогенных факторов приводят к развитию некоторых неинфекционных заболеваний, в первую очередь гипертонии и атеросклероза, а в отдельных случаях - сахарного диабета, раковых заболеваний и др.¹³ Материалы медицинских исследований, проведенных в ряде районов Азербайджана, особенно в сравнительно жизнеспособной общине с.Ивановка (Исмаиллинский район) показали, что у русских преобладает ишемическая болезнь сердца и гипертония, а у азербайджанцев - болезни органов дыхания и пищеварения, причем смерть у русских (по данным стационаров) наступает чаще всего от инфаркта миокарда и сердечной недостаточности. Во всех возрастных группах от 20 до 80 лет частота сердечно-сосудистой патологии у русских в 2-3 раза выше, чем у азербайджанцев. Эти данные трактовались медиками, проводившими обследование, как нарушения в структуре взаимоотношений генотип-среда и свидетельствовали, по их мнению, о дезадаптации русских к природной и этнокультурной среде обитания. Однако, учитывая

эпохальную динамику заболеваемости, следует рассмотреть версию и о том, что русские переселенцы уже имели генетически закрепленную предрасположенность к сердечно-сосудистой патологии. Окончательный вывод может быть сделан только после завершения всех намеченных нами исследований.

В заключение остановлюсь на собранных материалах по демографической истории русских поселенцев в Закавказье, в которых, по крайней мере отчасти, отражены процессы адаптации их к новой природной и этнокультурной среде, а также проходивших социальным изменениям. Установлено, что число жителей равнинных русских селений росло медленнее, чем в горных, природные условия которых были ближе к местам выхода переселенцев, а в селениях, образованных в первые десятилетия переселенческого процесса в сравнительно благоприятных местах, — быстрее, чем в селениях, основанных в конце XIX — начале XX вв. (например, в Муганской степи); многие из последних в тяжелые 1910-е гг. были заброшены. В 1920-е годы численность русского сельского населения в Закавказье стала возрастать, но к 1926 г. составила лишь около 85 тыс. человек, т.е. была еще существенно выше, чем по переписи населения 1897 г. Зато перепись 1939 г. показала увеличение этой численности втрое — до 262 тыс. человек, что произошло за счет естественного прироста, но главным образом за счет нового притока из РСФСР, особенно — в Азербайджан и Грузию.

Демографическая ситуация была резко нарушена в годы Великой Отечественной войны из-за повсеместного снижения рождаемости, вследствие разрыва прежних и отсрочки заключения новых брачных связей и из-за увеличения числа вдов (в некоторых селах, например, в Ивановке, погибло около половины всех фронтовиков). Немаловажное демографическое значение имел упадок сельского хозяйства в годы войны и послевоенный парад, что побуждало

к миграциям в города, а так как среди мигрантов преобладали молодые возраста, то это также приводило к снижению рождаемости и естественного прироста. Постепенно стали усиливаться и факторы миграции, обусловленные чувством этнокультурной и социальной ущемленности русских поселенцев. Такие факторы наиболее ощутимы в Азербайджане, где азербайджанцы стали все более активно приселяться к русским селениям; кроме того районные власти стали объединять русские селения с экономически менее развитыми азербайджанскими в рамках единых сельсоветов, колхозов и совхозов, причем азербайджанцы при поддержке того же районного начальства стали постепенно занимать важнейшие административные и хозяйственные посты, существенно ограничив тем самым возможное социально-экономическое продвижение русских. Издавна бытовавшая среди азербайджанцев и усилившаяся в период застоя недемократическая система "патронажа" с сборами, взятками и элементами теневой экономики, воспринимается русскими не столько как социальное, сколько как национальное ущемление, от которого можно найти избавление лишь в переселении. Общая численность русского сельского населения Азербайджана сократилась с 62 тыс. в 1959 г. до 41 тыс. в 1970 г. и 28 тыс. в 1979 г.

Во многом аналогичные процессы происходили в Армении и Грузии, хотя чувство этнокультурной и социальной ущемленности у русских здесь было слабее. Численность русского сельского населения в этих двух республиках уменьшилась со 147 тыс. человек в 1939 г. до 102 тыс. в 1959 г. и 68 тыс. в 1979 г. Во многом сходным было и развитие событий в 1980-х гг., особенно после 1985 г., когда обусловленный "перестройкой" курс на демократизацию общественной жизни и на повышение суверенитета национальных республик неожиданно для многих привел к росту местного национализма и к межнациональным столкновениям главным образом между азербайджанцами и армя-

нами ¹⁴. По ряду причин и прежде всего из-за использования для наведения порядка воинских частей преимущественно русского состава, среди всех "титulyных" наций стала расти неприязнь к русским, что усилило стремление тех уехать из Закавказья в пределы РСФСР. Перепись населения 1989 г. показала уменьшение русского сельского населения во всем Закавказье до 74 тыс. человек, а в последующие годы это сокращение продолжилось.

Дальнейшее развитие нашего исследования по этнической экологии русского народа позволит установить особенности адаптации русских переселенческих групп и в других окраинных регионах страны.

1. См.: Население Мира. Демографический справочник. М., 1989. С.208-215.
2. См. напр.: Султанов М.Н. Азербайджан - страна долгожителей. Баку, 1982. С.31 и др.
3. См. Абхазское долгожительство. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане. М., 1989 и др.
4. Маньковский И.Б., Минц Л.Я., Кузнецова С.М., Белоног Р.П. Долгожители: нейрофизиологические аспекты. Л., 1985.
5. Мехралиев Э.К., Эюбов Н.Г. Взаимосвязь между высотой местности и процессами долголетия (на примере Азербайджанской ССР) // Научные труды Министерства высшего и среднего спец. образования АзССР. Серия геолого-географ. наук. 1979. Вып.5.
6. См. напр.: Бейкер П.Т. Адаптивные возможности высокогорных популяций // Биология жителей высокогорья. М., 1981. С.349-384.
7. Яброва В.С. Дикорастущие лекарственные растения Абхазии. Сухуми, 1940. С.5-7.

8. Исмаил-Заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX в. - начало XX в. М., 1982. С.38-39, 60-61, 127.
9. См.: Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX-XX в.). Сов. этнография, 1988, № 6; Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Сов. этнография, 1989, № 5; Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. I-2, ртпр. М., 1990.
10. Кроме названных работ см. также Григулевич Н.И. Этноэкологические исследования локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении // Сов. этнография, 1990, № I.
11. В опубликованной у нас книге Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию (М., 1988) проблемы адаптации даже не упомянуты.
12. См. напр.: Handbook of Cross-Cultural Psychology, v.5, Boston, 1980; Fiskeham A., Buchner S. Cultural Shock, Ib, cit.
Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С.7-36.
13. См.: Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.
14. О причинах такого развития межнациональных отношений см.: Козлов В.И. Национальный вопрос: парадигмы, теория и практика // История СССР, 1990, № I.

Этноэкологическая ситуация и этнические конфликты

Крупнейшим геополитическим событием идущего к своему завершению XX столетия стал происшедший в начале 1990-х гг. развал мировой супердержавы Советского Союза на отдельные части, бывшие до того союзными республиками. А так как почти все эти республики были созданы по национальному признаку, отраженному в их названии (Белорусская, Украинская, Литовская и др.), то совершенно ясна ведущая роль в этом процессе национальных факторов, проявившихся в данном случае в виде движений национализма и национал-сепаратизма. Во многом аналогичные процессы, кстати сказать, привели к развалу на отдельные государства Югославии и Чехословакии, придерживавшихся до того советской модели национально-государственного устройства. В этой модели, как теперь признают многие исследователи, были изначально заложены дезинтеграционные тенденции, которые в благоприятных для них условиях проявились в полную силу¹. В Югославии это сопровождалось длительными военными столкновениями между Сербией и Хорватией и особенно при этническом (точнее - этнорелигиозном) разделе территории Боснии. Развал Советского Союза прошел на удивление мирно, межэтнические конфликты и столкновения здесь происходили главным образом внутри новых суверенных государств, преимущественно в Закавказье, где разгорелся Карабахский (армяно-азербайджанский) конфликт внутри Азербайджана, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты внутри Грузии. Отнюдь не исключены, впрочем, подобные конфликты и внутри Российской Федерации, что заставляет уделять им самое приставное внимание.

Межэтнические конфликты возникают и развиваются под воздействием различных факторов, среди которых основное

базовое значение обычно имеют экономические; нередко однако случаи, когда экономика оттесняется на второй план например обострившимися национальными чувствами; достаточно показательно, что в результате развала Советского Союза экономическая ситуация в большинстве бывших союзных республик существенно ухудшилась, но это не привело к возрождению прежнего Союза. Немаловажное место среди факторов межэтнических конфликтов занимает группа таких, которые могут быть названы "экологическими". До сих пор они не привлекали должного внимания исследователей, и мне представляется целесообразным восполнить в какой-то степени это упущение.

Начиная, как принято, с историографии вопроса о сути и факторах межэтнических конфликтов, отмечу своеобразную попытку Л.Н.Гумилева подойти к ним с позиций естественных наук. О выдвинутой им концепции этноса и этнической истории кратко говорилось во Введении, но теперь уместно остановиться на этом более подробно.

По концепции Л.Н.Гумилева этносы являются не социальными, а биолого-географическими категориями, возникновение которых так или иначе приурочено к определенным природным (ландшафтным) ареалам, что придает его концепции экологическую окраску, оцениваемую довольно высоко; так И.И.Крупник заявил: "Ярким и совершенно особым направлением этноэкологии являются работы Л.Н.Гумилева и его концепция этногенеза как природного (географического) процесса"². К сожалению, словом "яркий" относится лишь к стилю изложения Гумилевым своей концепции; смысл же ее довольно невразумителен, а то и несуразен. Он трактует этносы то как явление "биохимическое", то как "явление энергетическое", связывая их происхождение с деятельностью отдельных выдающихся личностей ("пассионариев"), которые появляются в определенных местах Земли вследствие мутаций от космических

лучей и вокруг которых обычные люди объединяются по принципу "комплиментарности" (как собаки или лошади вокруг хозяина). Ничего "экологического" в такой концепции этноса по-существу нет ³.

Среди других основных положений концепции Л.Н.Гумилева отмечу еще две. Одна из них касается постепенного угасания жизнедеятельности любого этноса по мере "гибели пассионариев и их генов", причем весь цикл "этногенеза" (этнической истории - В.К.) от появления этноса до превращения его в "реликт" занимает около 1200 лет: "инерция пассионарного толчка теряется за 1200 лет при любом, даже самом благоприятном варианте, но лишь счастливые этносы доживают до благоприятного (?- В.К.) конца". Другое - заключается в том, что Гумилев, прокламируя понятие этноса как своего рода системы, работающей на "биохимической энергии", приписывает каждому этносу наличие своего "энергетического поля" с определенным ритмом, что и определяет взаимодействие этносов: "Когда носители одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чуждое"; если в одну этническую систему "вторгается новая чужая этническая целостность, то она, не находя для себя экологической ниши, вынуждена жить не за счет ландшафта, а за счет его обитателей. Это не просто соседство, и не симбиоз, а химера, т.е. сочетание в одной целостности двух разных несовместимых систем. В зоологии химерными конструкциями называются, например, такие, которые возникают вследствие наличия глистов в органах животных". И далее: "Этническая (отнюдь не расовая) метисация не может быть расценена однозначно. При одних обстоятельствах места и времени она губит этнические субстраты, при других - деформирует, при третьих - преобразует в новый этнос. Но она никогда не проходит бесследно. Вот почему небрежение этнологией, будь то в масштабах госу-

дарства, родового союза или моногамной семьи (? - В.К.), следует квалифицировать как легкомыслие, преступное по отношению к потомкам" ⁴.

Приведенные и подобные им странные, мягко говоря, высказывания Л.Н.Гумилева были обусловлены, вероятно, различными причинами. Главная же из них, по моему разумению заключается в том, что этнос, как и большинство других социумов, представляет собой очень сложное явление. Однако сложность его возникновения и развития поддается научному анализу. Гумилев, очевидно, не захотел потрудиться над таким анализом или не смог его провести, а потому упростил свои задачи и попытался объяснить сложные социальные процессы менее сложными биологическими, а также химическими и даже физическими в виде космических лучей, которые вызывают в определенных (уж не Богом ли?) ареалах процессы мутагенеза с появлением пассионариев, формирующих этносы. Попытки объяснить социальные процессы биологическими факторами делались неоднократно, например в концепциях так называемых социал-дарвинистов (Л.Гумплович, Г.Ратценгофер и др.); они были отвергнуты мировой научной общественностью из-за несостоятельности и за свой расистский подтекст, но, как видно, кажущаяся возможность объяснять сложное - простым будет еще долго притягивать некоторых авторов.

Мне очень не хотелось бы применять по отношению к не так давно умершему Л.Н.Гумилеву какие-то нехорошие термины, но опубликованные идеи, как известно, начинают жить независимо от их автора, а плохих идей у него немало. К ним относится и сравнение поведения людей с поведением домашних животных, идущих за хозяином, и сравнение "чуждых" этнических групп с попаршими в организм глистами, и оправдание межэтнической неприязни, ведущей по-существу к геноциду, ссылкой на взаимодействие "людей различного ритма" и призывы к государству

и "моногамным семьям" не допускать этнически смешанных браков, и многое другое, что отмечено мною в посвященных этому критических статьях⁵. Отнюдь не безобидно, кстати сказать, и утверждение Гумилева о том, что предельный срок существования этноса — 1200 лет; известно, что армянский этнос существует уже свыше 2000 лет, а, например, баскский — и того более: неужели им давно пора "умирать"?...

В рассуждениях Л.Н.Гумилева о био-физической сущности межэтнических конфликтов реальная речь экологических факторов не обнаруживается. При научном анализе их следует исходить из понятия жизнеобеспечения этноса.

Наиболее важной для бытия этнических общностей является, как уже отмечалось, традиционная система их материального жизнеобеспечения, в которую входит традиционно преобладающий вид, или виды, хозяйственной деятельности, создающей пищу, одежду, жилище и другие компоненты так называемой материальной культуры. Такое жизнеобеспечение осуществляется на этнической территории

(и акватории) с природными условиями, к которым этнос исторически адаптируется и которые сами так или иначе отражаются в его хозяйстве и культуре, а также в его сознании. Поэтому почти любое существенное нарушение уже установившихся традиционных систем жизнеобеспечения со стороны иноэтнических групп может болезненно отразиться и в самосознании, создать психологическую основу для этнического конфликта.

Одним из наиболее древних и тяжелых видов этнических конфликтов являются конфликты из-за владения той или иной территорией со всеми ее природными ресурсами, могущими стать основой жизнеобеспечения соперничающих групп. Территориальные споры и конфликты между государствами хорошо известны политологам, а пути урегулирования таких конфликтов занимают центральное место в меж-

дународном праве. Этнотерриториальные конфликты обычно проявляются внутри государств, не всегда подлежат международной юрисдикции, а потому изучены и регламентированы гораздо слабее государственно-политических; это отчасти обусловлено и тем, что смысл "этнической территории" понимается по-разному, этнические границы, в отличие от государственных, не зафиксированы специальными межэтническими соглашениями, а исторически давнее и почти повсеместное территориальное смешение этнических групп делает такую задачу практически неразрешимой.

В Советском Союзе территориальные отношения у большинства этносов были внешне регламентированы в ходе национально-государственного строительства, при создании союзных и автономных республик, автономных областей и округов. В действительности однако во многих случаях этнотерриториальные отношения были в результате этого "строительства" даже осложнены, так как единых правил для установления этнических границ в областях со смешанным национальным составом населения выработано не было, да и при административном размежевании этнический фактор часто отступал на задний ^{пл}ан экономической целесообразностью, а то и конъюнктурными соображениями. В одних случаях в национально-территориальных границах оказывалась лишь часть давней этнической территории и часть этноса (в Мордовской АССР, например, менее трети всего мордовского населения страны), в других — такими границами старались охватить чуть ли не все разорванные группы того или иного этноса, хотя в этом случае они охватывали и большие районы, издавна населенные иномонациональными группами: так, в границах обширной Башкирской АССР оказалось свыше 70 % всего башкирского этноса, но по численности башкиры уступили в этой республике как русским, так и татарам. По иному был решен вопрос о территориальной автономии бурят путем создания Бурятской

АССР и двух бурятских национальных округов в Иркутской и Читинской областях; несколько национальных округов было создано и для ненцев, однако и эти этносы в выделенных регионах составляли меньшинство жителей.

За длительный период Советской власти этнический состав населения многих национально-территориальных образований сильно изменился вследствие миграций, связанных главным образом с использованием природных ресурсов: в Якутской АССР, например, доля якутов во всем населении уменьшилась с 81,6 % в 1926 г. до 28,2 % в 1989 г. Однако границы таких образований не менялись, и укреплялось представление о том, будто бы охватываемое ими пространство является "этнической" территорией, а соответствующие "титულные" этносы (башкиры - в Башкирии, якуты - в Якутии и т.д.) являются ее "исконными" владельцами. В последние годы, в связи с ослаблением федеральной власти и появлением в ряде регионов национализма среди "титулных" этносов, а также начавшейся приватизацией сельскохозяйственных земель с логическим переходом к приватизации лесных массивов, месторождений полезных ископаемых и т.п., проблема этнотерриториальных прав сильно обострилась. Драматический характер приобрела ситуация в Тувинской республике, где вооруженные отряды тувинцев стали нападать на русских поселенцев, вынуждая тех к переселению-бегству за пределы республики. В дальнейшем по мере распространения фермерского хозяйства этнические конфликты, связанные с землевладением на иноэтнической территории могут усилиться; возможно появление их и в русских областях, если там появятся богатые иноэтнические фермеры, использующие труд русских батраков, подобно тому как в Ирландии XVIII - начале XX вв. английские лендлорды использовали местных ирландских батраков и арендаторов.

Сущность экологических факторов этнических конфликтов обусловлена однако не столько территориальными взаимоотношениями этносов, сколько традиционными системами их жизнеобеспечения, так как соперничество из-за земли между мноэтническими группами земледельцев существенно отличается, например, от отношений между земледельцами и скотоводами-кочевниками. Бывает так, что на обширной территории с разнообразными ландшафтами различные по системам своего жизнеобеспечения этносы находят для себя отдельные экологические ниши (скажем, земледельцы - приречные долины, а охотники - леса на водоразделах) и могут долгое время сосуществовать, не испытывая неудобств от своего соседства и даже находя в нем позитивные аспекты. Однако в большинстве случаев один из этносов своей хозяйственной деятельностью в той или иной степени нарушает систему жизнеобеспечения другого этноса, что и приводит к конфликтным ситуациям.

Историко-этнографические материалы свидетельствуют о том, что наиболее чувствительными к иноэтническому воздействию оказываются этнические группы, традиционное хозяйство которых имеет "присваивающий" характер (охота и собирательство, рыболовство, отчасти - кочевое скотоводство); такое хозяйство, основанное на непосредственном потреблении биологических природных ресурсов используемой территории (или акватории) требует, как известно, сохранения гомеостатического баланса соответствующих антропо-биоценозов, что достигается рациональными методами природопользования. Такой гомеостаз может быть нарушен не только вследствие существенного сокращения используемой территории, но и вследствие внедрения в ее пределы даже сравнительно небольших иноэтнических групп со своими системами жизнеобеспечения и методами ведения хозяйства, которые могут резко нарушить систему жизнеобеспечения аборигенных групп и привести к их деградации. Так произошло в Австралии, где группы абсригенов,

занимавшихся охотой и собирательством, были оттеснены европейскими поселенцами - земледельцами и скотоводами - в полупустынные районы; сходный характер имели процессы во многих регионах Северной Америки, например в зоне прерий, где система жизнеобеспечения индейских племен - охотников на бизонов (алгонкины, сиу и др.) - была разрушена владением проникновения европейских поселенцев - скотоводов и земледельцев.

В России присваивающий тип хозяйства долгое время сохранялся у этносов обширной таежной и тундровой зон, среди которых отмечу охотников на морского зверя - эскимосов, часть чукчей и коряков, оленеводов - ненцев, охотников на диких оленей - нганасан, бродячих охотников-олeneводоB тайги - эвенков и эвенов, рыболовов и охотников таежной зоны - хантов и манси и др. Устойчивость традиционных систем жизнеобеспечения здесь объяснялась тем, что природные условия тундры и тайги не допускали развития земледелия и продуктивного скотоводства (исключением были якуты, разводившие крупный рогатый скот и лошадей в широкой долине р.Лена), а потому и не привлекали крупных групп иноэтнических поселенцев (например, русских) с производящими типами хозяйства. Этнокультурное бытие тундровых и таежных этносов стало нарушаться главным образом в 1930-х гг. вследствие непродуманных попыток социалистического строительства, проявившихся во внедрении колхозной системы, в длительном разъединении родителей и детей, помещаемых в стационарные школьные интернаты и т.п., но эта проблема заслуживает специального рассмотрения.

Ситуация в тундровой и таежной зонах существенно изменилась в последние десятилетия вследствие развития там добычи полезных ископаемых, что сопровождалось массовым притоком иноэтнического (преимущественно русского) населения. В зоне тундры применение мощных наземных транспортных средств приводило к повреждению всего тон-

кого слоя почвы с имевшейся на нем скудной растительностью, к обнажению слоя вечной мерзлоты, загрязнению водоемов, и как следствие всего этого - к сокращению оленних пастбищ, отпугиванию песка и птицы, являвшихся объектами охоты. В зоне тайги увеличение добычи полезных ископаемых приводит к сокращению лесов вследствие их вырубки для промышленных и хозяйственно-бытовых нужд и от участвовавших пожаров, к уменьшению количества промысловых животных, загрязнению водоемов, где велось рыболовство и т.п. В особенно тяжелом положении оказались западносибирские этносы - ханты и манси, традиционное жизнеобеспечение которых, основанное на таежной охоте и рыболовстве, деградировало вследствие широкой разработки на используемой ими территории добычи нефти и газа; в тяжелом положении оказались и оленеводы ненцы на полуострове Ямал. Приток в эти регионы иноэтнического (преимущественно русского) населения был настолько велик, что доля аборигенных жителей в Ханты-Мансийском автономном округе сократилась с 1959 по 1989 гг. - в 10 раз - с 13,8 до 1,4 % от общего числа жителей; в Ямало-Ненецком округе - с 22,4 до 4,2 %. Таким образом, даже осуществление этих округов как "национально-территориальных" оказалось весьма условным.

О нарушении систем традиционного жизнеобеспечения тундровых и таежных этносов в настоящее время известно многим, но обсуждение связанных с этим этноэкологических по своей сущности проблем идет недостаточно эффективно из-за трудности нахождения оптимальных путей их решения, а также по причине слабой подготовки фактического материала; до сих пор не составлены необходимые в данном случае этноэкологические карты с показом основных территорий, используемых аборигенными этносами для оленеводства, рыболовства и охоты и степени сохранности на них традиционного хозяйства. Намечились два основных пути решения здесь этноэкологических проблем.

Один из них предусматривает закрепление за аборигенными этносами всех используемых ими территорий; расположенные на них предприятия добывающей промышленности должны быть подвергнуты экологическому надзору и сокращены, а налог с них идти на пользу аборигенов. Другой путь предусматривает сохранение и даже развитие предприятий добывающей промышленности с усилением опять таки экологического надзора, а для аборигенных этносов должны быть выделены специальные территории ("культурные заповедники" или "резервации"), где они могли бы поддерживать свое существование и языково-культурную специфику отчасти за счет традиционного хозяйства, отчасти — за счет налогов от добывающей промышленности. Однако и в этом случае ассимиляция значительной части их представляется неизбежной.

Несколько иной характер имеют этноэкологические проблемы и обусловленные ими факторы этнических конфликтов в зоне лесостепи и степи, часть которых использовалась в прошлом этносами с полукочевым или кочевым типом скотоводства, но затем подверглась внедрению иноэтнических групп земледельцев. Довольно болезненные процессы взаимодействия кочевых скотоводов с земледельцами, завершающиеся обычно торжеством более продуктивного земледельческого хозяйства, переходом скотоводов-кочевников на оседлость с применением стойлового содержания скота, наблюдались во многих регионах Старого света, например на севере Китая, в присахарских областях Африки и др. На территории России они наиболее отчетливо проявились на территории между низовьями Волги и Предкавказьем, где кочевали калмыки и ногайцы, на южном Урале, где полукочевой образ жизни вели башкиры, а также южнее Байкала, где жили полукочевники-буряты. Значительные группы всех названных этносов под влиянием поселившихся на их территории земледельцев (преимущественно

венно - русских) перешла к земледелию, а позднее - вместе с русскими - и к промышленным занятиям, сохранив однако в фольклоре, обрядовой пища и некоторых других компонентах культуры память о прежней системе жизнеобеспечения и образе жизни. В условиях развития националистических движений, чему способствует неумелая и по сути децентралистукая политика федеральных властей, при продолжении спада производства, обнищании значительной части населения и трудностей становления крупного фермерского хозяйства, может появиться стремление к возрождению традиционного скотоводческого хозяйства с оттеснением иноэтнических земледелуцев. Такое развитие событий будет неизбежно сопровождаться этническими конфликтами.

Совершенно иной, не менее сложный, но более грозный по массовости затронутых ею людей имела этноэкологическая проблематика на юге государства - республик Средней Азии и некоторых областях Казахстана, где численность местных народов измеряется несколькими десятками миллионов человек. Основу традиционного хозяйства большинства из них составляет поливное земледелие, и надвигавшаяся экологическая беда здесь вызвана в первую очередь острой нехваткой воды, а также утратой части земель из-за их засоления, излишнего применения пестицидов и т.п. Дело дошло до того, что крупный водоем этого региона - Аральское море из-за забора воды в питающих его реках - Амударье и Сырдарье - в последние несколько десятилетий стал быстро усыхать и в ближайшее время, судя по всему, превратится в небольшие озера, а затем и прекратит свое существование с катастрофическими последствиями для многих жителей региона. Это относится прежде всего к каракалпакам и группам казахов, живущим в прибрежных районах Арала и уже сейчас страдающих от потребления полумертвой воды, от

песчано-соленой пыли, приносимой ветрами с высохших участков моря; особенно сильно возросла смертность у детей, еще неокрепший организм которых более подвержен воздействию негативных изменений природной среды.

Усугубляющийся экологический кризис в Средней Азии также привлекает пристальное внимание не только ученых, но и общественно-политических деятелей; по этому вопросу неоднократно создавались различные комиссии всех рангов и принимались решения об устранении или хотя бы смягчении действия основных причин развертывающейся катастрофы. К сожалению, такие решения не дали пока должного эффекта, и это можно объяснить либо недоучетом каких-то важных факторов, вызывающих экологический кризис, либо — факторов, препятствующих реализации постановлений. В этой связи мне представляется необходимым сказать о продолжающемся игнорировании важной роли демографического фактора экологического кризиса и связанных с ним этнических (культурно-бытовых) характеристиках. О серьезных демографических проблемах в Средней Азии мне приходилось говорить в специальной статье⁶, поэтому остановлюсь здесь лишь на основных ее выводах, имеющих отношение к экологии.

Демографическая ситуация в республиках Средней Азии по крайней мере с середины XX в., как и во многих развивающихся странах, отличается от европейской части страны. очень быстрым ростом численности местных этносов, обусловленным резким снижением уровня смертности при сохранении высокой рождаемости и носящим характер "демографического взрыва". За период с 1959 по 1989 гг. общая численность основных народов региона (узбеков, туркмен, таджиков и киргизов) возросла более чем вдвое — с 9,4 до 20,6 млн человек, а к началу XXI в. явно приблизится к 30 млн. Причины высокой рождаемости, обусловившей такой взрывообразный рост населения, коренятся в консервативном традиционном укладе жизни, под-

системы большую долю водных ресурсов, оставляя этносы, живущие ниже по течению рек, например, часть узбеков и упомянутых каракалпаков в низовьях Амударьи на скудном водяном "пайке". Переход суверенных государств на полный хозрасчет и экономическую самостоятельность, наряду с ростом национализма, несомненно приведет здесь к осложнению этнических отношений с возможными конфликтами, по сравнению с которыми кровавые события 1991 г. в Сикской области Киргизской ССР, где из-за небольшой территориальной неурядицы погибло несколько сот узбеков и киргизов, покажется незначительным эпизодом.

Рассмотрение примеров возникновения и трудного разрешения этноэкологических проблем в бывшем Советском Союзе можно было бы продолжить (здесь показательны в этом отношении и бедн, принесенные строительством каскада больших плотин и гигантских водохранилищ на великой русской реке Волге), но и приведенные примеры, относящиеся к сравнительно развитой стране, качество которой основывалось, казалось, на научно-плановых разработках, да и обзор всей экологической, так сказать, истории человечества наводят на довольно грустные размышления. Появление на земном шаре нового биологического вида - "Homo sapiens" - (человека разумного) имело чрезвычайно важные последствия для всех ее внешних оболочек, в том числе и биосферы. Развитие человечества идет все более ускоряющимися темпами и только за два последних столетия, после вступления его в стадию промышленного развития, а затем и в стадию научно-технической революции появились могущественные средства воздействия людей на природу и на себя подобных. Но это развитие, обусловленное совершенствованием главного отличительного признака человека - его мышления - было почти столь же односторонним и в некоторых отношениях и почти столь же тупиковым, как развитие клыков у сабле-

зубого тигра, так как проявлялась чаще в росте могущества разрушения, нежели — могущества созидания; люди способны разрушить Луну, бомбардируя ее ракетами с термоядерными зарядами, могут истребить почти полностью жизнь на Земле, включая и самих себя, но они оказались неспособными создать хотя бы небольшой живой организм, ускорить в несколько раз рост растения или животного и даже — вырастить на большом участке вырубленного леса точно такой же. И уже в этом — причины той экологической трагедии человечества, о которой уже говорилось выше — в 6 главе данной монографии. Именно в таких случаях, кстати сказать, проблемы этнической экологии выступают в своем почти полном комплексе, охватывающим отношения этнических групп как с природной, так и с социально-культурной средой.

В заключение этого краткого обзора следует остановиться еще на по-существу экологических факторах этнических конфликтов. Один из них обусловлен различиями в этническом составе городского и сельского населения. Исторически сложилось так, что при расширении границ Московской Руси на восток и юг с присоединением обширных иноэтнических или пустовавших территорий все города на этих территориях (кроме Казани) были основаны русскими как крепости, а затем росли как административно-торговые и ремесленные (позже — промышленные) центры с преобладающим русским населением, но нередко в окружении иноэтнического сельского населения. Урбанизация среди нерусских этносов на территории нынешней Российской Федерации стала развиваться главным образом во второй половине XIX в. и шла медленно; особенно стойко "противились" ей этносы, занимавшиеся оководотвом кочевого или полукочевого типа и ранее почти совершенно незнакомые с городским образом жизни (калмыки, часть башкир, буряты и др.); массовый переход таких этносов к оседлости начался в 1920-е годы, а переселение в города и после этого

шло медленными темпами: так, доля горожан на 1939 г. в Российской Федерации составляла 33 %, а у калмыков - 8 %, башкир и бурят - 9 %, якутов - 8 %; правда, среди некоторых горских этносов Северного Кавказа (чеченцев, аварцев и др.) она была еще ниже, но уже по другим причинам. Сильные различия между этническим составом горожан и сельских жителей сохранились до сих пор. А при расположении города среди иноэтнического сельского населения загрязнения им окружающей природной среды, в том числе и воздуха, могут восприниматься как неоправданный экологический ущерб, наносимый иноэтническими группами.

Мне очень не хочется выглядеть мрачным пессимистом, но, находясь на пороге третьего тысячелетия христианского летоисчисления, которым предшествовали тысячелетия ранней цивилизации, не могу не отметить, что плоды длительного развития человечества, особенно в экологическом отношении, оказались отнюдь не сладкими, как предполагали оптимисты всех времен и народов. За прошедшие тысячелетия жизнеобеспечение людей, как это не парадоксально, не стало существенно более легким делом: если охотники-собиратели бушмены и аборигены Австралии, живущие в очень неблагоприятных условиях тратят на свое материальное жизнеобеспечение примерно 4 часа в сутки, то современные люди в экономически развитых странах, вооруженные могучей техникой, работают по 8 часов и далеко не всегда считают свое жизнеобеспечение хорошим. Истребности человека стали во много раз более разнообразны, чем в далеком прошлом, и многократно умножились. При этом процесс умножения потребностей шел отнюдь не рациональным путем и в конечном счете осуществлялся главным образом за счет того или иного воздействия на природную среду обитания. Известные высказывания академика В.И.Вернадского о том, что в результате мощного воздействия человека на окружающую среду биосфера Земли преобразуется в ноосферу (сферу разума), способны ув-

лечь романтиков, но не трезво мыслящих ученых. Суровая действительность приносит все новые и новые факты того неразумного экологического поведения, которое ведет к катастрофическим последствиям для всего человечества. Более или менее локальное загрязнение рек и озер распространилось уже на моря, приобрело глобальный характер. Загрязнение атмосферы, насыщение ее углекислым газом приводит к так называемому тепличному эффекту, к потеплению климата и связанным с этим будущими глобальными наводнениями. Увеличение числа жителей многих стран происходит темпами, превышающими их экономический потенциал; если же возросшая масса народонаселения мира захочет поднять свой уровень материального обеспечения до уровня таких экономически развитых стран, как США и Япония, то уже в XXI столетии многие естественные ресурсы будут окончательно истощены, и в истории человечества начнется регресс, сопровождающийся гибелью многих десятков, если не сотен миллионов людей.

Многие оптимисты уповают на развитие космических исследований, могущих, якобы, в значительной степени компенсировать неудачное хозяйствование человека на земном шаре. В Советском Союзе среди таких особенно выделялся географ и писатель И.М. Забелин, который в очерке-эссе "Человечество - для чего оно?" вполне серьезно пытался доказать, будто бы Природа создала человека для борьбы против распространения энтропии во вселенной и что человек должен покинуть свою земную "колыбель" и устремиться на завоевание Космоса. В таких рассуждениях романтизм перемешан с телеологией (под "Природой" здесь явно подразумевается Бог), и они не выдерживают критического анализа⁷. Человечество возникло на Земле и обречено оставаться на ней до своего возможного конца, несмотря на все его космические мероприятия, которые, как известно, родились главным образом на основе воен-

ных мероприятий, плохо сочетающихся с развитием "сферы разума". Да и сама космонавтика до сих пор сводилась главным образом к околоземным полетам; правда, американцам удалось побывать на Луне, а в последнее время ими начата подготовка к полету на Марс, но, судя по всему, дорогостоящие космические забавы этим и ограничатся; гораздо рациональнее было бы употребить имеющиеся силы и средства на освоение, скажем, океанских глубин. Целесообразно в этой связи напомнить относящееся к концу 1950-х годов высказывание известного ученого Макса Борна о том, что "путешествие в космическое пространство является триумфом человеческой мысли, но трагическим поражением рассудка".

Решение глобальных проблем дальнейшего развития и самого существования человечества во многом осложняется тем, что его научно-техническая конвергенция не привела пока к этнополитической конвергенции. Возможно, что последняя противоречит самой природе человека, как социально-биологического существа, происшедшего от животных стадного типа, владевших определенной территорией и охраняющей ее от стад себе подобных, как это делает, скажем, волчья стая или львиный прайд. И если культурная дивергенция (особенно в части материальной культуры) помогала человеческим коллективам адаптироваться к средовым условиям жизни, то языковая дивергенция преследовала не столько адаптивные цели, сколько цели единения одних общностей и противопоставления их — другим коллективам людей. Более или менее изолированное развитие языков сопровождалось возникновением различного рода групповых символов, воздействующих на вторую сигнальную систему не в меньшей степени чем реальные предметы и явления воздействуют на естественные чувства человека, а это приводило к нерациональным, абсурдным поступкам. Достаточно сказать о возникшей среди людей уникальной для

всего животного мира тенденции убивать себе подобных, не принадлежащих к "своей" группе и даже принадлежащих к ней, например путем известных с древности (у этрусков, майя и других народов) человеческих жертвоприношений. Возникший трагический разрыв между разумом и эмоциями, между величием личности человека и способностью полного растворения личности в "толпе", массовые случаи полного подчинения социальным мифам и стоящим за ними "лидерам" — все это ярко проявилось и в межэтнических столкновениях на территории Советского Союза, в бессмысленно жестоком убийстве женщин и детей.

Человек, как "венец" биологической эволюции на Земле и как "царь Природы", недавно овладевший атомной энергией, — это, конечно, звучит гордо, хотя чернобыльская катастрофа значительно поубавила этой гордости. Человечество, разбитое на этнополитические сообщества, многие из которых уже владеют атомным, химическим и бактериологическим оружием, а многие другие на базе научно-технической конвергенции могут в ближайшем будущем произвести такие средства массового самоуничтожения, — это уже не "гордость", а реальная трагедия человечества, чем-то напоминающего мне в этом отношении опять таки таких вымерших "царей природы", как саблезубые тигры.

Для того, чтобы пессимистические прогнозы не сбылись, необходимо прежде всего сознать их возможность, а затем предпринять решительные действия к их предотвращению. К числу таких действий относится воспитание нового поколения людей, более свободных от иррационального мышления и поступков, умеющих преодолевать узкоэтнические интересы и ксенофобию. Существенное место в воспитании нового поколения должны занять и правила экологического поведения, рационального природопользования, с использованием, разумеется всего позитивного, что накоплено предшествующими поколениями, т.е. народной экологии.

1. См.: Козлов В.И. Национальный вопрос: парадигмы, теория и практика // История СССР, 1990, № 6; его же. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос // Отечественная история, 1993, № 2.
2. Крушник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С.19.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, ЛГУ, 1989. С.295, 313, 225; См. также Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности // Сов.этнография, 1990, № 4.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Указ. раб. С. 271, 373, 294, 302, 305.
5. Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории, 1974, № 12; его же. Пути околоэтнической пассионарности. Указ. раб.
6. Козлов В.И. Особенности этнодемографических проблем в Средней Азии и пути их решения // История СССР, 1988, № 1.
7. Забелин И. Человечество – для чего оно? // Человек и человечество. М., 1970; см. также: Козлов В.И. Человечество, природа и телеология // Новый мир, 1970, № 12.